

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

Серия
“История и политические науки”

№ 2

Москва
Издательство МГОУ
2010

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - доктор философских наук, профессор
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, профессор
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «Исторические науки». - № 2. - 2010. - М.: Изд-во МГОУ. - 152 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК №4 за 2005 г., С.5) и решение Президиума ВАК России 6.07.2007 г. (См.: Список журналов на сайте ВАК в редакции 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010

© Издательство МГОУ, 2010

Содержание

65-летию великой Победы посвящается

СЕЙРАНЯН Ф.Г. Военно-политическое событие мирового значения	7
БЕСПАЛОВ В.В. Проблема соблюдения международного права в период Второй мировой войны и развитие государственно-правовых норм в СССР	20
МОШЕВ А.В. Эволюция советской агитации в переломный период Второй мировой войны 1942-1943 гг.	25
МЕЗИТ Л.Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны	29

Историография и источниковедение

ВОЛОБУЕВ О.В. Дворянская революция в странах Западной Европы как переходный период всемирной истории в трактовке Н.А. Рожкова	33
ЦЫКИНА Ю.Ю. «Письма к вождю» марийского народа – один из источников знаний об истории марийского народа	37
ТЕТЕРИН П.В. Опыт осмысления российской историографией причин развязывания "холодной войны"	40
ГОРОБИЙ А.В. Историко-лингвистический анализ дискурса российских мемуарных источников по истории отношений СССР и ФРГ 1985-1991 гг.	44

История России Средних веков и Нового времени

ЗАХАРОВ В.Ю. Теория модернизации и попытки реформ государственного строя в России во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. (к постановке проблемы)	47
АЗЕРНИКОВА И.П. Вклад императрицы Марии Федоровны и её ведомства в развитие благотворительности в России	50
СУХОВА Н.Ю. Александровская эпоха и духовная школа: реформа 1808–1814 гг.	55
ДЖЕСЮПОВ Э.С. Предпосылки и особенности создания национальных воинских формирований в русской армии накануне Отечественной войны 1812 года	60
ГАЛКИН П.В. Московское земство и правительственная программа по введению всеобщего обучения	64

Новейшая история России

МАКУТЧЕВ А.В. Тульский губернский революционный трибунал в 1918-1923 гг.: проблемы судопроизводства в годы Гражданской войны	69
ЯКУШЕВ П.А. Финансовая политика советской власти по организации развитию коллективного землепользования в годы Гражданской войны (на примере Смоленской губернии)	73
ФЕДОТОВ А.В. Бедняки в доколхозной деревне: кто они? (опыт регионального исследования по материалам Тульской губернии)	76
СИДОРОВА И.Т. Становление химической промышленности в Верхнекамье на примере Березниковского химического комбината	80
ПАРАМОНОВА Е.И. Основные этапы и пути становления Арзамасского приборостроительного завода во второй половине 50-х – 60-е годы XX века	84
РОГАЧЕВА Л.И. Становление и развитие общественных связей как социального феномена	87

Всеобщая история

История Средних веков и Нового времени

ФУРЦЕВ Р.В. Фридрих I Барбаросса и его политика в отношении норманнского государства в Италии	90
МАМЕДОВ И. Источники пополнения гарема османских султанов	96
САМЕДОВА С.Т. Развитие виноградарства и виноделия на территории Азербайджана в античный период (IV в. до н.э. - III в. н.э.)	100

Новейшая история

КРЫСОВ А.Г. Конклав 1903 г. и кардинал Рафаэль Мерри-дель-Валь	103
ВОРОНИН С.А. Сукарно. Орёл, парящий в одиночестве (формирование концепции «третьего пути»)	107
ПЕЧИЩЕВА Л.А. Основные направления германо-индийского взаимодействия в начале XXI века	114

КАШИРИНА Т.В. Американская концепция «современного миропорядка» и американо-российские отношения на рубеже XX-XXI вв.	116
МАЛЫШЕВ О.С. Динамика трансатлантических отношений в XXI веке	120

Политические науки

КАЮМОВА А.Ф. Роль молодежных общественных объединений в решении социальных проблем молодежи региона (на примере Республики Башкортостан)	123
ПЕЩЕРОВ В.Г. Политическая составляющая вхождения Российской системы образования в Общеввропейское образовательное пространство	126
ЕГОРОВ И.С. Политико-правовые аспекты российско-белорусских отношений	129
АБРАМОВ А.В. Государственные служащие как политическая страта общества: дискуссии и проблемы	132
АХВЛЕДИАНИ Н.Р. Программы патриотического воспитания молодежи в регионах Российской Федерации	137
МИГУНОВ Е.В. Теоретические взгляды на проблему образования новых государств в современном научном сообществе Франции	141
НАШИ АВТОРЫ	146

Contents

To the 65 anniversary of a great Victory it is devoted

F. SEIRANYAN. Military-political event of world value	7
V. BESPALOV. Problem of observance of international law in the Second World War and development is state-rules of law in the USSR	20
A. MOSHEV. The evolution of soviet propaganda during the critical period of World war the second 1942-1943	25
L. MEZIT. Conditions of a life of the population of Krasnoyarsk region in days of the Great Patriotic War	29

Historiography and source study

O. VOLOBUYEV. Noble revolution in Western Europe as a transitional period in world history in the treatment of N.A. Rozhkov	33
J. TSIKINA. «Letters to the leader» the Mari people - one of sources of knowledge of history of the Mari people	37
P. TETERIN. Experience in understanding the causes of the outbreak of Russia historiography of the Cold War	40
A. GOROBİY. Historical-linguistic discourse analysis of Russian memory sources on the history of the Soviet-West-German relations of 1985-1991	44

History of Russia of the Middle Ages and New time

V. ZAKHAROV. The theory of modernization and attempts of the political reforms in Russia at the second part of XVIII – first quarter of XIX century (to the stating of the problem)	47
I. AZERNIKOVA. The contribution of the Empress Maria Feodorovna and her chancellery in the development of charity in Russia	50
N. SUKHOVA. Epoch of Alexander and ecclesiastical reform of 1808–1814	55
E. DJESYUPOV. Prerequisites and peculiarities of creation of national military formations in the Russian army on the eve of Patriotic War of 1812	60
P. GALKIN. Moscow zemstvo and The governmental program of introduction of general education	64

Contemporary history of Russia

A. MAKUTCHEV. Activity of Revolutionary tribunal of the Tula province in 1918-1923	69
P. YAKUSHEV. The financial policy of the Soviet power on the organization and development of collective land tenure in days of Civil war (on the example of Smolensk province)	73
A. FEDOTOV. The poor in the pre-kolkhoz village: who are they? (the experience of regional research based on Tula province's materials)	76
I. SIDOROVA. Formation of chemical industry in Verkhnekamye by the example of Bereznikichemical plants	80
E. PARAMONOVA. Development and strengthening of the production base of Arzamas Instrument Plant in the late 1950-1960	84
L. ROGACHEVA. A formation and a development of public communications as a social phenomenon	87

General history

History of the Middle Ages and New time

R. FURTSEV. Friedrich I Barbarossa and its policy in the relation of the Norman state in Italy	90
I. MAMEDOV. Sources of replenishment of the Harem of the Ottoman Sultans	96
S. SAMADOVA. Development of vine- growing and winemaking in territory of Azerbaijan during the antique period (IV century B.C. - III century of our era)	100

Contemporary history

A. KRYSSOV. Conclave of 1903 and cardinal Rafael Merry-del-Val	103
S. VORONIN. Sukarno. An eagle soaring in loneliness (concept Formation «the third way»)	107
L. PECHISHCHEVA. Main directions of German-Indian cooperation at the beginning of the 21st century	114

T. KASHIRINA. The American concept of «a modern world order» and the American-Russian relations on boundary XX-XXI Centuries	116
O. MALYSHEV. Dynamics of transatlantic relations in the 21st century	120

Political sciences

A. KAYUMOVA. Role of state youth policy in youth public associations development in 1990 s-2000 s. Regional aspect	123
V. PESHEROV. Political component of occurrence of the Russian system Formations in the All-European educational space	126
I. EGOROV. Politiko-legal aspects of the Russian-Belarus relations	129
A. ABRAMOV. The civil officers as political group of the society: controversies and problems	132
N. AKHVLEDIANI. Programs of patriotic education of youth in regions of the Russian Federation	137
E. MIGUNOV. Theoretical views at the problem of formation of new states in the modern scientific community of France	141
OUR AUTHORS	146

65-летию великой Победы посвящается

УДК 355:94"1939/1945"

Сейранян Ф.Г.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ МИРОВОГО ЗНАЧЕНИЯ*

Аннотация. В статье рассмотрены политические, экономические и социальные последствия победы СССР в Великой Отечественной войне для России и современного мира. Автор выделяет наиболее острые и дискуссионные вопросы истории Великой Отечественной войны и дает им собственную оценку.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Вторая мировая война, Советский Союз

Прошло 65 лет со дня Великой Победы советского народа над фашистской Германией. Это наш самый дорогой и величественный праздник, объединяющий все поколения российского общества, прогрессивную часть стран содружества и всего мирового сообщества.

Годы властны над жизнью, но не властны над памятью, над бессмертным подвигом советского народа – освободителя, повернувшего «колесо истории» к миру, гуманизму и прогрессу. Никто и никогда не сможет умалить величие нашей Победы, исказить историческую правду о священной войне и ее подлинных героях.

Праздник Великой Победы уже многие годы является торжеством беспримерного воинского и трудового героизма нашего народа, освободившего родную землю и поработенную Европу от фашистских захватчиков. Эта победа неслышимой воли и стойкости духа в борьбе с врагом, чей план «блицкрига» был похоронен у стен Москвы в декабре 1941г.

Четыре года героических сражений навеки вписаны в летопись неувядаемой славы нашей Отчизны. История войн еще не знала такой самоотверженности и массового героизма, которые проявляли советские солдаты и офицеры в боях против фашистских захватчиков. Именно по этой причине гитлеровский план «молниеносной войны» дал осечку с первых же дней вторжения фашистских войск на нашу землю.

Наследие победы – это мощный моральный ресурс развития нашей страны и его нужно задействовать на пользу справедливой оценки политическим целям Советского Союза против

реакционных сил. Решительность и бескомпромиссность Советского Союза в войне против фашистского блока были фактором, обусловившим прочность антигитлеровской коалиции и высокий международный авторитет нашей страны.

Указ Президента РФ от 16 апреля 2007 г. №486 «О проведении дней воинской славы России в ознаменовании 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» предусматривал проведение комплекса мероприятий по подготовке к празднованию юбилея Победы по всей России. Большая организационная работа проводилась в столице нашей Родины городе – герое Москве, где под председательством мэра Юрия Михайловича Лужкова был создан Оргкомитет по подготовке и проведению празднования 65-й годовщины Великой Победы.

В январе 2009 года на заседании Российского оргкомитета «Победа» в Санкт – Петербурге опыт Москвы по подготовке к юбилею Победы получил высокую оценку Президента России Д.А. Медведева и рекомендован им для использования во всех субъектах российской Федерации.

Война с немецким фашизмом была самой тяжелой и жестокой из всех войн, когда – либо пережитых нашим народом. В этой войне решалась судьба нашей Родины, будущее всей Европы и мировой цивилизации.

Победа, добытая 65 лет назад в невероятных условиях, была тяжелейшим испытанием не только в истории нашей страны, но и всего человечества. Она достигнута огромными усилиями и военной доблестью нашего народа и его армии.

Советский народ – вместе с народами и армиями стран антигитлеровской коалиции преградил дорогу фашистским агрессорам к мировому господству, их экспансии на другие континенты. Наша страна, народ по достоинству оценивают вклад в победу, который внесли народы США, Великобритании, Франции, Китая и др. стран. Но историческая истина в том, что решающий вклад в обеспечение победы над фашизмом внес Советский Союз. Именно на советско-германском фронте происходили главные битвы Второй мировой войны, именно здесь гитлеровская Германия ис-

* © Сейранян Ф.Г.

пользовала большую часть своих войск и войск европейских союзников. Здесь в течение всей войны действовало в среднем до 70% дивизий фашистской Германии и ее блока. Здесь происходили главные битвы, следствием которых стал крах военно-политических планов и стратегических доктрин гитлеровцев.

Решающий вклад Советского Союза в победу определяется тем, что урон в личном составе, нанесенный вермахту на советско – германском фронте был в четыре раза больше, чем на Западно-европейском и Средиземноморском театрах военных действий вместе взятых, а по числу убитых и раненых – в шесть раз. Советско-германский фронт на протяжении четырех лет являлся главным фронтом войны. Здесь было разгромлено 607 дивизий фашистского блока (союзники нанесли поражение 176 дивизиям). Общие потери вермахта на советско-германском фронте составили 10 млн. человек (всего Германия потеряла 13,6 млн.) и около 75% военной техники и оружия (5, с.119).

Победа над фашистским агрессором была одержана совместными усилиями государств антифашистской коалиции, народов, боровшихся против оккупантов. Решающую роль в разгроме фашистского блока принадлежит Советскому Союзу и его Вооруженным Силам. В ходе войны не было никаких сомнений в решающей роли советско-германского фронта и советского народа в разгроме фашистской Германии.

Это открыто признавали главы воюющих государств: Рузвельт, Черчилль, де Голль и др. Бывший государственный секретарь США Стенниус в своей книге «Рузвельт и русские», вышедшей в 1950 году, писал: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 году. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке. Президент Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу». Сам Президент США Ф. Рузвельт неоднократно обращал внимание международной общественности на ведущую роль Советского Союза в войне с фашистской Германией. «С точки зрения большой стратегии, - отмечал он 6 мая 1942 года, - ... трудно уйти от очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые».

Современные политики и историки много спорят о политическом значении войны, о ее итогах, о цене победы и т.д. Шаг за шагом, исследуя сложившуюся фронтовую картину, историки в своем большинстве не уходили от реальностей, и даже спустя десятилетия мы ощущаем всю тяжесть

той страшной войны, ее высокую оценку.

Великая Отечественная война до сих пор, спустя 65 лет, продолжает оставаться на острие идеологических и политических баталий, вызывает яростное толкование различных точек зрения. На Западе, а теперь и у нас, не прекращаются попытки переписать военную историю, в какой-то мере реабилитировать агрессора, представить его вероломные действия превентивной войной против «советского экспансионизма».

В этих попытках просматривается стремление некоторых авторов исказить вопрос о главном «архитекторе победы», поставить под сомнение решающую роль Советского Союза в разгроме фашизма. Многочисленные исторические факты опровергают измышления тех, кто по известным только им причинам хотел принизить значение Великой Победы.

Говорят, история – капризная дама, которая каждый день смотрит в зеркало, но в своем отражении видит лишь то, что ей нравится. В этих словах есть доля правды. Спустя 65 лет после окончания Великой Отечественной войны поток околосторонней литературы, написанной, надо признать, интересно и убедительно, захлестнул прилавки магазинов. Но его конечная цель – сознание людей. А главное – создание идеологической базы для пересмотра итогов второй мировой войны, политического переустройства Евро – Азиатского региона. Вот почему нам вновь и вновь приходится восстанавливать истину, которая нужна еще и для того, чтобы не повторять ошибок прошлого.

Чтобы помнить о нашем героическом и трагическом прошлом, необходимо достоверно знать о событиях того времени и о тех, кто первыми начал писать историю. Каждый, разумеется, может иметь свое мнение, но не следует его монополизировать и агрессивно навязывать другим людям.

Нельзя армию освободителей представлять как армию насильников и мародеров, безапелляционно бросать тень на солдата – героя, уничтожительно отзываться о плее советских полководцев.

Наконец, мы все знаем, что есть люди и в России, и за ее пределами, которые хотели бы вытравить из памяти народной решающий вклад нашей страны, ее армии в победу над фашизмом, умалить подвиг военного поколения, спасшего Родину, а вместе с ней и мировую цивилизацию от чудовищного нацистского порабощения.

Разве не являются черным пиаром о Великой Отечественной войне с отчетливым русофобским оттенком телефильмы «Курская дуга», «Секретный эшелон», «Враг у ворот», «Штрафбат», «Диверсанты» и др. Или такие, с позволения сказать, литературные произведения как «Фашист-

ский меч ковался в СССР» Ю.Л. Демьянова и Т.С. Бушуевой, «Цена победы» Б. Соколова, «Ледокол» В. Суворова, «Генерал и его армия» Г. Владимова, книга «Прокляты и убиты» В. Астафьева и др. Как же нужно ненавидеть свою страну, свою армию, чтобы додуматься до такого очернения своего народа. Во всех произведениях чувствуется специальный политический заказ с целью опорочить ратные подвиги нашего народа.

К сожалению, никуда не исчезла тенденция приуменьшения решающей роли Советского Союза, России в Великой Отечественной войне. Это свойственно и литературным публикациям и кинематографу, появляющихся, как мы видели, в последние годы. Роль нашего народа, роль государства, наших Вооруженных Сил умалать недопустимо, мы спасли мировую цивилизацию, пусть колоссальной ценой и не самым демократическим режимом. Это относится в полной мере и к народам всех других бывших союзных республик, теперь независимых государств, входивших в состав СССР. И это должно быть справедливо отражено в летописи мировой истории.

В послевоенные годы вышло много книг, монографий, в которых западные историки и философы пытаются опорочить решающую роль и значение Советского Союза и его армии в Великой Отечественной войне, извратить освободительную миссию Советских Вооруженных Сил, внушить читателям, что исход войны мог бы быть иным, если бы не ошибки Гитлера, переложить вину за развязывание Второй мировой войны на Советский Союз и особенно переоценить вклад США и Великобритании в достижении разгрома фашистского блока.

На Западе широко распространен тезис о решающей роли второго фронта. Но всем известно, что второй фронт был открыт с опозданием на два года, когда успех войны на советско-германском фронте был уже предрешен в пользу СССР.

В США вышла книга Ф. Уолтона «Чудо второй мировой войны», там есть раздел с заголовком «Как американская промышленность обеспечила победу», где утверждается решающая роль ленд-лиза для Советского Союза.

Сегодня ленд-лиз остается, пожалуй, одной из наиболее популярных тем, вызывающих оживленные дискуссии не только у специалистов-историков, но и у журналистов, и всех интересующихся историей новейшего времени. Отчасти этот неподдельный интерес связан с проблемой урегулирования выплат по ленд-лизским долгам. Но не меньше проблем содержится в самой истории ленд-лизских отношений, в орбиту которых было вовлечено более четырех десятков стран (12, с.18).

Механизм осуществления этой программы

имел для каждой страны свою специфику и отрабатывался на протяжении всей Второй мировой войны. Нужно отметить гибкость и динамичность этого механизма, его приспособляемость к меняющейся политической обстановке.

Авторы работ о Великой Отечественной войне, изданных на Западе, в большинстве своем, не отрицают, что поставки союзников были невелики по объему в сравнении с итогами промышленного производства СССР за 1941-1945 годы, но, давая общую оценку ленд-лиза, западная историография придерживается того мнения, что для экономики СССР он все же значил больше, нежели судить по советским работам, исчислявшим удельный вес поставок промышленных товаров в общем-производстве СССР цифрой 4%. (7, с. 74)

Западные исследователи определяют долг ленд-лиза в 7-11%. Причиной такого расхождения являются различные подходы к подсчету поставок: американские данные основываются на количестве отправленных товаров, без учета их потерь по пути следования, советская же сторона исходила из объема фактически полученных СССР поставок. (15, с.327).

В свое время личный представитель президента США Г. Гопкинс отмечал: «... Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на Восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии» (17, с.626).

В настоящее время отечественные исследователи, занимающиеся проблемами ленд-лизских отношений, пытаются отойти от односторонних оценок только материальной стороны союзнической военно-экономической помощи и все больше внимания уделяют механизму функционирования системы ленд-лиза, взаимоотношениям союзников на всех этапах ленд-лиза, начиная от планирования и утверждения размеров поставок на межправительственном уровне и заканчивая применением вооружения и материалов непосредственно на фронтах и в тылу. Следует отметить, что иногда заинтересованность участников и координаторов ленд-лиза имела определяющее влияние на развертывание этой помощи, а политические разногласия внутри антигитлеровской коалиции не раз ставили под сомнение прочность союзнических взаимоотношений.

Одним было выгодно утверждать, что на весах победы американская тушенка и техника, поставленные по ленд-лизу, оказались весомее миллионов жизней советских солдат.

Другим выгодно самоутверждать свои маленькие и незрелые государства ценой мелочных претензий к большому соседу.

Главное, чтобы в борьбе с чужими «ревизионистами» мы сами не забыли о цене победы. Сами

давали бы по башке доморощенным нацистам, приносящим на футбольные матчи транспаранты со здравницей Гитлеру. Сами заботились о ветеранах круглый год, а не только по случаю майского праздника. Сами изучали и помнили свою историю – без прикрас и фальши. А не так как это случилось в Приэльбрусье. Там есть станция «Мир». Туристы посещают музей боевой славы. А вот памятник героям обороны Приэльбрусья, стоявший там не один десяток лет, на котором высечены имена бойцов и командиров, на привычном месте туристы не увидели.

Местные жители рассказывают, что памятник помешал строительству второй очереди новой канатной дороги, а земля вокруг канатки распродана.

- Как же так?, - справедливо спрашивает читательница «Аргументов и фактов», Е.Евстигнеева, - Мы становимся равнодушными к памяти погибших? Или, когда говорят деньги, благодарность героям войны должна молчать? Мы можем возмущаться, когда в Эстонии оскверняют память наших солдат, а сами?

И это вопрос вопросов. Потому что даже в юбилейный год власть на разном уровне не может или не хочет сохранить священную память о Героях Великой Отечественной, десятки захоронений полузабыты, заросли буряном. Разве память угасает? (3)

Вот почему очень своевременной явилась инициатива В.В. Путина воссоздать на Поклонной горе Мемориал славы, взорванный в Кутаиси 19 декабря 2009 г. Этот акт вандализма возмутил всех честных людей в нашей стране. Автор памятника известный скульптор Мераб Бердзенишвили назвал варварством уничтожение памятника и напомнил нынешним правителям Грузии, что в Великой Отечественной войне принимало участие 700 тыс. человек из Грузии, более сотни человек стали Героями Советского Союза, более 240 тыс. – награждены орденами и медалями Советского Союза.

Во время взятия Берлина русский Михаил Егоров и грузин Мелитон Кантария водрузили над Рейхстагом Знамя Победы. За этот подвиг они были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Поэтому воссоздание Мемориала славы в Москве, на Поклонной горе, явится памятью воинам не вернувшимся с этой войны. Это явится еще одним добрым жестом дружеского отношения России к грузинскому народу, к его истории, к воинам из Грузии, отдавшим жизнь за общую Родину – Советский Союз. И как справедливо отметил первый спикер Госдумы Олег Морозов: «Этот памятник должен стать символом нашей позиции, символом защиты истории. Он должен стать па-

мятником всем снесенным памятникам» (13).

На наш взгляд политическому руководству страны, ученым, депутатам и сенаторам настало время принимать решения, направленные на защиту наших ценностей, российской истории, героических страниц Великой Отечественной войны.

Это весьма существенный момент, потому что и ранее, и сейчас, в год шестидесятилетия Великой Победы, не прекращаются как скрытые, так и открытые инсинуации за рубежом, да и в нашей стране, лишить нас исторической опоры, объявив Россию страной без достойного прошлого и настоящего и, как следствие, без достойного будущего.

Все эти попытки переписать историю Великой Отечественной войны, вся эта ложь вокруг памяти Героев и памятников им должны получать достойный отпор со стороны политических и общественных организаций нашей страны.

На наш взгляд ни в коем случае нельзя допустить оправдания и героизации нацизма, что, к сожалению, сегодня уже происходит в ряде стран Восточной Европы, и прежде всего – в Балтии и в Украине. Именно в этих странах, которые на Западе именуют не иначе, как «новые демократии», в последние годы все чаще раздаются голоса, оправдывающие нацизм, а некоторые политики даже открыто помогают местным националистам и пытаются переписать историю.

Так в Украине практически на государственном уровне отметили 100-летие со дня рождения Степана Бандеры, создателя пресловутой Организации украинских националистов, чьи бойцы повинны в уничтожении сотен тысяч людей. По всей «незалежной» сегодня возводят памятники Бандере, а правой руке Бандеры – Шухевичу – было присвоено звание Героя Украины.

Не менее вольготно чувствуют себя пособники нацистов в Прибалтике. В Эстонии в любом киоске можно купить сборник гитлеровских плакатов, майки с символикой эстонского легиона СС.

Президент Латвии принимал в своем дворце ветеранов из легиона Ваффен СС, которые активно участвовали в уничтожении людей в Белоруссии. Можно приводить много примеров. Но ясно одно. Сегодня мы имеем дело с вопиющими фактами – происходит героизация фашизма, реабилитация войск, воевавших на стороне Гитлера.

Наш долг не допустить искажения исторических ценностей, вести борьбу с неофашистами, скинхедами, всячески воспрепятствовать возрождению фашизма, для чего необходимо повсеместно объединить разрозненные антифашистские силы в единую организацию – международный антифашистский и антинацистский фронт.

Его задачей станет мониторинг в каждой

стране нарушений решений Нюрнбергского трибунала. С преступниками надо работать на уровне законодательных и нормативных актов, а в документах Нюрнбергского трибунала четко записано, что те организации, юридические и физические лица, правительства тех стран, которые реабилитируют воинские формирования, воевавшие на стороне Гитлера, подлежат суду Международного трибунала. Только такими методами, совместными усилиями возможно остановить «коричневую чуму».

Вот почему с предложением ввести новую карательную статью в УК РФ выступил глава МЧС Сергей Шойгу. По его словам «тогда президенты некоторых стран, отрицающие нашу Победу не смогут безнаказанно приезжать в Россию. А мэры некоторых городов, прежде чем сносить памятники, несколько раз подумают об этом» (2, с.8).

Намек министра понятен. Некоторые руководители открыто симпатизируют ветеранам - бандеровцам, воевавшим на стороне Гитлера против Советского Союза. Престарелые пособники эсэсовцев в чести у властей Латвии и Эстонии, в Литве в 2008 г. приравняли советскую символику к нацистской и ввели штраф за ее демонстрацию (2, с.8).

Нельзя допустить, чтобы преступления нацистов сегодня обелялись или оправдывались. К сожалению, в Прибалтике и на Украине все громче раздаются голоса – мол, местные «патриоты» сражались за свободу и боролись против «советской тирании». При этом поборники «исторической правды» как-то забывают, что «лесные братья», легионеры, бендеровцы и им подобные виноваты в уничтожении сотен тысяч людей.

Возрождение нацизма, который представляет опасность для мирового сообщества – это общая проблема для всей прогрессивной миролюбивой общественности, которая всесторонне осуждает руководителей Украины, Латвии, Литвы, Эстонии за действия, направленные на оправдание и героизацию нацизма.

Если правительства этих стран оправдывают своих нацистских пособников, возводят их в ранг национальных героев, значит, они солидаризуются с проигравшей войну стороной, гитлеровской Германией, и должны взять на себя как минимум моральную ответственность за преступления Третьего рейха.

Между тем «второй фронт» по пересмотру итогов войны давно открыт на Западе Европы и в США. В результате, например, европейская и американская молодежь, насмотревшись голливудских блокбастеров о Второй мировой войне, считает Америку, а вовсе не СССР главным победителем гитлеровской Германии.

Известный российский историк, президент

фонда исторической перспективы проф. Н. Нарочницкая справедливо в своих работах отмечает, что с 70-х годов прошлого столетия на Западе появился тезис: цивилизованному миру пришлось объединиться с одним из тоталитарных режимов, чтобы уничтожить другой. «Это фон, - отмечает Н.Нарочницкая, - для того, чтобы задним числом провести еще один Нюрнбергский процесс, объявить СССР преступным государством, равным гитлеровской Германии, поставить под сомнение подпись СССР под важнейшими международными документами, в том числе, о современных границах. Тем самым объявить преступным государством уже Россию как правопреемницу Советского Союза» (2, с.8).

Стране, лежавшей в руинах после войны, заплатившей миллионами жизней за избавление человечества от «коричневой чумы», предлагают покаяться и заплатить еще раз: в странах Балтии уже составлены списки претензий на миллиарды долларов. Нынешние политические деятели в странах Балтии, да и в соседней Польше и др. Восточно – Европейских странах забывают, что от СССР, от соцлагеря они ушли полноценными нациями с высокой развитой экономикой, культурой и образованием.

Представляет интерес статья Роя Медведева, который к проблеме фальсификации истории Великой Отечественной войны подходит как ученый – теоретик. Вопросы истории, - утверждает Р.Медведев, - должны изучаться историками, а не следователями. Никакой суд не может принять решение о том, что в прошлом что – то было так, а не иначе. Здесь есть и критика взглядов А. Солженицына, который в своей работе «Как нам обустроить Россию» писал, что войну мы не выиграли, а скорее проиграли. По Солженицыну получалось, что война для страны была позорная и этой победой надо не гордиться, а стыдиться. Своим участием в этой войне он тоже не гордился (2, с.8).

Прекрасный писатель Б. Васильев, автор повести «А зори здесь тихие...», писал: мы победили только потому, что «завалили немцев трупами». Это не так. Во второй половине войны победа была достигнута благодаря высокому военному искусству наших полководцев, что до цены победы, то она была такой, какую наш народ согласился заплатить (2, с.8).

Приняв на себя удар основных сил гитлеровской Германии и ее союзников, Советский Союз сыграл главную роль в их разгроме. Именно здесь решился исход Второй мировой войны. Советскими Вооруженными Силами было разгромлено 507 немецко-фашистских дивизий и 100 дивизий ее союзников, почти в 3,5 раза больше, чем на всех остальных фронтах Второй мировой войны (8, с.257).

Советско-германский фронт не только отвлекал на себя основные силы вермахта, но и резко отличался от других продолжительностью вооруженной борьбы и напряженностью. Из 1418 дней и ночей его существования активные боевые действия сторон здесь велись 1320 дней. Для сравнения: на северо-африканском фронте из 1068 дней его существования активные действия велись лишь 309 дней, а на итальянском – 492 из 663 дня. (8, с.257)

Даже такой яркий противник Советского Союза как сэр У. Черчилль не мог удержаться, чтобы не сказать добрых слов о нашей армии. В сентябре 1944 г. в своем послании к И.В. Сталину он писал: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины и в настоящее время сдерживает на своем фронте несравненно большую часть сил противника» (14, с.260).

Только упрямцы, не желающие заглянуть ни в один документ Великой Отечественной войны, никогда не изучавшие историю войны, могут продолжать талдычить, будто это были «наивные матросовцы и глупенькие Зои», отстаивавшие независимость своей страны и мировую цивилизацию.

Военные историки, сопоставляя все факты, пришли к выводу, что советско-германский фронт был главным театром военных действий во Второй мировой войне, и на полях его сражений были сосредоточены основные вооруженные силы фашистской Германии. Наша страна сделала для победы гораздо больше, чем остальные участники антигитлеровской коалиции вместе взятые.

Показательны такие цифры. До середины 1944 года на фронтах англо-американских войск в Северной Африке, а затем в Италии находилось от 1 до 8 % сухопутных войск Германии.

Основные силы фашистской Германии были сосредоточены на советско-германском фронте. Даже в июле 1944 года, после открытия второго фронта, против наших вооруженных сил действовало 235 дивизий Германии и ее сателлитов. Американским и английским войскам противостояло 135 дивизий.

Перед завершающей кампанией 1945 года против советских войск действовало 195 дивизий, а против американско-английских – 106, или почти в 2 раза меньше. К этому необходимо добавить, что на Восточный фронт направлялись самые боеспособные дивизии вермахта (10, с.98.)

Советско-германский фронт привлекал на себя основные силы фашистской Германии и резко отличался от других по размаху и напряженности вооруженной борьбы.

Премьер Великобритании У. Черчилль был вынужден признать, «что все наши (Западных союзников – Авт.) военные операции осуществляются в весьма незначительных масштабах... по срав-

нению с гигантскими усилиями России» (8, с.305).

Это признавали и многие объективные западные историки и писатели. Так, английский писатель Пирс Пол Рид писал: «Поражение Гитлера - исход борьбы, означавший поражение фашистской армии и фашистской морали, был предрешен не боями в пустынях северной Африки или на берегах Нормандии, а в Сталинграде, Ленинграде и Курске. Для Гитлера Англия и Северная Африка имели периферийное значение. В России он был побежден» (8, с.306).

К большому сожалению, такие обоснованные суждения, которые высказывались видными представителями Запада, союзных государств во время войны и сразу после неё, в последние годы всё реже вспоминаются. А это означает, что кое-кто на Западе пытается принизить решающую роль Советского Союза в победе, начинает отходить от настоящей правды истории, забывая об откровенном заявлении Госсекретаря США К. Хэлла: «Мы должны всегда помнить, что своей героической борьбой против Германии русские, возможно, спасли союзников от сепаратного мира с немцами. Такой мир унизил бы союзников и открыл двери для следующей тридцатилетней войны» (8, с.306).

Поэтому распространяемая ложь о Великой Отечественной войне противоречит взглядам большинства историков России и многих зарубежных стран, у которых не вызывает сомнения тот факт, что Советский Союз вынес на своих плечах основную тяжесть войны, что советскому народу, Советской Армии принадлежит ведущая роль в разгроме немецко-фашистских войск.

Несмотря ни на что, День Великой Победы всегда был и останется в памяти народной как самый светлый, самый дорогой и поистине всенародный праздник, как день памяти павших, так как нет такой семьи в России, которую каким-то краем не коснулась бы та жестокая война.

Отмечая 65-летний юбилей Великой Победы, мы по праву гордимся подвигом тех, кто завоевал мир, свободу и независимость. Во имя Победы наши воины, труженики тыла, все участники боевых действий не щадили жизни. Наш священный долг и святая обязанность — проявлять чуткость, внимание, заботу и глубокое уважение к ветеранам Великой Отечественной, вынесшим на своих плечах все ужасы и тяготы войны, всегда помнить о тех, кто не дождался светлого дня Победы.

О самой страшной войне XX века много уже написано, исследованы многочисленные документы и факты, но интерес к прошлому войны не ослабевает, и причин тому несколько:

1. Война перекроила карту мира, изменила геополитический порядок на XX и даже XXI век, и сегодня продолжают попытки отдельных госу-

дарств вернуться к границам конца тридцатых годов прошлого столетия.

2. Война стала самой крупной и кровопролитной из всех войн, перенесенной человечеством когда-либо. Десятки миллионов людей погибли и были искалечены в гитлеровских концлагерях, многие потеряли родных и близких, несколько поколений детей были истреблены, что до сих пор отражается на демографическом состоянии общества в разных странах.

3. Война явилась жестоким экзаменом для стран с различным социальным строем, системами нравственных ценностей, традициями, экономикой, культурой, государственным устройством. Одним из феноменов России стали высокий моральный дух и стойкость советских людей. Высокий патриотизм советского народа, любовь к Отечеству, верность конституционному долгу – эти качества закладывались в сознании граждан в предвоенные годы в ходе хорошо поставленной системы военно-патриотического воспитания.

В сегодняшней ситуации чрезвычайно важно подчеркнуть, что добиться столь высокого политического и экономического результата властям удалось, главным образом, благодаря политике созидания, проявившейся во всех сферах жизни в предвоенные годы. Вот почему, несмотря на большие просчеты, ошибки и даже преступления в стране, большая часть населения проявила высокое доверие партийным и советским руководителям.

4. Победа в Великой Отечественной войне знаменательна еще и тем, что Советский Союз выдержал натиск транснациональных корпораций (ТНК) мира, чьи производства, предприятия, банки и другие структуры, а значит и политические, экономические и финансовые интересы были нацелены на уничтожение СССР. Причинами, толкавшими ТНК на борьбу, были объективные законы развития капиталистической системы на этом её этапе, необходимость установления нужного им порядка в мире. Дополнительным побудительным мотивом борьбы с нами было стремление ТНК овладеть нашими сырьевыми, людскими ресурсами и территорией. Волновала ТНК и динамика развития России-СССР, возможность страны стать политическим и экономическим соперником.

5. В ряду мотивов, которыми руководствовался Гитлер, принимая решение о нападении на Советский Союз, не последнее место занимали идеологические соображения. Антикоммунистическая и антисоветская направленность «третьего рейха» дополнялась идеей борьбы за «жизненное пространство». Высказывания Гитлера о необходимости овладения экономическим и политическим пространством на Востоке, после чего можно будет вести «борьбу против конти-

нентов», убедительно свидетельствует о том, что Гитлер, принимая решение напасть на Советский Союз, руководствовался своими стратегическими установками, а не страхом перед советским нападением.

6. Важной причиной того, почему не ослабевает интерес к войне является изучение опыта ведения боевых наступательных операций Советской Армией, а также последующих за ней локальных войн и вооруженных конфликтов. Он показывает, что на подготовительном этапе наступательных операций значительно возрастает роль всех видов и родов войск. Решение этих боевых задач становится невозможным без наличия современных типов вооружения и военной техники. Поэтому и в годы войны, и в период мирного строительства, вопросы оснащения армии и флота современными средствами техники и вооружения становятся приоритетными государственными задачами.

Таковы основные причины, которые заставляют ученых и политиков еще и еще раз вернуться к урокам войны, ее политическому значению, связать Победу в Великой Отечественной войне с послевоенными и современными отношениями России с соседними государствами, Западом и США. Обратить внимание на нынешние отношения России и США, России и НАТО, на подписанное главами государств и правительств стран – членов НАТО и Российской Федерации Римской декларации «Отношения Россия – НАТО: новое качество» (9).

Сотрудничество ведущих мировых государств в области противодействия международному терроризму, сепаратизму, экстремизму, в целом в предотвращении угроз и вызовов в мире, во многом способствует и борьба с наркобизнесом, который предоставляет организованному терроризму неограниченные возможности в поставках оружия и создания напряженности. Получает доходы от наркобизнеса, а также получает помощь от части бизнесменов, проживающих в разных странах, и ведущих в них свои дела. Угрозу со стороны международного организованного терроризма уже в полной мере осознали в Америке, Европе, Азии.

В силу своего геополитического положения Россия не может оставаться безучастной к событиям, которые время от времени случаются в мире, а потом вместе с международным сообществом Россия решает вопросы, требующие значительных сил для обеспечения безопасности на основных стратегических направлениях.

На современном этапе развития российского общества очень важны вопросы формирования массового общественного сознания, особенно в вопросах истории.

Для нас очень важным являются проблемы государственно – патриотической идеологии, реализация принятой в июле 2005 г. государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006 – 2010 годы».

Нам нужен просвещенный патриотизм. Нельзя впадать ни в самоуничтожение, ни в самовосхваление, забывать ни о выдающихся победах, ни о тяжелейших поражениях. Очень важно иметь несколько опорных точек, которые позволят сформировать самосознание нашего многоэтнического народа.

Великая Отечественная война показала широкие возможности политического и военного сотрудничества государств с различным политическим строем для достижения общей победы.

Это была победа прогресса над реакцией, гуманизма над варварством и мракобесием. Великая Отечественная война была составной частью второй мировой войны. Но частью важнейшей, решающей. Начав вторую мировую войну как обычный хищник, напавший на соседние страны, германский фашизм имел далекую цель: он готовился как ударный отряд ликвидировать Советский Союз и установить мировое господство.

Поставленная агрессором цель противоречила основному направлению исторического развития. Она выражала интересы самых реакционных сил, олицетворяла агрессивную сущность политики обреченного фашизма.

Напротив, политические цели Советского Союза в справедливой освободительной войне против фашистской Германии соответствовали общественному прогрессу, выражали его потребности, жизненные интересы не только советского народа, но и народов всех стран мира. Они включали в себя общедемократическое содержание и потому явились той основой, на которой были объединены усилия многих народов в достижении победы.

Самоотверженно боролись с фашистскими захватчиками бойцы воинских соединений и партизанских армий и отрядов Югославии, Польши, Чехословакии, патриоты Болгарии, Румынии, Венгрии, участники движения Сопротивления и антифашистского подполья. Большой вклад в достижение Победы во второй мировой войне внесли народы и армии США, Великобритании, Франции, Китая и других государств антигитлеровской коалиции.

Что ожидало нашу страну, её народ, другие страны и народы, если бы Советский Союз и его Вооруженные Силы не сумели остановить и наголову разгромить фашистских захватчиков? Порабощение фашизмом и физическое уничтожение десятков и сотен миллионов людей, гибель многих государств, разрушение цивилизации.

Подсчитано, что в годы войны и оккупации гитлеровцы в захваченных ими странах и в самой Германии построили более 10500 концентрационных лагерей и их филиалов, тюрем, гетто и др. мест заключения. В них погибло 18 миллионов человек из 30 стран, из которых более 11 миллионов, т.е. 61 %, были физически уничтожены (16, с.266-267).

Мужество советских людей, их целеустремленность, энергия в борьбе за спасение страны сыграли огромную роль на фронтах Великой Отечественной войны. Установленная во время войны жесткая централизация политической и военной власти, строгая требовательность и ответственность во всех звеньях военного и гражданского аппарата, напряженная работа страны для спасения от фашистского нашествия сыграли выдающуюся роль в достижении победы. Каждый гражданин России, равно как и граждане других государств СНГ, входивших в состав СССР, вправе гордиться поколением людей, защитивших свою Родину, одержавших Великую Победу, отстаивших свободу многих народов.

В чем же выражается политическое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне?

1. Величайшая заслуга советского народа, его Вооруженных Сил состоит в спасении народов Европы от фашистского порабощения, физического истребления миллионов людей, уничтожения мировой цивилизации. И в этом заключается глобальное политическое значение Великой Победы.

2. Политическое значение победы советского народа в Великой Отечественной войне состоит также в её глубочайшем воздействии на ход мирового развития. Наша Победа стала историческим рубежом в судьбах человечества. От нее начался отсчет нового этапа современной эпохи, характерными чертами которого являются образование мировой системы социализма, распад колониальной системы, изменение коренным образом соотношения политических сил на международной арене в пользу мира, демократии, социального обновления планеты.

Очень важно иметь ввиду, что уже в ходе войны, по мере того как Советские Вооруженные силы наносили по фашистским захватчикам все более ощутимые удары и одерживали крупные победы в важнейших стратегических операциях, неуклонно возрастал престиж и авторитет Советского Союза в глазах мировой общественности, и в то же время ослабевали позиции стран фашистского блока на мировой арене. Победоносный исход Великой Отечественной войны означал полное крушение фашистской Германии, он оказал глубокое влияние на дальнейший ход исто-

рического развития, по своим последствиям эта победа не имеет себе равных во всех освободительных войнах прошлого.

3. Политическое значение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне состоит в том, что в годы суровых испытаний во главе борющегося народа стояла партия коммунистов. Она организовала, вдохновила, идейно вооружила советский народ на борьбу с агрессором. Роль Коммунистической партии заключается в том, что она разработала программу мобилизации всех сил народа на разгром врага. Став партией «воюющей», сражающейся, она использовала те формы организации и методы работы, которые наиболее полно отвечали военной обстановке, обеспечивали усиление влияния на всех участках борьбы с врагом. Партия проявила умение вызвать энергию, героизм, энтузиазм масс, сосредоточить их усилия на главной задаче - на разгроме врага. Для этого привлекались все средства идейного воздействия: устная агитация и пропаганда, печать, радио, литература и искусство. Деятельность партии, которая сыграла особую роль в войне ещё подлежит объективному и всестороннему научному исследованию, свободному от идеологических стереотипов как прошлого - неумеренного восхваления, так и сегодняшнего - негативного отношения.

Существовавший общественный строй, политическая система, Компартия, как движущая сила государственной машины, смогли обеспечить такой порядок, который соответствовал в тот период требованиям войны. Что бы по прошествии шестидесятипяти лет со дня Великой Победы ни говорили наши оппоненты историческим фактом является то, что в самые тяжелые для страны годы, стабилизирующей силой общества была партия коммунистов. Об этом можно не говорить в официозных речах, конъюнктурных публикациях и телепередачах, её можно намеренно искажать и не показывать в учебниках, но невозможно вычеркнуть из реальной истории.

Политическая, организаторская и идеологическая работа партии коммунистов на фронте и в тылу стала важнейшим значимым фактором победы. И, несмотря на ошибки и просчеты, деятельность партии явилась решающим условием укрепления военно-экономической мощи страны, воспитания народа и его армии в духе патриотизма и любви к Родине.

Война показала, что силе можно противопоставить организованность, мощь и победить в ней могло только сплоченное общество, люди, уверенные в правоте своего дела, твердо знающие, во имя чего они сражаются и за что умирают.

Советские люди продемонстрировали свою

кровную связь с партией, глубокую веру в неё. За годы войны в партию вступило 5 млн. 319 тыс. человек. Более 3 млн. своих сынов партия потеряла на фронтах. Более половины состава партии в годы войны находилось в Вооруженных Силах. Партия была поистине сражающейся партией. В её ряды поступали лучшие люди, чтобы быть с нею, в авангарде, на линии огня, вместе отвечать за судьбы страны, народа, за исход войны. Всего за годы войны кандидатами в члены партии было принято 3 млн. 788 тыс. и членами партии 2 млн. 376 тыс. воинов. Даже неся потери, партия продолжала расти (5, с.120).

Между тем идеологическая работа партии в годы войны была направлена на воспитание вооруженных защитников Родины, всех трудящихся бесстрашными, мужественными, стойкими борцами, убежденными в правоте своего дела и отдающими все силы достижению победы. Высокая идейная убежденность советских людей, преданность Родине, вера в справедливость борьбы за её свободу и независимость явились той силой, которая рождала массовый героизм на фронте и самоотверженность в тылу.

4. Огромное политическое значение в достижении Великой Победы имел беспримерный героизм советского народа. За подвиги на фронтах Великой Отечественной войны 12 тыс. лучших из лучших воинов удостоены звания Героя Советского Союза, свыше 100 из них получили это звание дважды, орденами и медалями были награждены более семи миллионов человек. Полкам и дивизиям было вручено 10900 боевых орденов. С величайшим мужеством сражались советские партизаны и подпольщики. В тылу врага действовало свыше 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражались свыше 1 млн. человек, представители многих народов СССР. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с гитлеровскими оккупантами в тылу врага, участникам партизанского движения было вручено свыше 300 тыс. орденов и медалей. За особо выдающиеся подвиги 248 участников партизанского движения получили звание Героя Советского Союза (6, с.119).

Доблестно выполнили свой долг перед Отчизной труженики тыла. За годы войны звание Героя Социалистического труда удостоен 201 человек, более 204 тысяч рабочих, колхозников, представителей интеллигенции награждены орденами и медалями. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» награждены 16 миллионов человек (6, с.120).

5. В годы войны большое значение имела многосторонняя военно-организаторская работа по обеспечению победы в войне. Эта работа занимала центральное место в деятельности

государственных, партийных и военных органов. Она включала вопросы мобилизации и развертывания Вооруженных Сил, их технического оснащения и совершенствования организационной структуры, подготовки командных кадров и боевых резервов.

Весь советский народ поднялся на решительную борьбу с озверевшим врагом. Созданный Государственный Комитет Обороны с чрезвычайными полномочиями под председательством Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина твердо направлял усилия фронта и тыла к общей цели – к разгрому врага. С началом войны партия и комсомол направляли в ряды действующей армии своих лучших сынов. Всего за первое полугодие войны в Вооруженные Силы влилось 1,1 млн. коммунистов и свыше 2 млн. комсомольцев (4, с.15). Это сыграло решающую роль в повышении стойкости, укреплении дисциплины, морального духа и боеспособности войск.

Советский народ бесстрашно вступил в стремительную схватку с ненавистным врагом, не дрогнул, не склонил перед ним головы. Его боевым девизом стали призывы: «Смерть фашистским захватчикам!», «Все для фронта, все для победы!».

Огромная военно-мобилизационная работа, проведенная в короткие сроки, в сложнейших условиях, превратила страну в единый военный лагерь, обеспечила изменение соотношения сил в пользу Красной Армии. Если в начале войны немецко-фашистские вооруженные силы имели ряд преимуществ (по численности, количеству новой боевой техники, вооружения, военному опыту), то к осени 1942 года гитлеровская армия начала утрачивать свое временное превосходство. В дальнейшем война протекала при неуклонном возрастании могущества Советских Вооруженных Сил, которые к концу войны превосходили врага: в личном составе – более чем в два раза, в танках и самоходно-артиллерийских установках, а также орудиях и минометах – в три с лишним раза, боевых самолетах – почти в восемь раз.

Политическое и военное руководство страны в период, начавшихся боевых действий, решало такую сложнейшую проблему как подготовка военных и политических кадров. Положение осложнялось тем, что многие опытные кадровые офицеры и генералы были подвергнуты репрессиям в предвоенные годы и на высокие должности в армии назначались молодые военные специалисты, недавно окончившие учебные заведения, не имеющие опыта службы и не владеющие способами борьбы в боевой обстановке.

Поэтому в начале войны спешно разворачивалась широкая сеть военно-учебных заведений, краткосрочные курсы по подготовке командных специалистов, в уже существующих военных

академиях и училищах открывались ускоренные курсы по профилям видов и родов войск для пополнения вакантных штатных единиц в частях и подразделениях.

За время войны учебные заведения подготовили около двух миллионов военных специалистов. На командную и политическую работу выдвигались также отличившиеся в боях младшие командиры и солдаты.

В ходе боевых действий, приобретая опыт вооруженной борьбы, умело используя теоретические знания, советские военные специалисты сумели добиться необходимой соразмерности между целями и применяемыми силами и средствами, приспособив способы ведения вооруженной борьбы к новым видам оружия и новым качествам бойца.

Восстановление в короткий срок так необходимых военных кадров, сплав молодых и служивших в армии опытных офицеров, во многом способствовал победоносному завершению тактических и стратегических операций, правильному ведению вооруженной борьбы, умелому руководству войсками и, наконец, совершенствованию форм организации видов и родов войск, находящихся в тесной взаимной зависимости от способов ведения боевых действий.

Поэтому изменения, происходившие в организации и ведении боевых действий в различные периоды минувшей войны, вызывали и необходимость изменения и развития организационных форм родов войск, приспособления их к способам боевых действий.

б. Огромное политическое значение в достижении победы над фашистским агрессором имела дружба и братство всех народов Советского Союза. Сегодня, по прошествии шестидесяти пяти лет после победы, некоторые ученые и политики весьма критически и порой тенденциозно оценивают отдельные действия политического руководства страны в области национальных отношений.

Были в этой политике перегибы, к коим мы относим депортацию отдельных народов, жестокие репрессии и насилие, порой совершенно недопустимое и неоправданное даже с точки зрения военного времени, особенно со стороны органов НКВД.

Но достоверно известно и то, что в 30-е и 40-е годы прошлого столетия шел подъем материального и культурного благосостояния советских людей, крепло морально-политическое единство всего общества, дружба народов СССР. По призыву партии и правительства на фронтах Великой Отечественной сражались воины всех национальностей СССР. Нельзя никоим образом отрицать высокий моральный дух и героизм советского

солдата-интернационалиста. Можно приводить много примеров образцового выполнения своего воинского долга солдатами разных национальностей, их стремление внести вклад в общую победу над фашизмом.

Но следует отдельно рассмотреть особенность «той» нашей страны - её многонациональный состав. Противники всех типов (и в стане агрессоров, и в стане союзников) делали большую ставку на раздоры между различными народами нашей страны. Однако политическое руководство страны смогло добиться единства, сплоченности народов. Русский, украинец, грузин, армянин, узбек, люди других национальностей защищали одну Родину - Советский Союз. И это тоже факт, без которого бы не было победы. Правда, в семье братских народов оказалось не без уродца. Верхушки некоторых кланов ряда народов (чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, но не сами народы) поддались вражеской пропаганде и решили использовать тяжелое положение СССР для достижения своих корыстных амбициозных целей. Естественно, чтобы поднять в своих интересах самих людей, они использовали религиозные, националистические лозунги. Враги всех типов делали большую ставку на раздоры между различными народами страны, но руководство Советского Союза в сложных условиях войны смогло удержать национальную ситуацию в своих руках и направить все усилия для сплочения всех народов на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. Известно, что начиная войну против Советского Союза, германский фашизм делал ставку, в частности, и на то, что ему удастся вызвать национальную рознь между народами нашей страны. Однако он просчитался.

В ходе войны народы нашей многонациональной страны, сплоченные в единую боевую семью, показали образцы мужества как на фронте, так и в тылу. В годы Великой Отечественной войны выдвинулась блестящая плеяда советских военачальников. Среди них: русские Н.Н. Воронов, Л.А. Говоров, Г.К. Жуков, И.С. Конев, Н.И. Крылов, В.И. Чуйков; украинцы А.А. Гречко, П.С. Рыбалко, К.С. Москаленко, С.М. Штеменко; белорусы Л.М. Доватор, И.И. Якубовский; армяне И.Х. Баграмян, А.Х. Бабаджанян; грузины К.Н. Леселидзе, П.Г. Чанчибадзе; осетины Г.И. Хетагуров, И. А. Плиев, Х.Д. Мамсуров; калмык О.И. Городовиков; татарин М. Абсалямов и другие.

В суровые годы Великой Отечественной войны народы-братья плечом к плечу встали на защиту Родины, проявили массовый героизм, волю к победе, разгромили фашистских захватчиков, спасли народы мира от порабощения и уничтожения.

В рядах Советских Вооруженных Сил сража-

лись сыны и дочери всех наций и народностей нашей необъятной страны. Беспримерное мужество, презрение к смерти, отвагу, ум, находчивость, воинское мастерство и непреклонную волю к победе проявили миллионы советских людей в борьбе с коварным и сильным врагом на советско-германском фронте и в тылу врага. Тысячи советских граждан боролись с врагом в отрядах Сопротивления на территории Польши, Чехословакии, Франции, Италии, Бельгии, Норвегии, Югославии и других стран.

Победа нашего народа в Великой Отечественной войне убедительно подтвердила, что многонациональные Вооруженные Силы Советского Союза с честью выполнили своё историческое предназначение. Гитлеровцы рассчитывали на антисоветские силы внутри страны, делали ставку на национальное повстанческое движение в советских республиках. Однако этого не произошло. Лишь 0,5% населения страны, и то по различным причинам и основаниям, в годы войны в той или иной степени сотрудничали с оккупантами.

И хотя существовали в ходе войны некоторые сложности в разрешении отношений политического руководства страны и лидеров национальных республик, когда преобладала политика давления со стороны центра, в общем и целом, вопросы решались в пользу государственных интересов страны, укрепления её позиций на международной арене.

Так было в трудные годы войны, происходит это и в мирное время, особенно после развала Советского Союза, когда конфликты на национальной почве нередко выливаются в противостояние в разных регионах нашей страны, особенно, на Северном Кавказе. «Никто не имеет права быть равнодушным к антисемитизму, национализму, ксенофобии, расовой или религиозной нетерпимости. В России, которая больше всего сделала для победы над фашизмом, мы сегодня часто видим проявления этой болезни. Нам стыдно за это» (1). Эти слова В.В. Путина, служат предупреждением для националистических выскочек как в нашей стране, так и за рубежом. Разумеется, не только названные В. Путиным проблемы занимают внимание политиков, ученых и военных в современной России. Есть много других вопросов.

Так, в последние годы нельзя не заметить появившуюся зависимость между ростом экономического и военного могущества НАТО во главе с США и нарастанием тенденций силовых способов разрешения конфликтов с их участием. Аналогия с Германией начала 30-х годов прошлого столетия очевидна. По прошествии почти двадцати лет распада СССР остается нерешенной проблема территориальных претензий - традиционный повод для начала военных действий. Активизируется наци-

ональный сепаратизм. Болевой точкой остается Северный Кавказ, есть тенденции обострения отношений России с Украиной, Грузией, Молдовой и другими странами.

Все это требует от политического и военного руководства современной России учитывать опыт Великой Отечественной войны, развивать творчество в развитии теории национальных и социально-экономических отношений с учетом локальных войн в Афганистане, Ираке, Чечне и других странах. Разумеется, необходимо изучать и делать выводы из нашей истории, учитывать современные источники опасностей и угроз, к числу которых можно отнести сепаратизм, экстремизм, международный организованный терроризм. Последний опасен еще и тем, что широко использует наркобизнес, который предоставляет организованному терроризму неограниченные возможности. Еще в 1994 году, по признанию Усамы бен Ладена, лидера «Аль-Каиды», он направил на Северный Кавказ арабийских пропагандистов, боевиков, подрывников, чтобы обратить в ваххабизм чеченцев, ингушей, русских, которые также будут бороться с «неверными».

Формирование международной террористической сети началось с экспорта официальной идеологии Саудовской Аравии - ваххабизма, программным положением которого является ненависть в первую очередь к традиционному исламу, а также ко всем «неверным» - христианам, иудеям, коммунистам, либералам, всем, всем. И первыми жертвами ваххабитского террора стали исламские государства - Египет, Алжир. Потом было 11 сентября 2001 года в США, серия терактов в Москве и других городах России, в прошлом году в Испании, Великобритании и др. странах.

Заметно, что международные террористы проявляют интерес к зонам добычи и транспортировки нефти. Недаром сейчас «Аль-Каида» сосредоточилась на Ираке.

Наша страна в силу своего геополитического положения не может остаться безучастной к событиям, которые происходят в прилегающих к ней районах, будь то проблема Северной и Южной Кореи, талибское движение в Афганистане, события, происходящие в Ираке, на Балканах, в отдельных странах СНГ. Понятно, что эти военно-географические особенности страны требуют значительных сил и средств для обеспечения безопасности России на всех стратегических направлениях.

Таким образом, научный анализ совокупности исторических исследований о Великой Отечественной войне в целом, и конкретные работы по периодам войны, по отдельным историко-политологическим и гуманитарным проблемам показывают, что у многих авторов монографий, отдельных книг, и статей имеется широкая палитра

взглядов на историю войны, её ход, исход, роль государств и народов в войне, роль и значение политических и военных руководителей в достижении победы.

Сложность и трудность написания истории любой войны, в особенности Великой Отечественной, состоит в том, что она весьма многогранна, масштабна по числу участников в ней и проведенных боевых операций, она и противоречива, а поэтому нецелесообразно устанавливать какие-то пропорции негативного и положительного в её изображении.

Историю вообще, а историю войны в особенности, нельзя писать с запрограммированных идеологических позиций. Некоторые современные историки, проявляя незнание предмета, пытаются внести в оборот своё видение проблемы, необоснованно критикуют все и вся советское, добываясь «правды».

Это выглядит очень странно на фоне других публикаций. Даже в Германии не критикуют так резко фашистскую армию, потерпевшую сокрушительное поражение, как некоторые публицисты и ученые в нашей стране обливают грязью свою армию-победительницу.

Начавшийся в последние годы поиск обновления исторических знаний о войне, наряду с взвешенными, приближающимися к истине оценками, сопровождается проявлением нигилизма, беспамятства и откровенной лжи. Подобные публикации лишь усиливают дезориентацию общества, ни коим образом не способствуют объективному освещению исторических событий войны.

Правда истории не лежит на поверхности. Её надо искать, добывать, ведя серьезные исторические исследования, научный поиск, отбор и анализ огромного числа документов, хранящихся в различных архивных фондах, использовать военно-историческую, мемуарную, зарубежную и другую литературу. Только тогда может получиться обобщенный научный сюжет, отражающий драматическое и героическое, негативное и позитивное - всё, что было в годы войны.

Научная достоверность фактов и материалов - основание для собственной оценки каждым подвига, совершенного советским народом, который выдержал мощнейший натиск ударных сил вермахта и нанес им сокрушительное поражение.

Но есть у нас «деятели» культуры, телевидения, псевдописатели, стремящиеся так покопаться в истории Отечества, чтобы вынюхать негатив, придать ему всеобщий масштаб, показать несостоятельность людей военного поколения. Недостатки, упущения, просчеты в той тяжелейшей, масштабной, кровопролитной, жесточайшей войне, несомненно, были. А разве их не было у по-

литического и военного руководства фашистской Германии? А как отступали американцы, англичане под натиском нескольких дивизий немецких войск, когда под закат войны осмелились открыть второй фронт?

Участники войны, труженики тыла, все ветераны прекрасно понимают, чей заказ выполняют эти деятели, навязывающие народу, особенно молодежи, псевдофакты, размывающие патриотизм, веру в силу нашей страны и доблесть старших поколений, пробуждающие низменные чувства и насаждающие культ насилия, секса, стремление к обогащению, опошляющие национальные ценности.

Весьма актуально звучат сегодня слова великого русского ученого Н.М.Карамзина: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье и умалять в своем изложении бедствие; он должен быть прежде всего правдив, но может и даже должен все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью, энтузиазмом» (11, с.49-50).

Эти слова Н.М.Карамзина как ничто другое подходят и для оценки событий шестидесятипятилетней давности, которые всколыхнули память страны, народа, каждого человека.

В этой связи, с праздничными событиями, большое значение имеет молодежь. Надо признать, что сегодня нет достаточно конкретной и целостной молодежной политики в стране. Мы не всё знаем о наших детях, о молодежи, об их организациях, и досугах, который они проводят часто в неформальных условиях.

Среди молодежи есть много умных целеустремленных молодых людей, но есть и такие, у которых много вредных привычек.

Можете себе представить катастрофу, если за деньги молодые люди начнут ломать нашу или другую страну. Это ужасно, это страшно, когда молодые люди с отсутствием идеологии или антипатриотическими настроениями идут на баррикады. Вот тогда-то и случаются перекосы, приходит беда и неразбериха.

А чтобы всей этой вакханалии не было места в нашей жизни, нужно, как государственным структурам, так и политикам и ученым понять, чем живет студенческая и школьная молодежь, все молодые люди. Это серьезная проблема, от которой зависит будущее нашей страны, наших детей и внуков. И нам надо всем вместе понять и найти решение этой проблемы через диалог с молодежью.

Нужно всем политическим и общественным организациям подумать, как повернуть моло-

дежь к полезной и позитивной жизни. Это очень важная и ответственная задача. Здесь хорошо бы разработать целую программу, провести социологические исследования, встречи со студентами и школьниками, учащимися колледжей и др. Надо постараться услышать их, понять, дать им возможность самостоятельно мыслить и разрешать жизненные трудности.

И если общество, организация, ячейка сумеют сделать молодого человека, девушку, учащегося дееспособным человеком, активистом, позитивно настроенным членом своей страны, государства, семьи, тогда у нас и жизнь будет интересна и хороша, и молодежь будет любить и уважать свою Родину, Президента, Флаг и Гимн России. Тогда и ветераны могут быть спокойны за достойную своих дедов молодежь, и молодые люди смогут честно ответить на вопросы фронтовиков, не отводя глаз в сторону, а сама жизнь станет для них плацдармом державности.

А завершить хочется словами участника Великой Отечественной войны, спецкора «Правды», «Красной Звезды» в годы войны, известного нашего писателя лауреата Нобелевской премии, Михаила Александровича Шолохова: «Если б в мировой истории, не было б войны столь кровопролитной и разрушительной, как война 1941-1945 годов, то никогда никакая армия в мире, кроме родной Красной Армии, не одержала победу более блистательных, и ни одна армия, кроме нашей армии – победительницы, не вставала перед изумленным взором человечества в таком сиянии славы, могущества и величия» (18, с.165).

Немеркнущими золотыми страницами вписаны в героическую летопись советского народа богатырские подвиги верных сынов нашей Родины, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Они стали легендами, неотъемлемой частью души и сознания народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аргументы и факты. - 2005. - № 5.
2. Аргументы и факты. - 2009. - № 19.
3. Аргументы и факты. - 2009. - № 47.
4. Великая Отечественная. 1941-1945. - М., 1984.
5. Военный энциклопедический словарь. - М., 1984.
6. Военный энциклопедический словарь. - М., 2007.
7. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. - М., 1948
8. Гареев М.А. Неоднозначные войны. - М., 1995.
9. Декларация Глав Государств и Правительств РФ и Государств-Членов НАТО. Рим, 28 мая 2002.
10. Золотарев В.А., Тюшкевич С.А. Опыт и уроки Отечественной истории. - М., 1995.
11. Карамзин Н.М. Сочинения. - Л., 1984. - Т.2.
12. Лукашев К.И. Основные вопросы военной и послевоенной внешнейторговой политики США. - М., 1947.
13. Московский комсомолец. - 2009. - 30 декабря.

14. Переписка Председателя Совета Министров СССР и Президента США и Премьер-министра Великобритании во время Великой Отечественной войны. – М., 1957.
15. Поздеева Л.В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. – М., 1995.
16. Семиряга М.И. Немецко-фашистская политика национального порабощения в оккупированных странах Западной и Северной Европы. – М., 1980.
17. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. – М., 1958, – Т.2.
18. Шолохов М.А. Собрание Сочинений. Т.8. – М., 1959.

F. Seiranyan
MILITARY-POLITICAL EVENT OF WORLD VALUE
(TO THE 65 ANNIVERSARY OF A VICTORY OF SOVIET UNION IN THE GREAT PATRIOTIC WAR)

Abstract. In article political, economic and social consequences of a victory of the USSR in the Great Patriotic War for Russia and the modern world are considered. The author allocates the sharpest and debatable questions of history of the Great Patriotic War and states them own estimation.

Key words: the Great Patriotic War, the Second World War, Soviet Union.

УДК 94 (470)

Беспалов В.В.

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ НОРМ В СССР*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы соблюдения международного права в начале и ходе Второй мировой войны, негативная оценка Ф.Д. Рузвельтом агрессивных действий фашистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии, захватывающих страны «без объявления войны»..., а также опыт решения проблем (при личном участии И.В. Сталина) по развитию государственно-правовых норм в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945).

Ключевые слова: «Мюнхенское соглашение», агрессия, субъекты международного права, семейное право, «Мать-героиня», «Материнская слава», трудовая повинность, колхозное и земельное право, международный трибунал, военные преступники, процессуальное право.

С приходом Гитлера к власти в 1933 г. Германия превратилась в главную реакционную силу международного милитаризма.

Правящие круги капиталистических стран Запада и США, рассчитывая уклониться от войны, приняли все меры, чтобы направить гитлеровскую агрессию против СССР. Достаточно напомнить о «Мюнхенском соглашении» и других договорах 1938 г. С этой целью они способствовали возрождению военно-промышленного потенциала германского милитаризма, и к концу 30-х годов военная промышленность Германии уже была на

самом высоком уровне в Европе. Создав мощную военно-экономическую базу, фашистская Германия, возглавлявшая блок фашистских государств (Италия, Япония и др.), начиная с 1936 г. приступила к реализации своих агрессивных планов.

Как известно, устоявшееся мнение у большинства историков, началом Второй мировой войны считается 1 сентября 1939 г., когда Германия напала на Польшу. Об этом и об оценке других событий достаточно полно и обстоятельно изложено в исследованиях М.А. Гареева, В. Бушина, В.В. Кожина, Ш.М. Мунчаева, О.А. Ржешевского, В.М. Устинова, А.И. Уткина, В.М. Фалина и др. Вместе с тем в книге известного историка, профессора Л.И. Ольштынского «Разгром фашизма. СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне» приводится мысль, высказанная президентом США Ф.Д. Рузвельтом о начале Второй мировой войны – в 1931 г., с началом агрессии Японии против Китая. Эту дату он назвал в обращении к американскому народу после нападения Японией на военно-американскую базу Пёрл-Харбор – 7 декабря 1941 года [5].

Характерно, что президент США в своем обращении обратил внимание на то, что Вторая мировая война развертывалась постепенно, что «тактика, которой последние 10 лет придерживалась Япония в Азии, была параллельна тактике Гитлера и Муссолини в Европе и Африке...», что, не соблюдая сложившихся уже принципов и установившихся законов в международном праве, «без объявления войны» захватывались такие страны, как: в 1931 г. Японией – Маньчжурия; в 1935 г. Ита-

* © Беспалов В.В.

Положения статьи отражают точку зрения автора – ветерана Великой Отечественной войны и военного историка.

лией – Абиссиния; в 1938 г. Гитлер оккупировал Австрию; в 1939 г. Гитлер захватил Чехословакию; 1 сентября 1939 г. Гитлер вторгся в Польшу также без объявления войны и др. Таким образом, как пишут Сейерс Майкл и Кан Альберт в известной книге «Тайная война против Советской России»: «Метод везде один. Маски сброшены. Тайная война антикоминтерновской оси против Советской России стала частью мировой войны против всех свободных народов» [6].

22 июня 1941 г. вероломно, без объявления войны, фашистская Германия напала на СССР. С самого начала Красная Армия оказалась в очень сложном положении (будет точнее – в трагическом положении), поскольку немцы использовали целый ряд факторов, такие, как: внезапность; гитлеровская армия была полностью отмобилизована и имела 3-х летний опыт боевых действий; Красная Армия находилась в стадии реформирования и развертывания; военно-экономический потенциал, несмотря на форсированную индустриализацию и коллективизацию страны (и превращение её в мощную индустриально-колхозную державу), у Германии был выше, т.к. на неё работала вся военная промышленность покоренной Европы (кроме Англии); ряд просчетов военно-политического руководства страны в оценке военно-стратегической обстановки накануне войны, в том числе – о времени начала нападения и др.

Весьма убедительно и обоснованно о причинах неудач и поражений в начале войны свидетельствует виднейший историк нашего времени, Президент Академии военных наук – М.М. Гареев. Автор констатирует, что «Генералиссимус Советского Союза усердно проходил тяжкую школу войны». «Он был прозорливым человеком и еще в 1943 году после возвращения с Тегеранской конференции говорил: «...Я знаю, что, когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет» [3]. Действительно, в известном докладе Н.С. Хрущева в 1956 году и особенно в последние 20 лет «помои» лились на Сталина сплошным мутным потоком и сказать о нем что-то объективно было непросто. Судить о деятельности руководителя можно исходя из того, какие задачи перед ним стояли и как он их выполнил. Мало пользы принесли и публикации, рассчитанные на идеализацию, искусственное обожествление Сталина, умалчивающие о его просчетах и упущениях. Кое-кто сегодня ставит под сомнение и пытается даже оправдать жестокие репрессии 1930-х годов, особенно сказавшиеся на военных кадрах. Но когда-то раз и навсегда всему обществу нужно твердо и определенно сказать: необоснованные репрессии ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы. Но говорить об этом нужно честно, без перефлеса

тов, когда в последнее время любой человек, подвергшийся в те годы наказанию даже за уголовное преступление, изображается «невинной жертвой сталинизма». Как будто в то время в действительности не было шпионов, вредителей, воров и бандитов...

Ясно также, что нужен объективный, взвешенный подход и при освещении роли Сталина в период Великой Отечественной войны с учетом всей неоднозначности и суровости того времени, сложности и противоречивости личности руководителя Коммунистической партии и Советского государства.

В этом плане, на наш взгляд, представляют интерес для историков и политологов своим неординарными суждениями и неожиданностью выводов исследования выдающегося писателя и историка В.В. Кожина (1930-2001), который в своих исследованиях ставил перед собой цель – «преодолеть своего рода сталинский синдром, побуждающий во всех «поворотах» конца 1920-х – начала 1950-х усматривать своеволие вождя...», ибо и поклонники, и ненавистники оказываются равно несостоятельными толкователями истории» [4].

Надо признать и подчеркнуть, что с началом войны военно-политическое руководство СССР сумело быстро и квалифицированно разработать программу мобилизации всех сил и средств страны на разгром врага. С учетом международного права и конституционно-правовой сферы, сложившейся после принятия Конституции СССР в 1936 г., очень важными и своевременными в той сложной обстановке оказались изменения в органах государственного и военного управления.

Уже 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял «Указ о военном положении». 29 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР обратились к партийным и советским органам с директивой, а 3-го июля к народу по радио обратился И.В. Сталин с изложением программы мероприятий по борьбе с фашистским агрессором. В новой чрезвычайной обстановке была проведена перестройка всего государственного аппарата на военный лад. Усилилась роль центральных органов.

30 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли совместное постановление «Об образовании Государственного Комитета Обороны» (ГКО), который сосредоточил в своих руках всю полноту власти в государстве. За годы войны ГКО разработал и принял более 10 тысяч, имевшие силу законов военного времени. Надо иметь в виду, что к полномочиям ГКО относились все ключевые вопросы и проблемы мобилизации сил и средств Советского Союза на отпор врагу, превращения его в единый военный лагерь. Председателем ГКО был назначен И.В. Ста-

лин. 1 июля были созданы Главные командования войск Северо-западного, Западного и Юго-западного направлений, являвшиеся высшими объединениями в начальный период войны [2].

Военно-стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования – высший орган стратегического руководства вооруженной борьбой. 10 июля председателем Ставки был назначен И.В. Сталин, а 8 августа он стал и Верховным Главнокомандующим. Рабочим аппаратом Ставки служили Генеральный штаб, управления Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота. Принимаемые Ставкой решения доводились до командования фронтов в виде директив Верховного Главнокомандования.

По решению ГКО в большинстве прифронтовых городов в целях мобилизации местных ресурсов к осени 1941г. были созданы чрезвычайные органы власти на местах – Комитеты обороны более чем в 60-ти городах.

Образование ГКО и городских комитетов не привело к упразднению конституционных органов власти – Советов депутатов трудящихся. Работая совместно с чрезвычайными органами военного времени, Советы сыграли важную роль в перестройке промышленности и сельского хозяйства на военный лад, обеспечении нужд фронта, проведении мобилизационных и оборонительных мероприятий [1].

За годы войны высший орган государственной власти страны – Верховный Совет СССР созывался на свои сессии трижды (в 1942, 1944 и 1945 гг.), во время которых утверждались государственные бюджеты, ратифицировались международные договоры со странами антигитлеровской коалиции. В 1944 году Верховный Совет СССР принял принципиально важные законы «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений» и «О создании войсковых формирований союзных республик и о преобразовании в связи с этим Наркомата обороны из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат».

Президиум Верховного Совета СССР продолжал осуществлять свои конституционные полномочия. За время войны были подготовлены и изданы указы по целому ряду вопросов военного строительства, хозяйственной жизни, создания новых органов управления, которые имели силу законов военного времени.

В суровых условиях военного времени значительно возросла роль Совета народных комиссаров СССР. СНК, в невероятно сложной обстановке, сумел организовать эвакуацию из западных областей свыше 2,5 тысяч оборонных предприятий и 12 миллионов специалистов в восточные

районы страны и через 1,5 – 2 месяца начать производство на нужды фронта под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!».

Необходимо подчеркнуть, что наиболее важные решения принимались в форме совместных постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) и они были обязательны не только для госучреждений и должностных лиц, но и для всех партийных органов и общественных организаций. Разумеется, что в условиях такой жестокой войны, когда решалась судьба народа и самого государства, наличие однопартийной системы в лице правящей тогда партии – ВКП(б), выступившей во время войны в роли мощной духовной, организующей и мобилизующей силы, стало, безусловно, одним из решающих факторов победы над фашизмом.

В годы войны возросла роль военных трибуналов. В местностях, объявленных на военном положении, трибуналам были переданы многие дела, входившие в компетенцию общих судов: хищения социалистической собственности, грабежи, разбои, бандитизм, умышленные убийства и др. Вся система военных трибуналов возглавлялась Верховным судом СССР, в составе которого действовали военная, военно-железнодорожная и военная воднотранспортная коллегии.

С началом войны произошли необходимые изменения в организации государственного единства. Прежде всего, это расширение прав союзных республик (1944 г.). Союзным республикам было разрешено создавать свои войсковые формирования, а также с 1 февраля 1944 г. предоставлялось республикам право внешних сношений. Соответственно, Наркомат иностранных дел также преобразовался в союзно-республиканский. Этот закон был реализован не полностью, поскольку его осуществление зависело не только от Союза, но и от других государств, которые воспротивились выходу всех 16 союзных республик на международную арену. Были признаны субъектами международного права только Украина и Белоруссия. Вместе с Советским Союзом эти республики были приглашены в апреле 1945 г. на международную конференцию в Сан-Франциско, где была создана ООН [1].

Во время войны была проведена серия акций по принудительному выселению некоторых народов с места их постоянного проживания и упразднение автономий этих народов...

Среди позитивных изменений в организации государственного единства следует отметить некоторое расширение территории Советского Союза, которое произошло в результате его победы над фашистской Германией и империалистической Японией. В состав Литвы включили Клайпеду (Мемель), отобранную у неё немцами в начале 1939 г. К Советскому Союзу перешла часть

Восточной Пруссии, включая Кенигсберг (Калининград). После победы над Японией нашей стране были возвращены Южный Сахалин и Курильские острова.

В начальный период войны получили развитие гражданское и хозяйственное право. Советское гражданское право оказалось в целом приспособленным для решения особых задач военного времени. Больше того, некоторые его принципы именно в условиях войны помогли наладить военную экономику, мобилизовать все силы на разгром врага. Важную роль здесь сыграл принцип единства государственной собственности – ведущей формы собственности в СССР. Колхозно-кооперативная собственность тоже в полной мере работала на нужды войны.

Там, где действовали договорные связи, условия войны требовали твёрдой договорной дисциплины. Наркоматам предоставлялось право распределять и перераспределять материальные ресурсы, излишки материалов и оборудования, списывать убытки предприятий. Был упрощён порядок регламентации капитального строительства, сокращён объём необходимых проектных документов. Были расширены права руководителей предприятий.

Законодательство военного времени в особом порядке защищало **жилищные права военнослужащих** и членов их семей. Были приостановлены в судах все дела о выселении из жилых домов лиц, призванных в ряды армии и флота и членов их семей. За всеми военнослужащими сохранялась жилая площадь...

Особый жилищно-правовой статус имели рабочие и служащие предприятий, эвакуированных на Восток. Они получали здесь новую жилую площадь, а их прежнее жильё поступало в распоряжение советских органов.

Во время войны были усовершенствованы **нормы советского наследственного права**. Массовая гибель людей потребовала расширения круга наследников по закону и установления очерёдности призвания наследников. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 г. "О наследниках по закону и по завещанию" ввёл две новые категории наследников: трудоспособных родителей, а также братьев и сестёр.

Семейное право. Весьма значительным актом в области семейного права в период войны явился Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. "Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания "Мать-героиня" и учреждении ордена "Материнская слава" и медали "Медаль материнства". Кроме того, дети, родившиеся до издания Указа от 8

июля 1944 г. от родителей, не состоявших между собой в зарегистрированном браке, имели в случае смерти отца право наследования наравне с детьми, родившимися в зарегистрированном браке. Признание законным только зарегистрированного брака создало новый правовой институт – так называемых "одиноких матерей", т.е. женщин, родивших вне брака.

Значительные изменения вносились и в законодательство о разводе. Указом от 8 июля 1944 г. устанавливался судебный порядок расторжения брака, причём народный суд был обязан приложить все усилия к примирению супругов, расторгать же брак имел право лишь суд вышестоящего звена.

Следуя курсу, взятому ещё в предвоенные годы, Указ от 8 июля 1944 г. наметил меры, стимулирующие рождаемость...

На экономическое стимулирование рождаемости были направлены нормы о налоге на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Впервые такой налог был введён Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 ноября 1941 г.

Трудовое право. В связи с призывом миллионов людей в ряды армии и флота обострилась проблема рабочих рук в промышленности, на транспорте, в строительстве и на селе. Советское государство было вынуждено обратиться к таким правовым формам, как **трудовая мобилизация и трудовая повинность**.

Мобилизация для работы на производстве распространялась на всё трудоспособное население. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. уклонение от мобилизации влекло за собой уголовное наказание. На основе Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. было также разрешено в напряжённые периоды сельскохозяйственных работ производить мобилизацию населения городов и сельских местностей для труда в колхозах, совхозах и МТС. Привлекать к трудовой мобилизации или трудовой повинности можно было мужчин в возрасте от 16 до 55 лет, а женщин – с 16 до 50.

В конце 1941 г. были объявлены мобилизованными на период войны рабочие и служащие предприятий военной промышленности. Самовольный уход их с работы приравнивался к дезертирству и наказывался лишением свободы на срок от 5 до 8 лет. Причём такие дела были отнесены к компетенции трибуналов...

Колхозное и земельное право периода Великой Отечественной войны было направлено на укрепление колхозного строя и государственных сельскохозяйственных предприятий, развитие производства в целях обеспечения армии и населения продовольствием, промышленности – сырьём, а также возрождения разрушенного фа-

шистами сельского хозяйства в освобождённых районах. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. был установлен на период войны новый повышенный минимум трудодней – в зависимости от региона...

Основная масса колхозного крестьянства, а в годы войны это были прежде всего женщины, дети и старики, проявила невиданный трудовой подъём, перекрывая, порой в несколько раз, установленные нормы выработки и при этом фактически ничего не получая на трудодни.

Уголовное право. Война резко повысила общественную опасность всех преступлений и, естественно, потребовала усиления ответственности за их совершение. Появились и новые составы преступлений, специфичные для военного времени. Особую опасность представляли преступления государственные: измена, шпионаж, диверсия и др. При их расследовании и рассмотрении органы следствия и суда руководствовались Положением о преступлениях государственных, принятым ещё в мирное время.

В связи с необходимостью усилить борьбу с распространением ложных слухов Президиум Верховного Совета СССР 6 июля 1941 г. издал указ "Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения", согласно которому это преступление каралось тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, а при определённых обстоятельствах и суровее.

Была ужесточена борьба с хищениями государственной и общественной собственности. Особо сурово карались лица, участвовавшие в хищениях, если по долгу службы они сами должны были охранять государственную и общественную собственность.

Актуальным был вопрос об уголовной ответственности фашистских захватчиков за совершённые ими зверства по отношению к военнопленным и мирному населению. В Заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. указывалось, что оно считает необходимым незамедлительное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона каждого из фашистских главарей, оказавшегося в годы войны в руках государств, борющихся против гитлеровской Германии. Что же касается остальных военных преступников, то Президиум Верховного Совета СССР

указом от 19 апреля 1943 г. установил, что дела о злодеяниях немецких захватчиков, совершённых на оккупированной территории СССР, рассматриваются советскими судами.

Процессуальное право. По Положению о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утверждённому Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., они могли рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения копии обвинительного заключения обвиняемому. Приговоры кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора. Указанные особенности уголовного судопроизводства распространялись и на военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Беспалов В.В. История государственного и военного управления. В 2-х тт. – Т. 2. – М., 2004.
2. Военный энциклопедический словарь. – М., 2007.
3. Гареев М.М. Иосиф Сталин: осмысление исторической личности продолжается // Независимое военное обозрение. 2009. – № 46.
4. Вадим Кожин. Правда сталинских репрессий. – М., 2006.
5. Ольштынский Л.И. Разгром фашизма. СССР и англо-американские союзники во Второй мировой войне. – М., 2005.
6. Сейерс Майкл, Канн Альберт. «Пятая колонна» тайной войны против России. – М., 2007. – 144 с.

V. Bespalov

PROBLEM OF OBSERVANCE OF INTERNATIONAL LAW IN THE SECOND WORLD WAR AND DEVELOPMENT IS STATE-RULES OF LAW IN THE USSR

Abstract. In article problems of observance of international law in the beginning and the Second World War course are considered, F. Roosevelt's negative estimation of aggressive actions of fascist Germany, fascist Italy and militaristic Japan, grasping the countries «without declaration of war» ..., and also experience of the decision of problems (at I. Stalin's personal participation) on development is state-rules of law in the USSR in days of the Great Patriotic War (1941-1945).

Key words: «the Munich agreement», aggression, subjects of international law, the family right, "Mother-heroine", «Parent glory», a labour duty, the collective-farm and ground right, the international tribunal, military criminals, a procedural right.

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ АГИТАЦИИ В ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1942-1943 гг.*

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам советской пропаганды в переломный период войны. Основной целью исследования является выяснение методов трансформации агитационного внушения из прямого в косвенное – наилучшее для восприятия. Основное внимание уделено способам оперативного пропагандистского воздействия и результатам решения проблем.

Ключевые слова: внутренние противоречия, агитационное воздействие, кризис политического сознания, ПуРККА, Приказ № 227, сглаживание национальных противоречий, наступательная концепция.

Наглядная агитация – зеркало состояния армии, демонстрирующее все внутренние противоречия и конфликты массового сознания бойцов, а также цели и задачи той или иной стороны.

В ходе военных событий конца 1941 – начала 1942 гг. на фронте установилось относительное равновесие сторон. Подобная же ситуация сложилась и в пропаганде. Успехи немцев показывали, что враг по-прежнему силен. Успешное советское контрнаступление под Москвой и ряд локальных успехов позволяли утверждать – враг не столь силен, сколь ему хочется таковым казаться.

Массовый кризис политического сознания, пришедшийся на лето – осень 1941 г. и нанесший серьезный урон оценке боеспособности армии, ее боевому составу, заставил ПуРККА полностью начать пересматривать ранее существовавшие пропагандистские установки. О том, что агитация начального этапа войны была неудачной, косвенно говорит следующий факт – планы ПуРККА за 1941 г. до сих пор не рассекречены, хотя последующие материалы находятся в свободном доступе. Это позволяет сделать вывод о наличии в них компрометирующих Красную Армию материалов. Другим подтверждением этого являются попытки приграничных частей развивать наступление на численно превосходящего противника в первые дни войны, а не удерживать оборону. В. Невежин объясняет это воспитанием красноармейцев исключительно в наступательном духе, т.е. сам вопрос возможности отступления Красной Армии агитаторами даже не обсуждался.

Похожая ситуация уже складывалась в советской агитационно-пропагандистской работе предвоенного периода. Так, в своем докладе –

анализе итогов Финской кампании на пленарном заседании 10 мая 1940 г. начальник ПуРККА Л.З. Мелхис был вынужден констатировать, что армия нуждается в модернизации. Линия Маннергейма была названа первоклассным оборонительным сооружением, были признаны недостатки управления, недостаточно разъясненная перед бойцами задача, а армия только после зимней кампании стала современной – это была первая ласточка в процессе переосмысления оценки Вооруженных сил. Кардинальная же переоценка сил и ресурсов, инструментов мобилизации и внушения произошла в ходе отступления Красной Армии летом – осенью 1941 г. В этот период советские агитационно-пропагандистские органы смогли выработать и успешно применить на практике следующие установки: «Отстоим родную столицу!», «Зарвавшийся Гитлер получит то же, что и Наполеон!». Тогда народ и партия в едином рывке тяжелейшим напряжением спасали страну и нацию; каждый понимал и осознавал необходимость самопожертвования.

Беда от Москвы отошла. Опять начали сказываться старые нерешенные проблемы в агитации, лучшей иллюстрацией которых являются архивные документы, которые демонстрируют наличие острых противоречий между пропагандистскими установками и действительностью в Красной Армии.

Документы начала 1942 г. прекрасно показывают, что в это время происходит очередная переоценка значимости пропагандистской работы, появляется потребность в мобилизации грамотных агитаторов из числа бойцов, приходит изменение агитационной направленности. Лучшей иллюстрацией подобного состояния дел является выписка из приказа начальника главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакова, в которой присутствовали следующие положения:

«2. Об использовании освободившихся политработников отделов и отделений по работе среди частей Красной Армии и партизанских отрядов, действующих в тылу противника военным советам предоставить свои соображения в Политуправление фронта для представления в ГлавПУРККА.

3. На должность агитаторов подобрать лучших политработников, обладающих даром слова, могущих выступать перед красноармейцами, любящих и знающих агитационную работу.

Начальникам политотделов армии доло-

* © Мошев А.В.

жить исполнение к 1 сентября 1942 года» [1].

Как видно из приказа, теперь подход к комплектованию частей агитаторами осуществлялся исходя, прежде всего, из профессиональных возможностей политработников, а не как ранее, из их количества и массовости. Происходит качественная переоценка знаний и навыков пропагандистов низового звена (помощников политруков). Теперь кандидат на эту должность должен был не только быть безупречен как красноармеец, но и разбираться в политической обстановке. В этом небольшом приказе ярко отражено отношение к агитации, понимание ее важности руководством, ответственность за ее качество.

Своеобразным зеркалом эпохи является целый ряд документов, уточняющих и разъясняющих местным армейским и агитационным органам основные положения и принципы знаменитого приказа № 227, более известного как «Ни шагу назад!». Таким документом является, например, приказ от 30\20 августа 1942 г. за номером 001459. Проанализируем ряд его положений.

«Некоторые начальники, командиры и военкомы соединений и частей не поняли существа приказа товарища СТАЛИНА. Не поняли, что у нас «не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину»/ Приказ НКО № 227/.

Политотделы ряда армий и соединений всю работу по доведению и разъяснению приказа товарища СТАЛИНА № 227 свели к очередной кампании, не организовали конкретных организационных мероприятий по выполнению приказа...

...Боевая служба патрулей, секрета и боевого охранения поставлена неудовлетворительно, в результате – имел место ряд случаев проникновения вражеских разведчиков в расположение нашей обороны. Боевая подготовка проводится на низком уровне, многие пулеметчики не знают материальной части своего оружия, большое количество красноармейцев в совершенстве не владеет винтовкой и плохо ухаживают за своим оружием. Эти факты показывают, что командиры и политработники еще не отрешились от беспечности и благодушия, не сделали для себя всех выводов из приказа товарища СТАЛИНА.

Количество чрезвычайных происшествий, аморальных явлений и других нарушений воинской дисциплины в первой половине августа месяца в частях 10, 33 и 43 армий не уменьшилось. Происходит это потому, что в частях многие военнослужащие не проявляют необходимой большевистской бдительности, командиры и политра-

ботники очень плохо изучили личный состав и особенно – новое пополнение. Крайне слабо проводят среди красноармейцев и младших командиров партийно-политическую работу и не умеют сочетать методы убеждения с методами принуждения...

В 1-й заградительный отряд 5 армии были зачислены 53 чел. бойцов и младших командиров, которые по состоянию здоровья, боевым и политическим качествам, не отвечают требованиям и неспособны выполнять приказ НКО №227...

2. Всех красноармейцев и младших командиров, направленных в штрафные роты за различные проступки, но не провинившихся в нарушении дисциплины, по трусости или неустойчивости, как это указано в приказе № 227, – НЕМЕДЛЕННО из штрафных рот откомандировать в соответствующие части...

Покончить с благодушием и либеральным отношением к трусам, паникерам и пораженцам, полностью использовать против них требования приказа НКО №227» [2].

Документ за подписями командующего войсками зафронта генерал-полковника И.С. Конева и члена военного совета западного фронта Н.А. Булганина позволяет говорить о кризисе духа и политической неопределенности солдатских масс. Неграмотное объяснение политической ситуации агитаторами позволило вкратце в сознание бойцов сомнениям о необходимости дальнейшей борьбы. То, что названо в тексте документа «благодушием», – не что иное, как неопределенность в необходимости борьбы, непонимание роли и значения Сталинградской битвы.

Приказ № 227 «Ни шагу назад!» является идеальным образцом грамотной агитационной установки, вся агиткампания лета-осени 1942 г. построена на нем. И все же даже в реализации этой важнейшей агитационной установки было допущено множество ошибок.

«Политуправление Воронежского фронта издало и распространило листовку «Ни шагу назад», обращенную к бойцам фронта. Эта листовка по содержанию представляет собой образец безграмотности, неряшливости, пестрит грубейшими ошибками и опечатками. Выпуск в свет безграмотной и вредной листовки можно объяснить только тем, что Политуправление фронта формально бюрократически отнеслось к изданию политических листовок для бойцов...

Обращаю внимание начальников политотделов на то, что факты формально-бюрократического отношения к изданию листовок имеют место в отдельных армиях нашего фронта. В 20 армии изданы две безграмотные, полные бахвальства и неточностей листовки» (Последняя строка редактирована вручную, далее текст зачеркнут. Приведены конк-

ретные цитаты из листовок, но их сочли не нужным доводить до сведения политсостава...» [3].

Листовки выполнены на низкопробной бумаге, отталкивающих розовых или желтых цветов и, как описано выше, действительно имеют неадекватные данные о состоянии врага, значительно занижена оценка немецкой армии. Например, враг назван «раненым зверем», и листовка призывает добить его в период немецкого наступления под Сталинградом. Подобная заниженная оценка противника приводит к неправильному пониманию происходящих событий и, в свою очередь, ведет к лишним жертвам среди объектов агитации.

Конкретные меры по улучшению адекватности пропаганды предложены в документе № 01754 от 15.10.42. Начальник политуправления запфронта, бригадный комиссар В. Макаров, критично относясь к ранее проделанной работе, дает ценнейшие инструкции по осуществлению улучшения пропаганды среди войск противника:

«...Издаваемые листовки зачастую шаблонны и однообразны по содержанию, внешне плохо оформлены. Иногда листовки задерживаются в печати, в результате чего отстают от событий и теряют свое оперативное значение. Мало еще издается листовок построенных на противоречиях в германской армии...» [4]

Что же конкретно предлагает Макаров?

«Предлагаю:

1. Начальникам политотделов армий усилить конкретное руководство и контроль за выполнением директивы ГлавПУРККА о недостатках в пропаганде среди войск противника, не отдавая эту работу на откуп начальникам 7-х отделений.

2. Всем отделениям изучать противника всесторонне. От военнопленных на допросах получать действительно необходимые сведения о противнике, в оперативной пропаганде и для правильных выводов о политико-моральном состоянии и боеспособности, которые могли бы быть использованы.

...Обратить особое внимание на улучшение качества печатной и устной оперативной пропаганды, на тщательную отработку текста листовок. Издавать больше листовок, построенных на противоречиях в германской армии...

4. Так как трофейные документы представляют огромную ценность для изучения противника, начальникам политотделов армий и дивизий принять меры к своевременному и полному сбору всех немецких документов...

7. Обратить серьезное внимание на содержание наглядной агитации. Беспредметные шаржи и карикатуры заменить убедительными плакатами, рисующими силу Красной Армии и антигитлеровской коалиции, неизбежную гибель немецких солдат, цифры потерь, ужасы русской

зимы, тяжелое положение солдатских семей. В наглядной агитации шире использовать местный оперативный материал» [5].

Для сглаживания национальных противоречий и лучшего восприятия агитации бойцами нерусской национальности тот же Марков на основании документа № 0023\п «О состоянии воспитательной работы с красноармейцами и младшими командирами нерусской национальности» предлагает:

«2/ Смелее и решительнее выдвигать из числа бойцов и младших командиров нерусской национальности на агитаторов низовых подразделений. Выдвигать надо людей безусловно надежных, проверенных в бою и знающих русский язык. На этот актив и следует опираться в политико-воспитательной работе. Повседневную работу с самим активом, проводить совещания, инструктировать в индивидуальном порядке, держать с ними постоянную связь, вовремя оказывать нужную помощь...

4/ Обратить особое внимание на создание в каждом подразделении атмосферы братского и боевого содружества между бойцами различных национальностей. Решительно пресекать самые малейшие проявления национальной розни и недоверия. Повседневно разъяснять, что русские, украинцы, казахи, узбеки и другие – все равноправные бойцы Красной Армии и решают единую, общую, великую задачу, защищают свою социалистическую родину – Советский Союз, свою национальную независимость. Воспитывать русских бойцов и командиров в духе уважения к бытовому укладу, привычкам и навыкам той или иной национальности, не допуская никаких насмешек и, тем более, оскорблений на этой почве...

6/ Всеми средствами устной и печатной агитации популяризировать бойцов нерусской национальности, отличившихся в борьбе с немецкими захватчиками...» [6].

Насколько удачны оказались данные меры? Исходя из планов ПуРККА и судя по Плану «Работа отдела агитации политуправления запфронта» с 1 по 15.1.1943 г. в пункте «Работа групп лекторов и агитаторов» предусмотрено не только продолжение ранее поднятых тем, таких, как «Национальное единство советского народа», но и важнейшая установка – мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти, т.е. приходит убеждение в наступательной концепции, в борьбе до победного конца. Используя положительные итоги Сталинградской победы, агитаторы подводят солдат к мысли о неизбежном поражении немецкой армии. Но, с другой стороны, решение подобных проблем на втором-третьем году войны говорит и о наличии недостатков в общей, базовой агитационной установке начала войны. Так

как планы ПуРККА на 1941 г. засекречены, остается только предполагать, что абстрактная идея борьбы с фашизмом как мировым злом не полностью реализовала себя. Требовались очень значительные доработки. Прежде всего, необходимое качественное обоснование борьбы с немецким оккупационным режимом, предлагавшим различные материальные блага добровольно перешедшим на его сторону. Документы 1942-1943 гг. позволяют нам говорить об огромной агитационной работе, проделанной советскими пропагандистами. Основными положениями которой стали не только выявление и раскрытие человеконенавистнической сути фашизма, но и доведение этой идеи до логического конца – его уничтожения. Выявление недостатков, оперативные реакции на возникающие проблемы частного характера – все это в комплексе позволило к середине 1942 г. зародиться, а к началу 1943 г. – окончательно оформиться лозунгу «Дойдем до Берлина!».

В отличие от пропаганды в немецкой армии, моральное состояние бойцов Красной Армии во многом напрямую зависело от успехов на фронте. Оценивая моральное состояние противника, мы не будем брать в расчет зверства немецких солдат при отступлении – они продиктованы идеями нацизма. Подобные вещи на территории Германии были редкостью. Речь идет о преступлениях солдат на своих собственных территориях, с гражданами собственной страны. Большая часть правонарушений, исходя из документов, приходится на осень 1942 г., т.е. периода отступления и неопределенности в ходе Сталинградской битвы.

Читаем в приказе №1881 от 20.11.42:

«Проверкой, проведенной работниками Политуправления фронта, установлено, что в последнее время в частях и соединениях Вашей армии резко возросло количество чрезвычайных происшествий. Только в 330 сд с 1 по 25 октября 1942 года имело место 25 чрезвычайных происшествий. Из них: 12 – переходов на сторону врага и 3 – дезертирства. Такое же положение и в частях 323 сд.

...Длительное пребывание частей армии в обороне и отсутствие активных боевых действий создали атмосферу благодушия, самоуспокоения и беспечности...

Агитационно-пропагандистская работа оторвана от боевых задач частей и подразделений, от жизни и запросов бойцов...» [7].

Далее следует перечень преступлений и инструкции по их предотвращению. Из текста документа следует, что агитация в дивизии отставала от текущих событий, не объясняла бойцам положения и нужд фронта, не показывала необходимость беспощадной борьбы до победного конца. Отсутствие четко поставленной цели и привело к описываемым событиям. Но при этом не стоит за-

бывать о критическом положении на фронте, приведшем к указанным нарушениям.

В начале 1943 г. ПуРККА всерьез пересмотрело состав пропагандистских радиопередач. Теперь обязательными являлись передачи для нерусских бойцов, в которые входили вести из республик, выступление бойцов и командиров на родном языке, прослушивание национальных песен. Для немцев предполагались политические программы с обзором международного положения Германии и выступления пленных. Данный тезис, выведенный из анализа плана работы звуковещательной и звукозаписывающих станций Политуправления Западного фронта, позволяет утверждать, что проблема понимания противника по-прежнему не решена. Сам факт решения на втором-третьем годах войны таких проблем, как национальная терпимость и необходимость войны до победного конца говорит, что меры были проведены по модернизации пропаганды весьма эффективно, но с опозданием.

Реальную же силу воздействия на неприятеля советская пропаганда обрела только в конце 1943 – начале 1944 гг., когда стремительное наступление Красной Армии и политический крах гитлеровского режима стали теми двумя факторами, вынуждавшими немцев прислушиваться к агитации противника. Что же касается успешности воздействия советской пропаганды на собственную армию, то о ее качестве лучше всего говорят грамотно проведенная модернизация 1942 г. и последовавшие за этим победы 1943-1945 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 4 об.
2. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 7-9 об.
3. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 11 об.
4. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 27 об.
5. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 27-28 об.
6. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 29 -30 об.
7. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д 105. Л. 35 об.

A. Moshev

THE EVOLUTION OF SOVIET PROPAGANDA DURING THE CRITICAL PERIOD OF WORLD WAR THE SECOND 1942-1943

Abstract. Article contains problems of soviet propaganda during the great step of World War the second. The main aim of quest is methods of transformation of propaganda suggestion from direct in indirect - more understandable. The basic attention is given ways of operative propaganda influence, and results of the decision of problems.

Key words: Internal contradictions, propaganda influence, crisis of political consciousness, PuRККА, the Order №227, smoothing of national contradictions, the offensive concept.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются проблемы снабжения населения продуктами, изделиями, решение жилищной проблемы, анализируются меры партийного государственного руководства СССР по социальному обеспечению инвалидов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, повседневная жизнь, бытовые условия, продовольствие, труженики тыла.

В последнее время в сибиреведении заметно усилился интерес к социальным аспектам жизни людей в годы войны [1; 2; 7; 8].

Между тем именно от состояния жилищного вопроса, здравоохранения, от системы обеспеченности людей предметами первой необходимости зависит уровень работоспособности, морально-психологическое состояние общества.

С началом Великой Отечественной войны Красноярский край стал одним из регионов, куда осуществлялось перебазирование больших масс людей из западных районов с эвакуированными предприятиями, учреждениями, к 1942 г. в край прибыло более 75 тыс. человек. Население г. Красноярска увеличилось в два раза [3; Оп. 3, Д. 537, Л. 64].

Плановое ведение хозяйства позволило государству создать систему централизованного распределения важнейших предметов потребления. Так, с июля по октябрь 1941 г. был осуществлен переход к карточной системе снабжения населения важнейшими продовольственными товарами. Нормы снабжения устанавливались в зависимости от товарных ресурсов и дифференцировались по 4 группам населения: для рабочих, для служащих, иждивенцев и детей [7, 57].

В зависимости от значения отдельных отраслей промышленности рабочие снабжались хлебом и сахаром (кондитерскими изделиями) по нормам 1 и 2 категорий. К первой категории относились рабочие оборонных, угольных, нефтяных, химических, транспортных предприятий, строков. Рабочие и служащие других отраслей получали хлеб по нормам 2 категории. В ходе войны эти нормы неоднократно корректировались, исходя из наличия ресурсов и не всегда в сторону их увеличения.

Для населения, проживающего в сельской

местности, но не связанного с сельским хозяйством, (эвакуированное население), направлялись централизованные фонды хлеба и продовольственных товаров. Для учителей, врачей, инвалидов войны было установлено снабжение хлебом по гарантированным нормам, которые отпускались только по талонам и спискам [4; Оп. 1, Д. 866, Л. 64-64 об].

Карточное снабжение населения хлебом носило не только ограниченный характер, но и сопровождалось многочисленными нарушениями. В августе 1941 г. в соответствии с постановлением СНК «О введении карточек на хлеб, сахар, кондитерские изделия» в крае были созданы краевое, 22 городских, районных, поселковых и 7 участковых карточных бюро, которые обслуживали 620000 человек [3; Оп. 3, Д. 536, Л. 56].

Согласно инструкции Наркомторга и приказу Краевого карточного бюро от 1 февраля 1942 г. карточки выдавались организациям по предъявлении списка о наличии работающих в организациях с указанием их должностей и на иждивенцев по представлении стандартных справок, заверенных домоуправлением. При проверке контролерами-ревизорами было установлено, что отдельные картбюро городов Заозерная, Минусинск, Канск в недостаточной степени требуют от организаций выполнения этого указания, списки ведутся небрежно с помарками, исправлениями, что влечет за собой злоупотребления.

Выборочная проверка инспекторским аппаратом картбюро установила недостачу карточек в госпитале 1517, на станции пути г. Ачинска, на фабрике кожевенных изделий. Умышленно указывались неправильные должности, что позволяло отдельным лицам снабжать по рабочим карточкам [3; Оп. 43, Д. 523, Л. 71-76].

Проверка прокуратурой Кировского района г. Красноярска показала, что продажа хлеба по карточкам велась худшего качества, чем хлеба, продаваемого по коммерческим ценам. При проверке 2-го участкового карточного бюро г. Красноярска в сентябре 1941 г. было установлено недостача 1822 карточек, по 4-му участку – 296 карточек, а всего по горбюро – 2118 карточек. Указанные недостатки были обусловлены тем, что первоначально приемка и выдача карточек документированно не оформлялась. Изготовление карточек первоначально осуществлялось крайторготделом, который был к этому плохо подго-

* © Мезит Л.Э.

товлен. В ходе проверки были выявлены факты спекуляции карточками, случаи хищения (из-за ненадлежащего хранения). В Канском районе сотрудник леспромхоза получил карточки на жену и дочь, в то время как они работали в других организациях и тоже получили карточки. В Боготольском районе возчик хлеба систематически воровал по 2-4 буханки хлеба, а затем через своих знакомых перепродавал их [5; Оп. 14, Д. 2, Л. 110-111].

Проблема обеспечения продовольственными товарами в военный период решалась путем нормированного снабжения, которое было гарантировано жителям городов, эвакуированному населению, инвалидам, сельской интеллигенции. Основная масса колхозников полностью зависела от количества выработанных ими трудодней.

Вместе с тем из-за катастрофического положения, сложившегося в сельском хозяйстве края с началом войны (мобилизация мужчин, сельскохозяйственной техники, назначение на руководящие должности в колхозах и совхозах малоопытных кадров и т.п.), и увеличения обязательного минимума трудодней, определенного Указом СНК от 15.04.1942 г. «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней», реальные доходы, получаемые колхозниками, резко упали.

Так, в колхозах Эвенкийского автономного округа стоимость трудодней снизилась с 10 руб. 20 коп. в 1941 г. до 7 руб. 78 коп. в 1943, в отдельных хозяйствах снижение было более значительным. В колхозе имени Сталина Эвенкийского автономного округа стоимость трудодня составляла 5 руб. 30 коп. [6; Оп. 1, Д. 47, Л. 6-7 об].

Нередки были случаи злоупотреблений в деле учета и записей трудодней. В Уярском районе в 1943 г. 1720 колхозников (48% от всех работающих) недополучили хлеба на заработанные трудодни. Это произошло потому, что около 2150 центнеров переполучили те, кто работал плохо в колхозе и имел меньше трудодней [3; Оп. 15, Д. 1, Л. 352].

Из-за низкой урожайности зерновых в ряде районов края и возросшей задолженности колхозов перед государством по хлебозаготовкам возникли проблемы выдачи хлеба колхозникам. Так, в 1943 г. колхозники Ермаковского района получили 380 грамм хлеба на трудодень, в результате 70-75% колхозников находились в крайне тяжелом положении, возникла угроза массового голода. В Козульском районе колхозница колхоза «Заветы Ильича» Сухаренко Е. «имеет на иждивении 6 детей, муж с 1941 г. на фронте, в хозяйстве имеет одну корову. выработала 370 трудодней, на которые получила 1,3 центнера зерна. Колхозница колхоза «Путь к новой жизни» тов. Ровкова П. имеет на иждивении 4 человека, муж погиб на фронте,

два сына сражаются на фронтах, заработала 250 трудодней, на которые получила 1 центнер зерна. Всего по Козульскому району имелось 375 колхозных хозяйств с 1675 человек, которым необходимо было оказать продовольственную помощь» [3; Оп. 4, Д. 21, Л. 42, 76].

Поэтому основным источником выживания крестьян оставалось личное подсобное хозяйство. Оно подрывалось высоким сельскохозяйственным налогом, ставки которого повышались в 1942-1944 гг., введенным в декабре 1941 г. военным (подушным) налогом. Крестьянство исправно выполняло свои налоговые обязательства, поэтому нередки были случаи, когда жители сел питались лебедой, жмыхом, свекольной ботвой. По данным В.Т. Анискова, в начале 1944 г. каждая крестьянская семья в среднем потребляла 91 г мяса и сала в день (18-22 г на человека), яиц соответственно на семью 0,3 шт или 1 яйцо на 15 чел. в день [1, 140].

На фоне массовой жертвенности крестьян регулярно проводимые прокуратурой края проверки выявили факты хищения зерна. В постановлении бюро Краевого комитета ВКП(б) от 29 октября 1942 г. отмечалось, что проверкой вскрыты случаи хищения и разбазаривания зерна в колхозах. В Уярском районе установлено 20 случаев хищения зерна. В колхозе имени Сталина похищено 10 ц колхозного хлеба, в Назаровском районе обнаружено 27 случаев хищения, в Больше Муртинском – 28, Манском – 16, имели место хищения на пунктах заготзерно Красноярском, Очурском и др. [3; Оп. 3, Д. 323, Л. 93-94].

Участие колхозов в рыночной торговле сельскохозяйственной продукцией было явно недостаточным, вследствие чего цены на рынках резко выросли. Например, в Красноярске в феврале 1942 г. 1 кг мяса стоил 60 руб., ведро картофеля – 30 руб., литр молока – 10 рублей. В марте 1943 г. 1 кг мяса стоил 180-350 рублей, ведро картошки – 240-280 рублей, литр молока 40-60 руб. [3; Оп. 3, Д. 537, Л. 64]. В среднем цены на рынках крупных городов были выше довоенных в 13 раз и превышали уровень цен на продукты, продаваемые по продовольственным карточкам, в 20 раз.

Помочь горожанам решить продовольственную проблему было призвано индивидуальное и коллективное огородничество. Если в 1941 г. было 52 коллективных подсобных хозяйства с посевной площадью 3471 га, то в 1944 г. их число увеличилось до 211 с посевной площадью в 40365 га. Валовый сбор сельскохозяйственных культур в подсобных хозяйствах увеличился почти в 10 раз [3; Оп. 15, Д. 475, Л. 6].

Развитие индивидуального огородничества характеризуется следующими данными: в 1940 г. в крае существовало 62098 индивидуальных хозяйств, которые занимали 4024 га, в 1943 г. их

было 110631 с площадью 9399 га [3; Оп. 15, Д. 472, Л. 12].

С конца апреля 1942 г. была введена во всех городах и рабочих поселках карточная система снабжения непродовольственными товарами. Население было разбито на 3 группы: первая – рабочие, вторая – служащие, третья – иждивенцы и дети. В 1942 г. норма карточек на промышленные товары для первой группы составляла 125 купонов, по второй – 100 купонов, по третьей – 80 купонов [4; Оп. 1, Д. 840, Л. 34].

Существенно усложнило жизнь селян Постановление комиссариата торговли от 2 июня 1942 г., в соответствии с которым были введены ограничения по снабжению населения мылом, солью, керосином, спичками, (например, не более 400 грамм соли в месяц на человека) [3; Оп. 1, Д. 840, Л. 33].

Потребительская кооперация на селе пыталась наладить торговлю необходимыми товарами, однако более половины из отпущенных ей фондов использовались для снабжения на селе детей и инвалидов.

В условиях, когда все предприятия работали на нужды фронта, одежды, обуви, товаров повседневного спроса катастрофически не хватало. В некоторой степени помочь населению должны были предприятия местной промышленности, отделы рабочего снабжения (ОРСы) промышленных предприятий.

Так, в 1944 г. ОРС завода № 477 выработал: 2597 единиц верхней одежды, 817 пар белья, 340 полушубков, 3963 пары обуви. ОРС завода № 4 им. Ворошилова дополнительно выпустил для торговой сети: 6300 единиц верхней одежды, 1500 пар белья, 9460 пар обуви. Общее количество ОРСов в крае было 72. Значительно хуже работали предприятия местной промышленности и промкооперации. Из 36 миллионов рублей по плану ими было сдано торговым организациям разных товаров только на 22,3 млн. рублей при низком качестве и узком ассортименте предлагаемых изделий [3; Оп. 15, Д. 475, Л. 8].

Поэтому потребление промышленных товаров на душу населения в военный период резко сократилось. Об этом свидетельствуют многочисленные факты невыхода на работу даже на оборонных предприятиях из-за отсутствия обуви.

В условиях войны сохраняющийся дефицит продовольственных и промышленных товаров порождал спекуляцию, хищения, что, к сожалению являлось драматической реальностью военной повседневности. Крайторготдел, госторгинспекция, органы прокуратуры и милиции выявляли и пресекали факты расхищения и разбазаривания продовольственных, промышленных товаров.

При проверке состояния рыночной торгов-

ли в г. Красноярске в 1943 г. работники милиции отметили широкое развитие обменных операций промтоваров на продукты. И хотя промышленные товары были преимущественно бывшие в употреблении, цены на рынке на них были очень высокими: пальто мужское 2500-7000 руб., туфли дамские – 2500-3500 руб, костюм мужской 3000-8000 руб. и т.д. За спекуляцию только за март месяц было арестовано 51 человек [3; Оп. 4, Д. 14, Л. 72].

К числу важных аспектов социальной политики военных лет относится обеспечение населения жилой площадью. В крае жилищный вопрос был непростым еще до войны. В связи с массовой эвакуацией населения из западных областей страны, перебазирования госпиталей, детских домов он значительно обострился. Под жилье приспособлялись общественные, производственные помещения, осуществлялось «уплотнение» местного населения в городах и селах. К концу войны в Красноярске средняя жилая площадь на одного проживающего составляла 3,1 кв. метров; по стране этот показатель составлял 4 кв. м. Однако довольно часто встречались случаи, когда на человека приходилось меньшее количество жилой площади. Так, в заявлении командира 58 Городековского Краснознаменного им. Кагановича пограничного отряда отмечалась стесненность жилищных условий эвакуированных в Боготольский района Красноярского края семей военнослужащих его отряда. Местные органы власти разместили в одной комнате по 2-3 семьи. Из-за скученности проживающих обострилась эпидемиологическая обстановка, и в результате умерли пять детей [3; Оп. 3, Д. 236, Л. 154].

Крайне тяжелые материально-бытовые условия были у учащихся школ ФЗО, РУ. Регулярно проводившиеся проверки общежитий учащихся показали, что в большинстве комнат нет окон, постельных принадлежностей, для осуществления личной гигиены не создано надлежащих условий, поэтому среди учащихся отмечалась завшивленность [3; Оп. 3, Д. 566, Л. 8].

С учетом трудностей с жилищным обеспечением в крае и пониманием необходимости изменения сложившегося положения в военные годы были приняты решения о пополнении жилищного фонда. На базе промышленных предприятий формировались строительные организации, которые занимались возведением жилья барачного типа, которое носило временный характер. Возведенные в короткие сроки из недоброкачественных материалов, без элементарных бытовых условий, они надолго стали местом проживания красноярцев.

Социальная политика в годы войны была продолжением социальной политики довоенного периода. Однако в тяжелейших условиях войны

число лиц, нуждающихся в помощи и защите государства, значительно выросло.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26.02.1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособия семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» началась выплата пособий семьям фронтовиков. Размер пособий определялся в зависимости от числа нетрудоспособных членов семей от 100 до 250 рублей. Если 1 января 1942 г. в крае 90518 семей получали пособия на общую сумму 32415000 рублей., то уже 1 декабря 1944 г. в крае было взято на учет 300391 семей военнослужащих, которым ежемесячно выплачивалось 8391897 руб. Пенсии за погибших на фронтах Отечественной войны получали 26 986 семей в сумме 2980103 руб. Кроме пенсий и пособий, семьям военнослужащих были предоставлены льготы по налогам, по квартплате, предоставлению мест в дошкольных заведениях, оплате обучения в школе и вузах [3; Оп. 14, Д. 1, Л. 248-250].

В крае было создано 1123 комиссии действия семьям фронтовиков, по ходатайству которых органы местного самоуправления предоставляли семьям фронтовиков земельные участки для подсобных хозяйств и огородничества, снабжали нуждающихся семенами, организовывали месячники по сбору подарков. Большую заботу о семьях фронтовиков проводили комсомольские организации края, под руководством которых по краю было создано 513 тимуровских команд, объединивших 3012 пионеров-тимуровцев.

Большим вниманием и заботой были охвачены инвалиды Великой Отечественной войны. При исполкомах всех уровней были созданы комиссии по трудоустройству инвалидов войны, которые совместно с отделами социального обеспечения вели систематическую работу: по трудоустройству инвалидов (преимущественно 3 группы) и предоставлению им качественного медицинского обслуживания. В сентябре 1942 г. на учете в краевом отделе социального обеспечения состояло 7448 инвалидов войны, в 1944 г. – 23601 человек. Из них: первой группы 334 человека, второй группы – 8 973 человека, третьей группы – 14294 человека. Всего было трудоустроено 18944 человека. В промышленности – 2953 человека, в кооперации – 523, в сельском хозяйстве – 9042, в организациях и учреждениях – 5937 человек [3; Оп. 14, Д. 1, Л. 253].

Помимо этого органы социально обеспечения совместно с общественным активом осуществляли ремонт жилья инвалидов или добывались выделения жилой площади для них, организовывали подвоз топлива, выделение продуктовых и промышленных товаров для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [3; Оп. 15, Д. 489, Л. 12-14].

Многие инвалиды в ответ на такую заботу стремились вернуться к активной жизни и, получив новую профессию, приносили посильную помощь своему отечеству. Однако некоторые инвалиды, имея физические возможности, всячески уклонялись от трудоустройства и вели иждивенческий образ жизни, полагаясь на заботу органов социального обеспечения. Решением Президиума ВС СССР они лишались государственного пенсионного обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. – Новосибирск: Наука, 1993.
2. Демина Е.В., Константинов М.В. Материальное положение рабочих оборонной промышленности Красноярска в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война: 60 лет Победы. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2005.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.П 26.
4. ГАКК Ф.Р 1386.
5. ГАКК Ф.Р 1434.
6. ГАКК Ф.П 1570.
7. Погребняк А.И. Проблемы снабжения и торговли в Сибири (1941-1945) // Сибиряки-красноярцы в Великой Отечественной войне 1941-1945. – Красноярск: Изд-во КГУ, 2000.
8. Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940-1954 гг.): автореф. докторск. дисс... – Иркутск, 2000.

L. Mezit

CONDITIONS OF A LIFE OF THE POPULATION OF KRASNOYARSK REGION IN DAYS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is based on archival and published sources are considered public food supply problems, product, solving the housing problem, analyzes the actions of the Party state leadership of the USSR for Welfare of Disabled Persons.

Key words: the Great Patriotic War, daily life, provisions, living condition, population, toilers of the real.

Историография и источниковедение

УДК 316.423.3:316.323.5

Волобуев О.В.

ДВОРЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ В ТРАКТОВКЕ Н.А. РОЖКОВА*

Аннотация. В статье анализируются взгляды Н.А. Рожкова на период, который в его историко-социологической концепции именуется дворянской революцией и предстает как самостоятельный период всемирной истории. Модель дворянской революции впервые рассматривается с позиций возможности применения теории переходных периодов для обобщений в глобальном масштабе.

Ключевые слова: историография, всемирная история, периодизация, дворянская революция, переходный период.

Как феодализму в исторической концепции Н.А. Рожкова предшествует переходный период феодальной революции [1], так и выделяемому им периоду господства дворянства предшествует дворянская революция, трактовка которой историком и рассматривается в данной статье. Дворянскую революцию как отдельный период исторического развития Рожков рассматривал в свете теории торгового капитализма. В его историко-социологической концепции именно эта теория легла в основу выделения в общественном развитии периодов дворянской революции и господства дворянства. Переход от натурального хозяйства к рыночному в общественном развитии стран и регионов у Рожкова первоначально связан с торговым капиталом и является экономической основой периода дворянской революции.

Теория торгового капитализма была широко распространена в советской исторической науке 1920-х гг. [5] Истоки ее относятся еще к дореволюционному времени. Н.Л. Рубинштейн полагал, что «теория крепостного хозяйства как носителя торгового капитала и начала первоначального накопления, развитая Рожковым, идет от Струве» [8, 538-539]. Другой историограф, А.Л. Шапиро, к первым разработчикам теории торгового капитализма относил также экономистов М.И.

Туган-Барановского и А.А. Богданова [11, 733]. В исторической науке эту эстафету подхватили М.Н. Покровский и Рожков, которые стали ведущими историками и адептами теории торгового капитализма в советской историографии 1920 гг. Не станем останавливаться на последовавшей после смерти Покровского критике его так называемых антимарксистских взглядов, но отметим, что эта критика, в частности в связи с теорией торгового капитализма, относилась к концу 1920 гг. Что касается торгового капитала, то эта историко-экономическая категория признавалась в советской политической экономии и советской исторической науке всегда, но признание историками торгового капитализма как определенного исторического периода или как самостоятельной общественно-исторической формации характерно только для времени становления советской исторической науки. Тогда остро и дискуссионно стоял вопрос об общественно-экономических формациях (какие и сколько) и их месте в периодизации российской и всемирной истории [10]. Но, когда Рожков создавал свою историко-социологическую концепцию и свой обобщающий труд, теория торгового капитализма разрабатывалась не только применительно к истории России, но и к истории Западной Европы [2; 3; 4; 7].

Для таких стран Западной Европы, как Франция, Англия, Германия, Италия в XII - конце XV в. характерны были небольшие местные рынки с главенствующим торговым центром. Радиус их торгового охвата составлял 10, 15, 20 вёрст, и они были мало экономически связаны друг с другом. К денежному хозяйству с обширным рынком западноевропейские страны перешли в XVI, XVII и XVIII вв. Еще до появления мирового рынка, на начальном этапе развития этого процесса, который приходится на период дворянской революции, земледелие теряет своё исключительное господство и начинается быстрый рост обрабатывающей промышленности. Но, несмотря на распространение денежного хозяйства и рост промышленного

* © Волобуев О.В.

Статья написана при поддержке РГНФ. Проект 07-01-00359а

производства, в экономике по-прежнему сохраняется преобладание земледелия. На этом экономическом базисе разворачивается политическая борьба, приводящая к установлению господствующего положения дворянства.

Дворянскую революцию в Западной Европе Рожков рассматривал в следующей, по странам, последовательности: Италия – Германия – Франция – Англия – Испания – Нидерланды. В чем, представляется, логика такого выстраивания? Сам историк этого не объясняет, но можно предположить, что Италия и Германия открывают этот ряд как страны, которые «не завершили процесса дворянской революции в национальном масштабе», не завершили ее и в экономической сфере. В этом, последнем отношении они ближе к России, которая завершила дворянскую революцию, когда «международное экономическое окружение ушло гораздо дальше вперед». Франция и Англия – в трактовке Рожкова, страны феодализма более передового типа по сравнению с остальными, – и в них процесс «экономической перестройки проходил особенно скоро и легко» [6, 284 и 279].

Период дворянской революции в большинстве западноевропейских стран делился, как и в России, на несколько этапов. В Германии – это три этапа: вторая половина XV - начало XVI вв.; XVI в.; первая половина XVII в. Первый этап характеризуется как подготовительный. На этом этапе шла идеологическая (Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен и др.) и социальная (сектантские движения, крестьянские волнения) подготовка преобразований. Вторым этапом – реформация и крестьянская война. Третий – Тридцатилетняя война. Причины ее Рожков обнаруживал в столкновении интересов имперского рыцарства, выступавшего за единое централизованное государство, и части дворянства, поддерживавшего князей (партикулярно-абсолютистская тенденция). По Вестфальскому миру власть императора превратилось в фикцию. Победителями оказались княжеское самодержавие и княжеское дворянство.

Дворянская революция во Франции, как и в Германии, также делилась на три этапа, которые хронологически сближались с германскими. Первый этап охватывал вторую половину XV в. до 60-х годов XVI вв., время от правления Людовика XI до первых лет царствования Карла IX. Подобно Ивану Грозному, Людовик XI расправлялся с феодальной знатью и делал решительные шаги в направлении утверждения самодержавной монархии, а его окружение мало чем отличалось от опричников. Социальной опорой его политики были рядовые дворяне и буржуазия. Его преемник Франциск I подчинил дворянскому самодержавию французскую церковь. Итоги первого этапа дворянской революции во Франции подводились Рожковым так:

«Торговый капитализм, сделавший первые шаги вперед, выдвинул на первый план дворянство и буржуазию и подорвал решительно прежнее господство феодальной аристократии; самодержавие королей и бюрократии были ближайшими последствиями такого сочетания общественных сил; начала слагаться и новая культура – в литературе, искусстве, религии, науке; одним словом, новые и старые общественные силы были резко противопоставлены друг другу» [6, 128].

Второй этап дворянской революции во Франции – это гугенотские войны с 1562 по 1589 гг., борьба двух феодальных аристократий; северной, католической во главе с Гизами и южной, гугенотской группировки, которая включала не только аристократические, но и буржуазные элементы. Третий – с 1589 г. до вступления на престол Людовика XIV в 1643 г. Это – время Генриха IV и Людовика XIII. Генрих IV правил Францией, опираясь на дворянство и буржуазию. Его политику продолжил Ришелье, завершивший строительство самодержавной монархии: «...Покровительство дворянскому землевладению, сословности, податное состояние народных низов, сословная просветительская политика с ограничением народного образования – вот основа политической системы Ришелье». Переводя эту цитату в вывод, можно сказать, что в итоге всех преобразований установилась дворянская монархия.

Переход к торговому капитализму в Англии приходится на период со второй половины XV в. до XVI в. Дворянская революция в Англии совершилась быстрее и легче, чем в других странах Западной Европы. Причину такого общественного развития Рожков видел в том, что переход к торговому капитализму (т. е. дворянская революция) был подготовлен всей предшествующей экономической, социальной и политической историей Англии. По этой же причине, полагал Рожков, в Англии не было «настоятельной нужды в последовательно и до конца» проведенной абсолютной власти королей, хотя короли-самодержцы имелись (Эдуард IV, Генрих VII, Генрих VIII). Эти короли проводили политику королевско-дворянского самодержавия, заботились об интересах торговли и торговцев. Заметим, что, в оценке советской историографии, хотя Генрих VIII и проводил политику, которая отвечала в известной степени интересам нового дворянства и буржуазии, но опорой его власти было феодальное дворянство. Окончательно установила англиканскую церковь и самодержавие Елизавета, внешняя политика которой явилась выражением «новой самодержавно-дворянской, торгово-капиталистической политики» [6, 159-161].

Особенностью дворянской революции в Италии Рожков считал то, что «торговый капита-

лизм, выдвигая на первый план дворянство сначала в лице наемных солдат-кондотьеров, потом в виде постоянной армии и ее вождей, а также богатейшее купечество, создал и первую централизованную государственность», хотя в Италии и не образовалось единой державы. Крупных итальянских государств было пять: Милан. Венеция, Тоскана во главе с Флоренцией, Церковная область и Неаполитанское королевство.

Испания, Португалия и Нидерланды, составившие тогда единое политическое пространство, не случайно последние в цепочке рассматриваемых стран: они были выдвинуты хронологически «в качестве передовых стран европейского торгового капитализма» [6,174]. Но в Испании оказались слишком сильными и прочными остатки феодализма (феодалное землевладение, внутреннее таможенное и т. д.), недостаточно развивалась промышленность, король ввел монополии на вино, оливковое масло, соль. Поэтому «и в социальном и в политическом отношениях дворянская революция в Испании не была решительной, отличалась той же на первый взгляд яркой видимостью и вместе незаконченностью, сохранением многих обломков феодальной старины» [6, 177]. В отличие от Испании, Нидерланды стали образцом развития торгового капитализма в XVI - первой половине XVII вв. Там все обуржуазилось: рыбаки и кустари, маслоделы и сыровары, дворянство и даже аристократия. Но главное значение для Нидерландов имела внешняя торговля.

В результате дворянской революции классической страной полного господства дворянства и дворянской самодержавной монархии стала Франция, особенно в правление Людовика XIV. Дворянская революция не истощила и не потрясла Францию, которая перешла от постепенного разложения классического французского феодализма к классическому «старому порядку». Рожков сравнительно редко, характеризуя развитие той или иной страны, обращается к фактору международного окружения, к геополитическому фактору. Но в случае с историей Франции он отмечает, что в ней расцвет дворянского государства и общества хронологически совпал с началом процесса буржуазно-демократической революции в Англии. Но все остальное международное окружение было более отсталым, чем порядки во Франции. И это способствовало прочности и крепости господства в ней дворянства. Основной же причиной устойчивости старорежимного строя были хозяйственные условия: сочетание торгового капитализма с преобладанием земледелия.

Период господства дворянства в Англии хронологически был еще короче, чем во Франции. Он пришелся на царствование двух первых Стюартов. В их царствование происходило быстрое

развитие торгово-капиталистических отношений. Основываются Английский банк, Лондонская биржа, Ост-Индская компания. И все же в сельском хозяйстве было занято 77% населения. Правление Стюартов было попыткой расширения сфер, подвластных дворянскому самодержавию, и тем самым создавалась почва для конфликтов короля с парламентом.

Изменения в период дворянской революции Рожков прослеживает во всех сферах общественной жизни, в том числе в мировоззрении и религии, литературе и искусстве. В духовной культуре Западной Европы, полагает историк, прежде всего выкристаллизовался христианский гуманизм. Будучи глубоко религиозными людьми и вместе с тем носителями гуманистических идеалов, поэт Петрарка, энциклопедист Пико делла Мирандола, основатель флорентийской платоновской Академии Фичино, по выражению Рожкова, еще двоились между Августином и Цицероном. В итальянской живописи религиозный гуманизм выражен в живописи Боттичелли, в Германии – в сатирической поэзии автора «Корабля дураков» Бранта.

Второе течение в гуманизме – светское, эпикурейское, реалистическое в художественной литературе представляли Боккаччо, Рабле, Шекспир, Сервантес; в живописи – Тициан, Микеланджело, Рафаэль, Дюрер, Рубенс, Рембрандт, Веласкес; в философии и науках – Леонардо да Винчи, Монтень, Декарт, Паскаль, Бэкон, Спиноза. В личности и деятельности гуманистических писателей и ученых, по мнению Рожкова, сказывалась психология нового дворянства.

В связи с реформацией и контрреформацией значительное место Рожков уделяет религиозным проповедникам и публицистам. В сфере религиозного противостояния историк обнаруживает прежде всего классовые интересы. Вполне понятно, что наиболее развернуто рассматривается реформация в Германии и деятельность ее идеолога Лютера. Но первым, кто «перевел реформацию» на политические рельсы, был Ульрих фон Гуттен. В отличие от Лютера, который не мог определиться с опорной общественной силой, Гуттен прямо указывал на дворянство и горожан как на общественные силы, способные реализовать реформаторские идеи. Это был революционный путь, который мог бы привести к торжеству торгового капитализма в Германии. Однако начавшееся движение городских низов под руководством Шторха и Мюнцера было подавлено. Было подавлено и рыцарское восстание, возглавленное Зикингеном. Наконец, потерпели поражение и крестьянское восстание и Мюнстерская коммуна. Так состоялась княжеская реформация, идеологом которой и стал Лютер. Как пишет Рожков,

«дворянская революция приняла княжески-абсолютистский характер» [6, 103]. Это выразилось в уничтожении церковного института епископства и признании светских государей главами церковной организации в их владениях, т. е. подчинение церкви государству. Социальную и политическую дворянскую революцию в Германии завершил Вестфальский мир.

Гораздо дальше Лютера в церковном реформаторстве зашли Цвингли и Кальвин. Хотя сам Цвингли погиб, его реформа победила в Цюрихе, Берне, Базеле. Дальнейшие успехи реформации в Швейцарии связаны с именем и деятельностью Кальвина. В отличие от лютеранства, в кальвинизме проповедовалась идея полной самостоятельности церкви по отношению к государству. Кальвин проводит политику полной демократизации церковного устройства. Кальвинизм составил идейную основу борьбы различных классов и партий в период дворянской революции во Франции. В Нидерландах кальвинизм стал «боевым знаменем» народных масс, а воплощением интересов и стремлений городских низов стал анабаптизм. Церковная реформа в Англии рассматривается Рожковым лишь вскользь, и он не придает ей особого значения как событию периода дворянской революции. Не придает, может быть, потому, что эта реформа была связана с укреплением английского абсолютизма.

Больше всего Рожков уделял внимание общественно-политической и научно-философской мысли. В Н. Макиавелли Рожкова привлекает то, что он «хотел посредством изучения истории и современности открыть общие законы развития и существования человеческих обществ и на их основе построить новую, объективно-научную политику» [6, 59]. В сочинении «Государь» Макиавелли нашли выражение и новые задачи государства как организации, преследующей интересы общего блага. Рожков подчеркивает, что итальянский ученый находит гуманистические аргументы в пользу республики при ее сравнении с монархией. Во французской политической мысли Рожкова весьма интересуют монархوماхи-гугеноты. В памфлетах монархوماхов им выделяются следующие идеи: договорные отношения между государем и народом, верховенство народа, право на восстание обеих сторон в случае нарушения договора. Разбирает Рожков и сочинения идеологического противника монархوماхов, сторонника абсолютизма Ж. Бодена – «Метод к легкому познанию истории» и «Государство» (последнее имеет и другие в переводе названия: «Шесть книг о государстве» и «Республика»). В Бодене Рожков видит двойника Макиавелли. Французский мыслитель, по характеристике историка, «был противником феодальной аристократии и сторонником само-

державного монарха, но в новом и углубленном понимании этой государственной формы» [6, 136]. Самодержавие в понимании Бодена ограничивается договорами монарха с другими суверенами и лицами, ему подчиненными; правом частной собственности; основными законами, устанавливаемыми самими монархами. В этих ограничениях Рожков видит отрицание вотчинного, феодального принципа и признание юридической природы государства.

Из английских мыслителей наибольшее внимание Рожков уделяет Т. Мору и Ф. Бэкону. Мор характеризуется как первый социалист в новой Европе. Социалистическую теорию Рожков связывает с общественными условиями его времени: «Торговый капитализм создал новую интеллигенцию и вместе с тем ее стремление к независимости, откуда появилась социалистическая теория» [6, 163]. Очень высоко историк оценивает Ф. Бэкона как философа, разрушившего схоластические традиции, расчистившего «поле для разума», создавшего эмпирическую методологию, внедрившего научный метод индукции и т. д. Польза и прогресс – вот конечные цели по Бэкону.

Важнейшими достижениями общественно-политической мысли периода дворянской революции Рожков считал определение цели государства как общего блага, возникновение социалистической идеи, распространение научных методов познания на изучение общественных явлений.

Введение Рожковым в периодизацию всемирно-исторического процесса критических, или революционных, эпох, которые составляют своеобразные пары с соответствующими им основными, органическими эпохами, перекликается с современными теоретическими поисками места и значения переходных состояний в развитии общества. Как отмечает Э.В. Сайко, «понятие перехода прочно укоренилось в исторических исследованиях, поскольку оно является одним из главных познавательных конструктов в обозначении видимых различий уровней и форм исторического развития обществ в сущностных вариантах и в целом». В качестве примеров Сайко ссылается на переход от палеолита к производящим формам хозяйства и переход к цивилизациям. Такие переходы разрушают «базовые основания развития исторически предшествующего общества» и приводят к возникновению «новых динамических исторических систем» в их стадийных характеристиках [9, 14 и 16]. Именно в переходный период определяется необратимость новых явлений и процессов. В этом аспекте период дворянской революции рассматривался Рожковым как особая эпоха, положившая начало денежно-рыночному хозяйству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волобуев О.В. Феодалная революция в трактовке Н.А. Рожкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2009. № 4.
2. Вяткин М. Торговый капитализм в России. – М., 1927.
3. Лозинский С.Г. Эпоха торгового капитализма. – М.-Л., 1926.
4. Ляшкевич Л. Торговый капитализм. – М., 1927.
5. Подоль Р.Я. Теория исторического процесса в русской историософии первой трети XX в. – М., 2008.
6. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. – Пг.-М., [1922]. – Т. VI.
7. Розенталь Н.Н. История Европы в эпоху торгового капитализма. – Л., 1927.
8. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. – М., 1941.
9. Сайко Э.В. Переход как фактор исторического развития // Цивилизация. – М., 2000. – Вып. 8.
10. Спорные вопросы методологии истории (Дискуссия об общественных формациях). – Харьков, 1930.
11. Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 года. – М., 1993. – С. 733.

O. Volobuyev

NOBLE REVOLUTION IN WESTERN EUROPE AS A TRANSITIONAL PERIOD IN WORLD HISTORY IN THE TREATMENT OF N.A. ROZHOKOV

Abstract. The article analyzes the views of N.A. Rozhkov on period, which in its historical-sociological conception called noble revolution and appears as a separate period in world history. Model of noble revolution in the first time is considered from the standpoint of the possibility of applying the theory of transitional periods for generalizations on a global scale.

Key words: historiography, periodization of world history, noble revolution, the transition period.

УДК 930.221:947
(470.41.343)

Цыкина Ю.Ю.

«ПИСЬМА К ВОЖДЮ» МАРИЙСКОГО НАРОДА – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ЗНАНИЙ ОБ ИСТОРИИ МАРИЙСКОГО НАРОДА *

Аннотация. В данной статье рассматривается специфический вид литературного творчества эпохи тоталитаризма – «письма к вождю», в которых марийская интеллигенция в поэтической форме выражала преданность Вождю, а успехи, достигнутые республикой, обуславливала мудрым сталинским руководством. После кончины Сталина подобные «письма» как жанр перестали существовать. Данный вид литературы является ценным источником знаний о периоде 1936-1946 гг., рассматриваемом в статье. Этот литературный жанр воссоздает атмосферу эпохи, особенности развития народа мари, его самобытной культуры и искусства, освещает деятельность некоторых видных представителей марийской интеллигенции.

Ключевые слова: Вождь, тоталитаризм, Марийский, письмо, искусство, Постановления, КПСС, источник.

Эпоха 1930-1940-х гг. – период, до сих пор вызывающий неоднозначные оценки историков. С одной стороны, это время великихстроек, блестящих достижений в экономике, культуре, с другой – эпоха жестокого диктата и репрессий. О событиях, происходивших в это сложное время в национальных республиках, иногда можно су-

дить, только опираясь на архивные материалы. В Государственном архиве Республики Марий Эл сохранился особый вид источника знаний о жизни народа мари, его культуре, искусстве – так называемые «письма к вождю».

В эпоху культа личности И.В. Сталина литературный жанр подобного рода был весьма распространенным явлением. В таких письмах советские люди выражали свою преданную любовь «отцу народов» и рапортовали о своих успехах в деле построения нового общества. Особый интерес представляют «послания вождю» в юбилейные для национальных республик даты.

Марийская автономия не была в этом отношении исключением. В «письмах к вождю» в поэтической форме народ мари докладывал о достижениях республики за годы Советской власти, сравнивая дооктябрьскую и советскую эпохи. Дореволюционная жизнь упоминалась как невыносимо тяжелая, а современное «безоблачное» существование республики обуславливалось мудрым руководством великого Учителя, «Отца народов», «над которым не властно время». Такие письма изобиловали различными метафорами, гиперболами, поэтическими параллелями.

21 июня 1936 г. Марийская Республика отмечала 15-летний юбилей. Такого рода события праздновались широко, с большим размахом. К

* © Цыкина Ю.Ю.

этой дате был объявлен конкурс на лучшее произведение для симфонического оркестра; на лучшее драматическое произведение, запланирована полная ликвидация неграмотности, а также строительство зданий Маргостеатра, кинотеатра и техникума искусств [1, л. 4]. Кроме этого, были заключены договоры-заказы с московскими композиторами на создание произведений на марийские темы, организовано выступление Марийского хора в Москве для грамзаписи. На эти мероприятия предполагалось выделить 15 тыс. рублей [1, л. 50]. Однако в эту смету не уложились: только на проведение грамзаписи было отпущено 7550 рублей из местного бюджета, на проведение Олимпиады самодеятельного искусства было выделено 23 тыс. рублей. Московским композиторам за созданные произведения было выплачено 18300 рублей [2, л. 46].

Если учесть, что в сталинские времена такой «гигантизм» был в порядке вещей, при том, что люди в основной массе жили более чем скромно, то письмо к вождю, написанное марийскими поэтами, было завершающим аккордом в этом грандиозном славословии. Примечательно, что в этом произведении Сталин сравнивается с легендарным богатырем Чоткаром, радетелем родной земли.

« От радостной республики зеленой,
Цветущей в новой солнечной судьбе,
сердечный друг и вождь, привет тебе
Шлет наш народ, в победах закаленный.
Как в летний день, тепло марийцам стало,
на стяг мы сердце подняли твое.
Ты новую послушай песню, Сталин,
Поднявшийся народ поет ее [2, л. 30].
...От села и до села
Нашей песне пролететь.
Жизнь богата, весела, мы хотим,
как птицы, петь.
Сталин песню дал садам,
Жизнь сияющую нам.
Другу Сталину – салам!
Поет народ. И песня ручейками
Звенит в лесах, в просторах всей земли.
А раньше песни вместе со слезами
Водою мутною текли.
... жизнь шла, как тучи – темная, седея,
И нет, казалось, выхода из тьмы.
И прошлые сказанья вспоминая,
Великого Чоткара ждали мы [3, л. 31].
За черные столетья не забыли
Мы песни гусяря-богатыря.
Прекрасной сказкой в нашей темной были
Сияла их далекая заря.
Прошедшие несчастья вспоминая,-
Поборы, голод, горе и войну –
мы шлем привет из солнечного края,
Мы славим нашу новую страну».

И, несомненно, императивом звучала мысль о вечности, нетленности вождей.

«...Вождь всегда будет жить и дышать,
смерть его не заденет ничем.
В звонких гусях – живая душа,
Богатырская сила в мече.
Ленин Сталину меч завещал,
Этот меч богатырский стальной.
Ленин гусли ему передал,
Чтобы петь над свободной страной.
И на гусях сорок одну
Мудрый Сталин настроил струну,
Знает он песню сорок одну,
И поет, и ведет он страну [3, л. 46].
... накопленное сотней поколений
В народе вдохновение горит.
И Пушкинский, как утро чистый гений,
С марийцем по-марийски говорит [3, л. 51].
... Ты наша жизнь, ты наше сердце, Сталин,
Великий вождь, любимый человек.
Пусть будет долгий век твой беспечален,
Как жизнь страны, ее прекрасный век.
Мы не боимся холода. Ты близко.
Согреет нас родного сердца жар!
От имени Республики Марийской
Тебе приносят эту песню в дар [3, л. 53]»
(Сергей Чавайн, Олык Ипай, Осып Шабдар)
(Перевели с марийского Евг. Долматовский и

Конст. Симонов).

Судьба авторов данного письма оказалась трагичной. В сложные годы репрессий по приговору «тройки» деятели марийской литературы С.Г. Чавайн, Олык Ипай, Осып Шабдар были репрессированы и расстреляны в 1937 г., как многие представители марийской интеллигенции.

Другой документ, которым мы располагаем, относится к 1946 г., когда Марийская республика праздновала 25-летний юбилей. Следует отметить, что 1946 г. был сложным для советской интеллигенции. Именно он отмечен целой серией постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства: «О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 г., «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г., «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 г., Красной нитью через все постановления проходит требование к деятелям искусства о необходимости «сосредоточить внимание на создании современного советского репертуара» [4], так как «некоторые работники искусств, живя среди советских людей, не умеют по-настоящему отобразить их в произведениях искусства» [5]. Примечательно, что, декларируя эту задачу, авторы постановлений делали упор на «возросшие культурные запросы советских людей. И главная мысль, прозвучавшая в этих документах как постулат, гласит: «партия и государство будут и в

дальнейшем воспитывать в народе хорошие вкусы и высокую требовательность к произведениям искусства» [5].

После выхода в свет Постановлений ЦК ВКП(б) о литературе и искусстве партийное и советское руководство Марийской АССР стало уделять вопросам культуры ещё более пристальное внимание. Марийский обком ВКП(б) и правительство республики в 1946 г. рассматривали вопросы развития культуры и искусства в связи с подготовкой и проведением двадцатипятилетнего юбилея Марийской АССР. Была создана специальная Правительственная комиссия по подготовке и проведению юбилея, под чьим патронажем находилось и искусство. К этой дате предполагалось создать и поставить в Маргостеатре в юбилейные дни «Марийскую национальную свадьбу»; подготовить марийскую национальную историческую оперу об участии мари в движении Е. Пугачёва «На Волге»; из самодеятельных хоровых коллективов организовать хор из 300 исполнителей для выступления на юбилейных торжествах [1, л. 4].

Особо оговаривалась программа для ансамбля песни и пляски, «которая бы в художественной форме отражала успехи социалистического строительства Марийской АССР за 25 лет» [1, л. 4]. К юбилею предполагалось также издать три сборника музыкальных и хоровых произведений марийских национальных композиторов, выпустить книгу композитора Я.А. Эшпая «История марийских национальных инструментов», организовать концерт из произведений марийских композиторов.

И апофеозом праздника вновь стало письмо к Сталину - любимому вождю, «отцу народов». Цитата из этого сочинения показательна для того времени»

«... Октябрь дал голос нашему народу:
Творил Шкетан, творил поэт Микай,
И, прославляя солнце и свободу,
Пел песни соловей наш, Палантай.

Вдохновлены заботами твоими
Потрудимся, не покладая рук,
В одном ряду с народами другими
На поприще искусства и наук».

Так в художественной форме марийская интеллигенция выразила свое отношение к системе и ее персонифицированному воплощению – вождю. Письма такого рода являются ценным источником сведений об атмосфере эпохи, иллюстрируют отношение власти и общества, власти и интеллигенции, раскрывают особенности жизни, культуры, искусства, в частности, Марийской республики. Такие «труды» являются особым видом литературы, в которой сплелись и высокое поэтическое мастерство, и строгое следование законам «социалистического реализма».

После кончины И.В. Сталина и особенно после XX съезда КПСС, разоблачившего культ личности, литературные произведения такого рода прекратили свое существование. Впрочем, появились различного рода рапорты, доклады и другие формы отчетности, укладывающиеся в рамки существующей Системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ГА РМЭ. Ф.П. – 1. Оп. 6. Д. 102.
2. ГА РМЭ. Ф.Р. – 250. Оп. 1. Д.1698.
3. ГА РМЭ. Ф.Р. – 250. Оп. 1. Д. 1748.
4. Постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» // КПСС о культуре, просвещении и науке. – М., 1963. – С. 333-228.
5. Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 года «О кинофильме «Большая жизнь» // КПСС о культуре, просвещении и науке. – М., 1963. – С. 228-232.

J. Tscikina

«LETTERS TO THE LEADER» THE MARI PEOPLE
- ONE OF SOURCES OF KNOWLEDGE OF HISTORY
OF THE MARI PEOPLE

Abstract. This text investigates the particular genre of Soviet literature- letters to Stalin who was Great Teacher and Father for many Soviet people. Artists from many Republics send messages for Stalin when told about his achievements. Mary writers and poets expressing his love and devotion to Soviet Leader too. Letters to Leader are valuable source knowledge's about life, culture, art of Mary people. This Messages show the relations of Regime and the intelligentsia.

Key words: Leader, message, Stalin, literature, CPSS, resolution.

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ ПРИЧИН РАЗВЯЗЫВАНИЯ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ”*

Аннотация. В данной статье ставится задача проанализировать работы российских историков, опубликованные в период с начала 90-х годов и до настоящего времени. Работы этих историков разделены на две группы. В первую вошли труды ученых, считающих, что причины развязывания “холодной войны” были преимущественно у США. Во вторую группу – у США и СССР.

Ключевые слова: “холодная война”, развязывать войну, инициирование, конфронтация, историография.

Отечественные историки всегда много писали о роли США и СССР в развязывании “холодной войны”, однако проблеме изучения причин, имманентно указывавших на страну-инициатора конфронтации, уделялось недостаточное внимание. Причины, инспирировавшие глобальную конфронтацию, изучались историками фрагментарно, им не были посвящены монографии или отдельные работы. Только в 90-е годы историческая наука обрела новый импульс в изучении проблем “холодной войны” за счет вновь открывшихся советских и иностранных архивов [10], расширившихся международных контактов и научных дискуссий ученых [21]. Открывшиеся новые обстоятельства возникновения “холодной войны” позволили большой группе российских историков (В.В. Кожин, Н.Н. Бонцевич, Е.П. Бажанов, А.М. Филитов, Е.Ф. Язьков и др.) вскрыть узловые причины, толкнувшие США на путь конфронтации. Например, В.В. Кожин рассматривает “холодную войну” как преимущественно экономическое явление, вызванное к жизни желанием США решить “сугубо материальные интересы”, которые «всегда были и остаются определяющими для внешнеполитических акций США» [17, 195]. Н.Н. Бонцевич отмечает, что истоки “холодной войны” следует искать в стремлении руководства США «сохранить экономическую конъюнктуру, близкую к военной, для этого просто необходимо было поддержать в мире угрозу возможного возникновения новой войны» [3, с. 139] и тем самым гарантировать “жизнеспособность экономики” [3, с. 145]. Решению экономических задач, по мнению Е.П. Бажанова, была подчинена внешняя политика США, важнейшим направлением деятельности которой было «обеспечение американских корпораций [...] заморскими рынками сбыта, новыми сферами при-

ложения капитала» [1, 123].

В российской историографии, как впрочем, и советской [22, 317; 33, 9; 8, 14; 34, 488], утвердилась, по нашему мнению, совершенно справедливая точка зрения: что поддержание высокого тонуса американской экономики осуществлялось преимущественно за счет гонки вооружений. Этот вывод имеет немаловажное значение для понимания современной внешней политики США. Аспекты этой проблемы раскрывает А.М. Филитов, который пишет, что состояние “холодной войны” «обеспечивало военные прибыли без тех опасностей и риска, с которыми была бы связана настоящая война» [32, 57]. Несколько иной точки зрения придерживается Е.Ф. Язьков, который отмечает, что экономическая мощь США была направлена на решение геополитической задачи – «стабилизировать мировую систему капитализма и установить гегемонию Америки в послевоенном мире. [16, 5].

В российской историографии утвердилась позиция, что возникновение “холодной войны” было обусловлено значимыми для судеб мира геополитическими причинами. Следует отметить, что геополитические причины возникновения истоков конфронтации со стороны США рассматривались еще советскими историками [4, 15; 12, 335; 23, 137; 31, 36]. Среди российских авторов, утверждающих о наличии геополитических причин: А.И. Уткин, И.М. Ильинский, В.О. Рукавишников, С.В. Картунов и др. Выводы, полученные советскими авторами и современными историками порой идентичны. Например, выводы А.И. Уткина в работах советского и постсоветского периода почти тождественны, причем прежние суждения автора подтверждаются новыми аргументами [29, 141]. А.И. Уткин утверждает, что “холодная война” не была продиктована потребностями противостоять мнимой агрессивности СССР, а была вызвана к жизни исключительно экспансионистскими устремлениями США [30, 13]. Поэтому, по мнению Уткина, после завершения “холодной войны” со стороны США в отношении РФ не произошло “разительных перемен”. Эту точку зрения разделяет С.В. Картунов [19, 386], который по существу поддержал неоднократно выдвигавшийся советскими историками тезис о несостоятельности мифа о “советской угрозе”. В.О. Рукавишников, опираясь на рассекреченные США материалы, проводит мысль, что геополитической причиной ведения

* © Тетерин П.В.

“холодной войны” стало нежелание руководителей США «смириться с правом СССР на существование и претензии русских на равноправное участие в управлении мировыми процессами» [26, 808]. И.М. Ильинский раскрывает причины развязывания “холодной войны” в секретных документах правительства США, в которых «высказывается непримиримость к “характеру советской системы” и выдвигается требование свержения “большевистского режима” – если не “психологической войной” и “подрывной деятельностью”, то путем вступления в войну с СССР» [11, 17]. И.М. Ильинский и С.В. Картунов по существу подтверждают выводы советских историков [12, 339; 6, 122; 14, 120; 9, 24] о том, что руководство США видело «единственный способ противостоять коммунизму – уничтожить его» [11, 28; 19, 385-386].

В российской историографии утвердилась точка зрения, что одной из причин возникновения “холодной войны” со стороны США был “страх перед эпидемическим характером распространения идеологии коммунизма”, который, по мнению Н.Н. Бонцевича, подталкивал США к конфронтации [3, 145]. Эта точка зрения не является оригинальной, поскольку еще в советской историографии данная позиция была достаточно широко представлена [27, 164; 15, 148; 7, 12].

Достаточно дискуссионной и обсуждаемой как в рамках советской, так и российской историографии, стала высказанная О.А. Ржевским еще в 1984 году точка зрения о том, что одной из причин “холодной войны” со стороны США была “руссофобия”, которая якобы восходит своими корнями к русской экспансии, «а ранее – царской России, древним славянам...» [25, 271]. Это суждение поддерживает В.О. Рукавишников, который пишет, что причину развязывания “холодной войны” следует искать в “охватившей американское общество руссофобии”. Эта позиция, как отмечает автор, была дезавуирована принятой после распада СССР новой доктриной национальной стратегии США, фабула которой «принципиально не изменилась, просто в описании угрозы прилагательное “советская” было заменено на “потенциально русская”» [26, 819]. Более того, как считает В.Л. Мальков, «руссофобия и сейчас есть; во многих случаях она даже усиливается» [20, 77].

Содержательный анализ причин возникновения “холодной войны” показывает, что большинство российских историков обнаруживают в основе политики обоих противоборствующих государств веские причины, которые инспирировали правительства и правящие элиты супердержав к взаимной конфронтации. При этом, в отличие от советской, в российской историографии начинает утверждаться мнение о том, что причины возникновения “холодной войны” присутствуют

как в деятельности правительств США, так и СССР и утверждается версия об обоюдной ответственности сверхдержав за возникновение жесткого противостояния. Трактовка советских историков о том, что в развязывании “холодной войны” были заинтересованы только США, с позиции нынешних, вновь открывшихся обстоятельств, не стала выглядеть столь очевидной. Российские историки при более детальном рассмотрении проблемы, отмечают наличие экономических, геополитических и других причин в развязывании и ведении “холодной войны” со стороны СССР. Следует оговориться, что данный вывод в меньшей мере относится к экономическим причинам. Если США, по мнению российских историков, стремились получить экономические выгоды от “холодной войны”, то поворот СССР в сторону конфронтации не был продиктован экономическими причинами, которые во внешней политике Москвы слабо выражены. Во всяком случае, в российской историографии эта позиция недостаточно разработана, а исследованные работы российских историков не содержат сколько-нибудь весомых фактов, свидетельствующих о наличии значимой заинтересованности СССР в экономических последствиях конфронтации. В отличие от США – СССР, по мнению В.В. Кожина, подчас жертвовал экономическими интересами в обмен на геополитические завоевания [17, 154].

Что касается геополитических интересов, то большинство российских историков считают, что такие причины со стороны СССР, как: “насаждение социализма в странах Центральной и Восточной Европы”, “создание социалистических государств в мире”, “борьба за проливы” и “поддержка национально-освободительных движений” стали весомым аргументом инициирования “холодной войны”. Российские историки утверждают, что именно эти причины вызвали наибольшее противостояние сторон. По свидетельству Е.Ф. Язькова, СССР «пытался осуществить свои собственные глобальные планы. Под его прочным контролем началось формирование системы государств, провозгласивших курс на строительство социализма» [16, 5]. Е.П. Бажанов не склонен считать процесс возникновения “холодной войны” односторонним, поскольку причины ее развязывания были также и у “Сталина и его окружения” [1, 123]. В качестве причины, послужившей аргументом развязывания “холодной войны” со стороны СССР, В.П. Смирнов рассматривает стремление «...установить свой контроль в странах, освобожденных Советской армией, постепенно ликвидировать там капиталистические порядки и, таким образом, нанести мощный удар по мировой капиталистической системе» [16, 29]. Г.М. Корниенко подчеркивает, что советское руководство также имело причины

для активного продвижения "холодной войны". Он пишет: «Сталин, похоже, решил, что наметившуюся конфронтационную линию Вашингтона можно и следует использовать [...] для перехода к "советизации" восточноевропейских стран» [18, 33]. А.С. Протопопов, В.М. Козьменко, Н.С. Елманова видят причины конфронтации со стороны СССР в «стремлении противостоять капиталистическому миру, укреплении советского влияния» [24, 281]. Диссонансом является утверждение В.П. Стародубова о том, что после окончания большой войны СССР не был заинтересован в конфронтации с США, поскольку у него была своя сверхзадача, «накормить, одеть и возвести крышу над головой разоренного войной населения и одновременно что-то противопоставить все более громким угрозам из-за океана» [28, 485]. Однако Стародубов не «возлагает ответственность за все беды второй половины ушедшего века на Соединенные Штаты Америки» [28, 7].

По мнению российских историков, одной из причин "холодной войны" был "взаимный страх", причиной возникновения которого, по мнению К.С. Гаджиева, стала «озабоченность своей безопасностью» [5, 54]. Е.П. Бажанов пишет, что "холодная война" «основана на взаимоисключающих интересах и подхлестывалась подчас преувеличенными страхами, ложными концепциями и разбушевавшимися амбициями» [1, 124].

Важным для российской историографии "холодной войны" стал вопрос об использовании руководством Советского Союза противостояния с целью укрепления своей власти внутри страны. Как указывает Г.М. Корниенко: «Сталин, похоже, решил, что наметившуюся конфронтационную линию Вашингтона можно и следует использовать в интересах "закручивания гаек" внутри страны» [18, 33]. Как свидетельствует В.Л. Исраэлян, в стране постоянно возникали "идеологические чистки и репрессии" [13, 38].

Начало систематического изучения российской историографией "холодной войны" приходится на 90-е годы, когда возникла новая страна, появились новые возможности для научного поиска, стал доступным большой конкретно-исторический материал, в процессе изучения которого российская историческая наука вышла на новый этап понимания причинно-следственных связей фактов и событий. Была установлена имманентная связь судьбоносных причин, способствовавших возникновению конфронтации со стороны той страны, где эти причины доминировали. Российские исследователи показали весомость причин конфронтации со стороны СССР и тем самым сумели в полной мере преодолеть недостатки советской историографии "холодной войны", что обогатило аргументами российскую историчес-

кую науку. Если советские историки безоговорочно обвиняли США в иницировании "холодной войны", то в трудах российских историков нашли отражение различные точки зрения по этой проблеме. Постепенно стала превалировать точка зрения о том, что причины развязывания "холодной войны" были и у СССР, следовательно, Советский Союз также несет адекватную ответственность за ее возникновение.

Российские историки не связывают возникновение противостояния с какой-то одной причиной, а рассматривают несколько взаимоувязанных причин, справедливо полагая, что одной причины, какой бы глобальной она не была, недостаточно, чтобы привести к "холодной войне". Важным для приведения в действие причин возникновения "холодной войны" являлось действие таких внешних обстоятельств, как: политическая конфронтация, наличие у США атомного оружия, а самое главное, – "глубокого антагонизма в идеологической сфере между США и СССР" [2, 70]. "Холодная война" стала следствием «соединения политических и идеологических устремлений и интересов обоих противостоящих блоков» [20, 100].

Возникающие время от времени «сложности во взаимоотношениях между Россией и США, заявления [...] политиков и журналистов о возрождении "холодной войны"» [20, 99] время от времени возвращают внимание российских исследователей к проблемам недавнего глобального конфликта, поэтому вопросы причин "холодной войны" остаются одной из актуальных для отечественной исторической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений: избр. труды в 3-х т. Т. 1. – М.: Науч. книга, 2001. – 464 с.
2. Болховитинов Н.Н. Основные этапы и направления развития американской историографии внешней политики США // Вопросы истории. – 1986. № 9. – С. 70.
3. Бонцевич Н.Н. Общественное мнение США и Гарри Трумэн: поворот к антисоветизму (1946-1950) // Американский ежегодник 2002 / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 2004. С. 139-158;.
4. Висков С.И. Советско-американские отношения после Второй мировой войны (1945-1949): Автореф. 1960.
5. Гаджиев К.С. От биполярной к новой конфигурации геополитических сил // Внешняя политика и безопасность современной России (1991 -1998): хрестоматия в 2-х т./ сост. Т.А. Шаклеина Т. 1. Исследования. Кн. 1. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. – С. 54-77.
6. Григорьев В.Г. Американские фальсификаторы истории внешней политики США // Вопросы истории. – 1952. № 6. – С. 118-130.
7. Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и дейс-

- твительность. 60-70-е годы. – М.: Междунар. отношения, 1978. – 302 с.
8. Дмитриев Б. США: политики, генералы, дипломаты: четверть века политики «с позиции силы». – М.: Международные отношения, 1971. – 350 с.
 9. Журкин В.В. США и международно-политические кризисы / отв. ред. Ю.А. Шведков. – М.: Наука, 1975. – 326 с.
 10. В 1992-1994 гг. МИДом РФ были рассекречены документы советской внешней политики до середины 1960-х гг. Был открыт доступ к материалам отделов ЦК КПСС. В 1990-х гг. были опубликованы материалы Архива Президента РФ, в том числе часть архива И.В. Сталина. – Зубок В.М. Печатнов В.О. Отечественная историография “холодной войны”: некоторые итоги десятилетия // Отечественная история. – 2003. № 4. – С. 143.
 11. Ильинский И.М. История учит // Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945-1950 гг. / сост. и авт. вступ. ст. И.М. Ильинский. – М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2006. – С. 3-64.
 12. Иноземцев Н.Н. Международные отношения после Второй мировой войны: в 3-х т. / глав. ред. Н.Н. Иноземцев. Т. 1. (1945-1949 гг.) / под. ред. А.Г. Милейковского. – М.: Госполитиздат, 1962. 758 с. – С. 334-376.
 13. Израэлян В. На фронтах Холодной войны: Записки советского посла. – М.: Мир, 2003. – 367 с.
 14. История внешней политики СССР: В 2-х т. Т. 2. 1945-1985 гг. / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. – М.: Наука, 1986. – 692 с.
 15. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. III. 1945-1963 гг. / под ред. В.Г. Трухановского. – М.: Междунар. отношения, 1964. – 902 с.
 16. История новейшего времени стран Европы и Америки: 1945-2000 гг.: учебник для вузов / Л.С. Белоусов, В.П. Смирнов, А.И. Строгонов и др.; под ред. Е.Ф. Язькова. – М.: Простор, 2002. – 480 с.
 17. Кожин В.В. Россия. Век XX. (1939-1964): опыт бесстрастного исследования. – М.: Алгоритм, 2001. – 400 с.
 18. Корниенко Г.М. “Холодная война”: свидетельство ее участника. – М.: Межд. отношения, 1994. – 288 с.
 19. Картунов С.В. “Холодная война”: парадоксы одной стратегии // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: хрестомат. в 4-х т. / сост. Т.А. Шаклеина. Т. 1. Исследования. – М.: Росспэн, 2002. – С. 384-404.
 20. “Круглый стол” в ИВИ РАН: «Феномен “Холодной войны” в международных отношениях XX века: Итоги и перспективы исследования // Новая и новейшая история. № 6. 2006. – С. 73-100. – С. 100.
 21. Кунина А.Е., Позняков В.В. Советско-американские отношения в ядерный век // Американский ежегодник. – М., 1991.
 22. Малкин М.М., Эггерт З., Зинич С. Исторический очерк / Соединенные Штаты Америки / под ред. П.И. Лебедева-Полянского, Ф.Н. Петрова, Ф.А. Ротштейна, О.Ю. Шмидта. – М.: ГНИ, Советская энциклопедия. – М., 1946. – 575 с.
 23. Орлик И.И. Политика США в отношении социалистических стран Восточной Европы (1945-1960 гг.) / Американская историография внешней политики США 1945-1970 / под. ред. Г.Н. Севостьянова. – М.: Наука, 1972. – 403 с.
 24. Протопопов А.С. Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000) / под ред. А.С. Протопопова – М.: Аспект Пресс, 2003. – 344 с.
 25. Ржевский О.А. Война и история: буржуазная историография США о второй мировой войне. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Мысль, 1984. – 333 с.
 26. Рукавишников В.О. “Холодная война”, холодный мир: общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. – М.: Академический Проект, 2005. – 863 с.
 27. Сивачев Н.В., Язьков Е.Ф. Новейшая история США: учеб. Пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 1980. – 383 с.
 28. Стародубов В.П. Супердержавы XX века. Стратегическое противоборство. – М.: Олма-пресс, 2001. – 509 с.
 29. Уткин А.И. Американская империя. – М.: Эксмо, 2003. 736 с.
 30. Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. – М.: Логос, 2000. – 271 с.
 31. Уткин А.И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США. – М.: Международные отношения, 1986. – 286 с.
 32. Филитов А.М. Как начиналась “холодная война” // Советская внешняя политика в годы “холодной войны” (1945-1985): новое прочтение / отв. ред. Л.Н. Нежинский. – М.: Междунар. отношения, 1995. – С. 47-68.
 33. Яковлев А.Н. От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 400 с.
 34. Яковлев Н.Н. Новейшая история США. 1917-1960. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 624 с.

P. Teterin

EXPERIENCE IN UNDERSTANDING THE CAUSES OF THE OUTBREAK OF RUSSIA HISTORIOGRAPHY OF THE COLD WAR

Abstract. In given article the problem is put to analyse the works of the Russian historians published during the period from the beginning of 90th years and till now. Works of these historians are divided on two groups. The first included works of the scientists considering, that the occurrence reasons “cold war” were mainly at the USA. In the second group – at the USA and the USSR.

Key words: Cold War, Unleash a war, Initiation, Confrontation, Historiography.

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА РОССИЙСКИХ МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ СССР И ФРГ 1985-1991 гг.*

Аннотация. В статье предпринимается изучение российских мемуаров по истории отношений СССР и ФРГ 1985-1991 гг. с помощью историко-лингвистического анализа дискурса. В качестве объекта исследования берутся мемуары советских политических деятелей эпохи «перестройки», принадлежавших к разным идеологическим лагерям. Историко-лингвистический анализ позволяет понять идейные общественно-политические корни обеих позиций.

Ключевые слова: мемуары, дискурс, СССР, ФРГ, перестройка.

По истории отношений СССР и ФРГ 1985-1991 гг. опубликован широкий круг мемуаров. Российские историки, занимающиеся историей внешней политики эпохи «перестройки», активно используют мемуарные источники [1; 3; 5], однако не останавливаются отдельно на анализе их содержания.

Цель данной статьи – изучение содержания российских мемуаров по истории отношений СССР и ФРГ 1985-1991 гг. с помощью междисциплинарной методики, а именно историко-лингвистического анализа дискурса. Она разработана Дюссельдорфской лингвистической школой и предполагает изучение текстов на двух уровнях: а) эксплицитном – на уровне лексики, метафор и способов аргументации; б) имплицитном – на уровне скрытых в языке семантических кодов и структур (в последнем случае правомерно говорить о неосознанных архетипах) [7, 431-452].

Посмотрим, как отношения СССР и ФРГ 1985-1991 гг. описывал министр иностранных дел СССР в 1985-1991 гг. Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе (родился в 1928 г.). В начале 1991 г. он ушел в отставку и почти сразу же выпустил свои воспоминания под названием «Мой выбор. В защиту демократии и свободы» [6].

В начале своих воспоминаний Шеварднадзе излагает содержание «нового политического мышления», т.е. фактически формулирует свою дискурсивную позицию: приоритет общечеловеческих ценностей во внешней политике, создание системы всеобщей безопасности при предельно

низком уровне вооружений, деидеологизация международных отношений, отказ от конфронтации, мирное сосуществование, невмешательство во внутренние дела других государств [6, 85-86, 115-116]. Несомненно, это либеральный дискурс – здесь присутствуют все языковые обороты, которыми пользуются современные политики-либералы [8, 30-38].

Шеварднадзе утверждает: «Неверно обвинение, что новая стратегия нанесла ущерб национальной безопасности и национальным интересам. Сверхдержавой мы стали главным образом благодаря военной мощи. Но гипертрофия той же военной мощи, ее безудержное наращивание низвели нас к положению третьеразрядной страны... источником политического влияния в мире и обеспечения национальной безопасности сегодня является не оружие, а экономические, научно-технические, валютно-финансовые факторы...» [6, 90-91]. Как мы видим, аргументация автора разворачивается в поле бинарной оппозиции «внешняя безопасность – внутренняя безопасность» [4, 240]. Для Шеварднадзе внутренняя безопасность важнее внешней. Кроме того, он использует бинарную оппозицию «национальные интересы – великодержавная философия»: взглядам оппонентов Шеварднадзе из патриотического лагеря присваивается, соответственно, ярлык «великодержавная философия», а его собственные взгляды объявляются совпадающими с истинными интересами страны. Нельзя не отметить также образ «системы», имеющий в тексте Шеварднадзе негативную окраску.

В сфере отношений СССР и ФРГ 1985-1991 гг. общая позиция Шеварднадзе такова: «Еще в 1986 г. я пришел к выводу о неизбежности объединения Германии. Дело здесь не только в эмоционально-нравственном факторе (разделенность нации), но и в том, что существование в центре континента двух Германий в современных условиях превращалось в аномалию, серьезно угрожавшую его безопасности» [6, 223]. Вновь автор умело играет дискурсивными категориями, используя их относительность. Дело в том, что понятие «безопасность» – столь же неоднозначное, как и понятие «национальный интерес»: если все представители патриотического лагеря считали сохранение в Европе послевоенного статус-кво залогом безопасности СССР, то Шеварднадзе объявляет именно

* © Горобий А.В.

Данная статья выполнена на средства гранта DAAD и Министерства образования и науки Российской Федерации по программе «Иммануил Кант».

этот статус-кво опасным, да еще и аморальным с точки зрения насильственного разделения немецкого народа, то есть он сочетает практическую и нравственную аргументацию.

Шеварднадзе списывает неудачи внешней политики на внутренний кризис СССР, то есть по сути обвиняет во всем оппонентов из патриотического лагеря, которые не захотели поддерживать Горбачева и дестабилизировали обстановку в стране.

Автор мемуаров полагает, что советскому руководству удалось все же добиться многого в германском вопросе – начала трансформации НАТО в направлении более мирной организации, сокращения вооружений на немецкой земле и в целом в Европе (ДОВСЕ), гарантий незыблемости границ в Европе и т.д. [6, 226-230]. Шеварднадзе отвергает обвинения в том, что условия объединения Германии нарушили интересы населения ГДР и советских военных, служивших в ГДР [6, 246].

Рассмотрим воспоминания С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко «Глазами маршала и дипломата» [2], изданные в 1992 г. в Москве. Сергей Федорович Ахромеев (1923-1991) в 1984-1988 гг. был начальником Генерального штаба и заместителем министра обороны СССР, с 1988 г. советник Председателя Президиума Верховного Совета СССР, с мая 1989 г. – советник Председателя Верховного Совета СССР, с марта 1990 г. – советник Президента СССР. В августе 1991 г. после провала попытки государственного переворота, предпринятой ГКЧП, покончил жизнь самоубийством. Его соавтор – Георгий Маркович Корниенко (1925-2006) в 1977-1986 гг. работал первым заместителем министра иностранных дел СССР, в 1986-1989 гг. – первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС, с 1989 г. – на пенсии.

Тон повествованию задает декларируемая в предисловии идеологическая позиция авторов – коммунизм. Они утверждают: «Правильно понимаемый и гуманно утверждаемый социализм – это, по нашему убеждению, более прогрессивная и справедливая социально-экономическая формация, чем капитализм» [2, 9].

Большое место в книге Ахромеева и Корниенко уделено оценке внешней политики СССР 1985-1991 гг. в целом. Авторы противопоставляют военно-политические и политические методы ведения дел; при этом они фактически пользуются метафорическим арсеналом представителей реалистской и либеральной парадигм на Западе. Они говорят о «доверии» как о новом явлении международной жизни, символизирующем прекращение конфронтации: «Создалась парадоксальная ситуация: старые, достигнутые в войне военно-политические позиции в Европе мы теряли, но новые политические позиции и доверие народов

Европы мы приобретали» [2, 70].

Несмотря на завершение «холодной войны», далеко не во всем позиция СССР по отношению к Западу была, на взгляд авторов, правильной: «Объективная реальность заставила СССР пойти на фундаментальные уступки... Запад тоже пошел на серьезные уступки, но на меньшие. Он сохранил военную организацию НАТО в Европе. Для чего? Для противовеса Советскому Союзу...» [2, 71]. Слово «уступка» – семантически близкое слову «отступить», то есть СССР отступил от своих позиций, в то время как Запад сохранил позиции. Образ «противовеса», очевидно, возвращает нас к реалиям силовой конфронтации. Авторы избегают критиковать М.С. Горбачева; острие их критики направлено против Э.А. Шеварднадзе: «...основной ошибкой его лично было то, что в своей дипломатической деятельности он... в основном все сводил к общечеловеческим ценностям... Интересы нашего государства у него оказывались на втором плане» [2, 229]. В данном случае мы видим в действии бинарную оппозицию «ценности – интересы».

Недостатки советского внешнеполитического руководства в полной мере проявились в сфере отношений с ФРГ. Позиция Ахромеева и Корниенко такова: произошло включение ГДР в ФРГ. Слово «включение» в известной степени компромиссное: оно не имеет такой панически-нацистской подоплеки, как слово «аншлюс», но оно далеко от нейтрально-правовых понятий «объединение» и др. Употребляя это слово, авторы дают понять, что германский вопрос был решен далеко не на равноправной сбалансированной основе. Далее они подчеркивают, что не оспаривают право немецкого народа на самоопределение; признают, что большинство населения и ГДР, и ФРГ хотело единства и это их внутреннее дело. Авторы не уstraивают то, что СССР не смог как следует отстоять в германском вопросе свои законные права, которые вытекают из устава ООН [2, 259].

С другой стороны, у Ахромеева и Корниенко хватает объективности для того, чтобы признать, что именно объединение Германии «способствовало радикальным переменам к лучшему между Западом и Востоком» (Парижская хартия для новой Европы, ДОВСЕ) [2, 264-265].

Итак, сравнение двух мемуарных источников посредством историко-лингвистического анализа дискурса позволило нам проследить, как взгляды авторов через текст включаются в дискурсивные поля двух общественно-политических лагерей: Э.А. Шеварднадзе выступал с либерально-демократических позиций, в то время как С.Ф. Ахромеев и Г.М. Корниенко можно отнести к патриотическому (критическому) лагерю. По своей лексике, метафорам и средствам аргументации

дискурсы воспоминаний С.Ф. Ахромеева и Г.М. Корниенко и Э.А. Шеварднадзе в значительной мере схожи с реалистской и либеральной парадигмами международных отношений соответственно. Авторы во многом заочно полемизируют друг с другом, и наибольший акцент в этой полемике делается на таких дискурсивных категориях, как «интересы», «ценности», «доверие», «безопасность», «мораль».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Александров В.В., Есин Е.Н. Объединение Германии и провал германской политики советского руководства. М., 1995.
2. Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992.
3. Воробьева Л.М. Объединение Германии: ретроспективный взгляд на актуальную проблему. М., 1998.
4. Гаджиев С.К. Введение в геополитику. М., 2003.
5. Наринский М.М. М.С. Горбачев и объединение Германии. По новым материалам // Новая и новейшая история (НИИ). 2004. №1.
6. Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991.
7. Böke K. Überlegungen zu einer Metaphernanalyse im Dienste einer „parzellierten“ Sprachgeschichtsschreibung // Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven. Georg Stötzel zum 60. Geburtstag gewidmet. Hrsg. von K. Böke, M. Jung, M. Wengeler. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.
8. Doule M. Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism. N.Y., 1997.

A. Gorobiy

HISTORICAL-LINGUISTIC DISCOURSE ANALYSIS OF RUSSIAN MEMORY SOURCES ON THE HISTORY OF THE SOVIET-WEST-GERMAN RELATIONS OF 1985-1991

Abstract. The article is devoted to investigating the Russian memoirs on the history of the Soviet-West-German relations of 1985-1991 by means of the historical-linguistic discourse analysis. The memoirs of Soviet politicians of the Perestroika era belonging to different ideological camps are taken as scientific objects. The historical-linguistic discourse analysis allows to reveal the ideological social and political grounds of both views.

Key words: memoirs, discourse, USSR, West Germany, perestroika.

История России Средних веков и Нового времени

УДК 94 (470) «18/19»

Захаров В.Ю.

ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ И ПОПЫТКИ РЕФОРМ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОЯ В РОССИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVIII – 1-Й ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)*

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и основные этапы развития теории модернизации, анализируются попытки реформ государственного строя при Екатерине II, Павле I и Александре I с позиций теории модернизации, формулируется основной круг проблем, связанных с изучением распространения конституционно-правовых идей в России во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв.

Ключевые слова: теория модернизации, конституционные проекты, конституционализм, Петр I, Екатерина II, Александр I, реформы государственного строя.

При анализе исторических событий XVIII – XIX вв. особенно актуальной и применимой является модернизационная теория, позволяющая выявить все нюансы перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному. *Теория модернизации* прошла несколько *этапов* в своем развитии. На *первом этапе* (2-я пол. 1950-х – нач. 1960-х гг.) господствовала *линейная модель* модернизации (С. Блэк, У. Росту и др.). Суть ее заключалась в том, что модернизация рассматривалась как единый глобальный процесс, заключавшийся в распространении современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру. Каждое общество должно было пройти путь от «традиционности» к современности (*modernity*), под которой фактически понималась европейская индустриальная цивилизация. Тем самым модернизация, по сути, сводилась к вестернизации неевропейских цивилизаций. Конечным результатом модернизации должна была стать унификация и постепенная конвергенция мировых сообществ. Сама модернизация представлялась как процесс необратимый, линейный и прогрессивный.

Линейная теория модернизации, ориентированная на единый путь развития всего человечества, почти сразу же стала подвергаться критике

за примат вестернизации, явный неучёт специфики каждой незападноевропейской цивилизации, а также международного контекста. Главным критиком оказались сторонники *депендентизма*, т.е. теории отсталости, зависимости и зависимого развития (английский историк Т. Шанин и др.).

В результате на *втором этапе* (1980-е гг.) вместо линейной была сформулирована *парциальная модель* модернизации (Д. Рюшемейер и др.). Суть ее сводилась к тому, что модернизирующееся общество не всегда может пройти все стадии модернизации до конца. В силу ряда причин в некоторых обществах модернизационные и традиционные элементы могут сплетаться в причудливые структуры, которые могут носить временный характер, а могут и сохраняться на протяжении жизни нескольких поколений. Тогда общество как бы «застревает» на стадии *частичной модернизации*, возникают различные несоответствия между политическими, социальными и экономическими институтами и внутри них, и даже в сознании конкретной личности. В итоге общество останавливается на стадии «устойчивого фрагментарного развития» с многочисленными внутренними противоречиями.

На *третьем этапе* (кон. 1980-х – нач. 2000-х гг.) парциальная модель модернизации под воздействием новых эмпирических данных была преобразована в модель *многолинейной модернизации* (А. Турен, У. Бек, П. Штомпка, Т. Пирайнен), которая в настоящее время пользуется наибольшей популярностью в научном сообществе. От предыдущих моделей модернизации ее отличает, прежде всего, признание возможности проведения модернизации по *собственному оригинальному западному пути* с учетом и на основе *национальных особенностей*. Также признается огромная роль *социокультурного и внешнего факторов* (для успешной модернизации необходимо равновесие и гармония между принимаемыми и традиционными ценностями, важна

* © Захаров В.Ю.

степень и форма воздействия со стороны более развитых государств), учитывается также *фактор исторической случайности и субъективный фактор* (воздействие конкретных личностей на процесс модернизации). Сама модернизация больше не рассматривается как единый непрерывный процесс системной трансформации, признается возможность цикличности модернизации с различным, а иногда – и противоположным поведением сегментов общества в ходе ее проведения. Модернизация понимается как крайне сложный и противоречивый эндогенно-экзогенный процесс, т.е. происходящий под воздействием сложного сочетания внутренних и внешних факторов.

Учитывая, что тема нашего исследования касается, прежде всего, проблемы восприятия российским обществом западноевропейских политико-правовых идей, *концепции парциальной и многолинейной модернизации* представляются особенно востребованными.

Применительно к России вырисовывается следующая картина с точки зрения теории модернизации. Во 2-й пол. XVII в. перед Россией возникла дилемма: либо дальнейшее медленное эволюционное развитие на основе традиционной системы ценностей, что уже в ближайшем будущем могло привести к еще большему отставанию и превращению в полуколонию или даже колонию Запада, либо проведение радикальных преобразований на основе полного или частичного заимствования западного опыта и максимальной концентрации скудных ресурсов в руках государства с целью сокращения экономического отставания и достижения паритета в военной сфере. При Петре I был избран второй вариант развития. Благодаря проведенным реформам был совершен гигантский рывок вперед, Россия за счет военных побед вошла в число «великих держав» Европы, приобрела официальный статус империи. Но какой ценой все эти успехи были достигнуты? Мы склонны согласиться с точкой зрения тех ученых, которые считают петровскую модернизацию *аномальной, некомплексной*, представлявшей собой выборочное заимствование в основном военных технологий и некоторых управленческих институтов. Модернизация Петра I почти не затронула социокультурную и политико-правовую сферы, привела к гипертрофированному усилению роли государства во всех сферах жизни, бюрократизации, сопровождалась уничтожением ростков гражданского общества, без наличия которого вряд ли возможно нормальное проведение этого процесса. Резко возрос уровень эксплуатации населения добуржуазными методами. Крепостничество, наоборот, не только сохранилось, но и усилилось. Предпринимательские элементы в экономике, которые только-только начали зарождаться, были грубо подавлены. С

другой стороны, петровская модернизация, проводившаяся почти исключительно на феодально-крепостнической основе и феодальными методами, показала *эффективность* (пусть и временную) мобилизации и концентрации ресурсов в руках государства. В будущем петровская модернизация стала рассматриваться многими реформаторами как образцово-показательная.

В любом случае модернизация Петра I, пусть частичная и односторонняя, заложила мощный *фундамент* для дальнейшего развития страны. Однако преемники Петра I, вплоть до Екатерины II, оказались не способны в силу целого комплекса причин продолжить и завершить начатые Петром модернизационные процессы. Россия так и осталась на стадии *переходного периода*. Какое-то время государство могло развиваться на основе фундамента, заложенного реформами Петра, но до бесконечности это продолжаться не могло. К тому же западноевропейская цивилизация и в социально-экономическом, и в политическом плане сделала очередной рывок вперед. Дальнейшая эксплуатация наследия Петра I теряла всякий смысл. Чтобы сохранить имперский статус и не допустить чрезмерного отставания от Запада, необходимо было что-то предпринимать; как минимум, продолжить начатую Петром модернизацию, распространив ее на *социальную и политико-правовую сферы*, которые были ею почти не затронуты. Именно эти проблемы пришлось решать во 2-й пол. XVIII в. Екатерине II, Павлу I, а затем и Александру I, которые, на наш взгляд, в силу своих личных способностей, полученного образования и самообразования, широты политического кругозора, оказались *соответствующими своему высокому положению* (пусть иногда и полученного волею случая), способными осознать необходимость серьезных перемен, ответить на очередной «вызов» западноевропейской цивилизации. Продолжение модернизации – такова была насущнейшая потребность дальнейшего развития российского государства и общества.

Учитывая, что в Западной Европе главной тенденцией политического и правового развития стал постепенный переход от абсолютизма к *конституционным формам правления* (особенно ускорившийся во время и после Великой Французской революции), этот процесс *неминуемо должен был затронуть и Россию*. В центре внимания нашего исследования как раз и находится *процесс распространения конституционной доктрины в России и его результаты*. С точки зрения автора, наиболее объективные и плодотворные результаты научного поиска могут быть достигнуты при рассмотрении темы исследования с позиций *теории модернизации*. При этом в центре нашего внимания оказывается несколько *блоков проблем*.

Первый из них, наиболее общий, касается соотношения модернизации и традиционализма, прежде всего, в правовой и социокультурной сферах. Учитывая крайне низкий уровень грамотности большинства населения и почти полное отсутствие его политической активности, степень восприятия новых ценностей и успех их применения на практике почти всецело зависели от позиции дворянской элиты и самого императора как главы государства. В этой связи нас будут интересовать следующие вопросы: Почему конституционно-правовые идеи оказались востребованы в России; как происходил процесс трансляции и восприятия этих идей в разных слоях общества (дворянской элиты); было ли это заимствование в чистом виде или же западноевропейские конституционно-правовые ценности наложилось на местную социокультурную и правовую традицию; насколько различалось понимание смысла этих идей у представителей разных слоев дворянской элиты того времени; какие цели преследовали субъекты этого процесса на разных его этапах.

Чтобы объективно и правильно ответить на эти вопросы, нужно иметь четкое представление о смысловой сущности самих понятий «конституция», «конституционализм», «конституционно-правовая доктрина», т.е. провести их научную верификацию. Это позволит отличить конституционные проекты от неконституционных. Учитывая, что и на Западе, и в России конституционные идеи возникли и развивались не сами по себе, изолированно, а в тесном взаимодействии с другими течениями общественной мысли (например, философией Просвещения и масонством), необходимо также четко определить место конституционализма в палитре политико-правовых и философских доктрин. Лишь в этом случае мы сможем ответить на вопрос, почему именно конституционно-правовая доктрина стала основой проведения модернизации в политико-правовой сфере.

Второй блок проблем связан с модернизацией в политической сфере, а конкретнее, с трансформацией государственно-политических институтов, самого государственного строя под влиянием внутренних и внешних факторов, объективных и субъективных причин. Основными задачами являются выявление «стартового» состояния российской политической системы перед возобновлением модернизации при Екатерине II, анализ основных вариантов и направлений ее преобразования, причин постепенного усиления конституционной составляющей политических реформ, достигшей пика своего влияния в правление Александра I. В этой связи нельзя не затронуть и вопрос о соотношении теории и практики, т.е. насколько конституционно-правовая доктрина соответствовала российским реалиям, к каким

результатам могла привести ее реализация в разных сферах жизни.

Третий блок проблем касается социально-экономической стороны модернизации. В Европе модернизация в этой сфере заключалась в постепенной (в случае проведения реформ «сверху») или ускоренной (в случае революции) ликвидации пережитков феодализма, переходе от натурального к товарному хозяйству, от аграрной экономики к индустриально-капиталистической.

Россия же во 2-й пол. XVIII в. находилась на стадии зрелого феодализма, предпосылки буржуазного развития были слабо развиты. Крепостное право являлось фундаментом всего государственного организма. В этой связи политическая модернизация неизбежно должна была затронуть социально-экономическую сферу, т.е. вопрос о дальнейшем существовании крепостного права. Конституция и крепостничество – понятия несовместимые. Необходимость сочетать политическую модернизацию с социально-экономической при специфической социальной структуре российского общества усложняло и без того сложную ситуацию для реформаторов, делало ее почти тупиковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. – М., 1994.
2. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история: обозрение. – М., 2002.
3. Проскурякова Н.А. Модели российской цивилизации и модернизации в западном и отечественном обществознании. // XIX век в истории России: современные концепции истории России и их музейная интерпретация. Труды ГИМ. – Вып. 163. – М., 2007. – С. 38-68.
4. Турен А. Возвращение человека действующего: очерк социологии. – М., 1998.

V. Zakharov

THE THEORY OF MODERNIZATION AND ATTEMPTS OF THE POLITICAL REFORMS IN RUSSIA AT THE SECOND PART OF XVIII – FIRST QUARTER OF XIX CENTURY (TO THE STATING OF THE PROBLEM)

Abstract. This article is about the theory of modernization, main stages of its evolution. The author analyses the possibility its application to political and law reforms in Russia at the second part of XVIII – first quarter of XIX century.

Key words: theory of modernization, XVIII – first quarter of XIX century, political and law reforms in Russia, constitutionalism.

ВКЛАД ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ И ЕЁ ВЕДОМСТВА В РАЗВИТИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ*

Аннотация. В дореволюционной России благотворительность всегда была сферой интересов императриц. В данной статье исследуются причины и обстоятельства, в которых вдовствующая императрица Мария Федоровна сумела возвести благотворительную деятельность в статус государственной службы, создав Ведомство императрицы Марии, впоследствии ставшее IV Отделением канцелярии Николая I.

Ключевые слова: Николай I, Мария Федоровна, благотворительность, женское образование, IV Отделение, государственные структуры, Павловск.

После указа Павла I, запрещавшего женщинам императорской семьи занимать русский трон, статус императриц и великих княгинь существенно изменился. Они должны были осваивать свое новое положение в системе государственной власти и в общественной жизни. Первой «пострадавшей» от Павловского указа стала его супруга Мария Федоровна, которая вместо трона обрела уникальный статус «вдовствующей императрицы». Однако ее энергичная и деятельная натура помогла ей найти новое поле приложения сил женщин императорского дома. Она определила наиболее важную сферу для их общественной деятельности: социальную работу, которая концентрировалась в знаменитом Ведомстве императрицы Марии, специальном отделении Канцелярии Его Императорского Величества. При этом деятельность Марии Федоровны не ограничивалась благотворительностью, а формировала всю практику участия женщин высшего в общества в политических и общественных делах.

Мария Федоровна, вдовствующая супруга Павла I, держала собственный салон в Павловске и сумела сочетать светскую жизнь с широкой общественно-политической деятельностью. Ее положение было исключительно, благодаря, во-первых, почтительному отношению сыновей; во-вторых, обладанию собственным институтом власти – Ведомством императрицы Марии. Роль «вдовствующей императрицы» Марии Федоровны послужила своего рода стартовой моделью для общественно-политических практик светских салонов.

Самой «весомой» традицией, которую Мария Федоровна оставила своим наследникам, была благотворительная деятельность, которая

достигла статуса развернутой социальной работы.

Для супруги императора занятие различными благотворительными фондами было вполне естественно, как говорится, *noblesse oblige*, однако именно Мария Федоровна возвела данное занятие в разряд государственной службы, что было оценено не только современниками, но и последующими поколениями. Граф Сергей Уваров писал о ней, что «...никогда ни один общественный человек не прилагал к исполнению своего долга такой трудолюбивой деятельности, такой неусыпной бодрости» [9, 20]. А Николай Данилевский в своем произведении, написанном на кончину императрицы, писал, что «...Государыня в точном смысле слова служила России! Никакой министр в свете не мог сравниться с Нею в деятельности, усердии, неутомимости» [1, 25].

Многочисленные сочинения, посвященные Ведомству императрицы Марии, подробно описывают содержание и масштаб ее деятельности. Однако остается в тени мотивация исключительной обширности и активности этой работы, а также круг светских дам, вовлеченных Марией Федоровной в данную деятельность.

Прекрасно образованная супруга императора Павла I, бывшая принцесса Гессен-Дармштадская, во многом старалась подражать своей свекрови – Екатерине II. Подражание началось уже с особого внимания к Смольному воспитательному институту, которому она придала статус государственного заведения. – «Императрица Екатерина II, утверждая проект этого благотворительного учреждения, вместе с тем объявила Высочайший манифест, которым определила быть воспитательному дому *государственным учреждением** и по сему она повелела <...>, что это богоугодное и благочестивое государственное учреждение будет на веки под особливим монаршим покровительством и призрением» [4, 3].

По свидетельству современника, «оставшись вдовой с 11 марта, государыня императрица Мария Федоровна, по желанию своего августейшего сына, по-прежнему продолжала заведывать как воспитательным обществом благородных девиц, так и другими учебными и благотворительными заведениями и благодетельствовала им с еще большею энергиею» [4, 37]. Вскоре по инициативе императрицы было организовано несколько жен-

* © Азерникова И.П.

* Курсив источника.

ских учебных заведений в Санкт-Петербурге, Москве, Симбирске.

Создается впечатление, что Мария Федоровна с нетерпением ожидала полной свободы действий над вверенными ей учреждениями. Получив ее, она сразу же начинает обустривать их на свой манер: «Реформы и преобразования Марии Федоровны, начатые ею сразу после «назначения», коснулись опекунских советов и сохранных казен. В опекунских советах теперь избирались почетные опекуны из лиц «высокого и знатного круга», которые должны были исполнять свои обязанности «без всякого вознаграждения, из любви к Отечеству и человечеству».

Императрица усмотрела важные упущения в делах «сохранных казен»: годовой финансовый оборот значительно упал. Но благодаря принятым мерам «сохранные казны» стали приносить хороший доход Воспитательным домам» [10, 156]. По замыслу Екатерины II, «средства на существование воспитательного дома предполагалось найти в благотворительности частных лиц» [4, 3], и действительно «важную статью пополнения капитала составляли добровольные пожертвования. О желании сделать крупные взносы в фонд ведомства сообщалось императору. Крупное пожертвование делало дарителя известным» [5, 218]. Мария Федоровна приложила все усилия для поднятия авторитетности своего ведомства, что и отразилось на его растущем благосостоянии – в 1812 г. оборот ведомства составил большую по тем временам сумму – 105 млн. руб. [11].

«Императрица лично рассматривала финансовые и хозяйственные вопросы заведений, проекты реформ учебной и воспитательной частей. <...> Она постоянно посещала свои заведения, причем приезжала обычно тогда, когда ее не ждали, присутствовала на уроках, экзаменах, обедала с воспитанницами. Во время своих посещений, императрица наблюдала за институтской жизнью и если замечала какие-нибудь недостатки, сразу отдавала распоряжения об их устранении» [10, 157].

В воспоминаниях современников не встречается упоминания о том, чтобы другие императрицы вели каждодневную переписку с начальниками воспитательных домов, своими секретарями о положении дел в подведомственных ей учреждениях, сравнимую по интенсивности, длительности и масштабам с письменным оборотом Марии Федоровны. Получается, что хотя ее деятельность и была официально за нею «закреплена», ее масштабы и необыкновенная активность зависели целиком от желания и стремления самой императрицы. Никакие обычаи и установления не заставляли Марию Федоровну настолько тщательно вникать в дела благотворительных и

учебных заведений. А она, между тем, стала истинным «министром благотворительности» [8, 1], как позже ее будут называть в любых аннотациях к публикациям ее переписки.

Мария Федоровна не ограничивалась заботами о любимом Смольном институте благородных девиц: в 1807 г. на ее деньги было построено Военно-сиротское отделение, которое впоследствии было переименовано в Павловский институт; в 1817 г. императрица приняла под свое покровительство Харьковский институт; в 1820 и 1823 гг. возникли два училища для солдатских дочерей полков лейб-гвардии; в 1826 г. учреждены училища для детей низших чинов Морского ведомства в Севастополе и Николаеве. Также под контролем императрицы находились учрежденные ею Вдовьи дома и больницы в Москве и Петербурге: больница «Императора Павла I» (основанная еще в 1763), две больницы для бедных в Москве и Петербурге и другие благотворительные заведения.

Известно, что главным помощником вдовствующей императрицы на поле ее благотворительной деятельности был Г.И. Вилламов – ее статс-секретарь, действительный тайный советник, член Государственного совета. Вилламов был одним из тех лиц, которым императрица доверяла, и именно он был назначен распорядителем ее завещания. Как единственный человек, который был в курсе абсолютно всех дел ведомства, он и возглавил IV Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, в которое было преобразовано Ведомство императрицы Марии.

Ведомство императрицы Марии было полностью интегрировано в систему управления государственными структурами, что можно проследить на примере делопроизводства. Все дела ведомства восходили на ее усмотрение, и переписка по ним осуществлялась в Ее Величества Канцелярии. Императрица лично руководила всеми делами, вела обширную переписку, собственноручно излагала уставы и штаты заведений. «Императрица Мария подавала деловые бумаги на высочайшее утверждение через Собственную Его Императорского Величества Канцелярию и получала ответы на сделанные запросы также через императорскую канцелярию в качестве должностного лица» [5, 214]. Подобное положение дел позволило исследователю Петеру Мустонену небезосновательно сказать, что «Данное учреждение являет собой пример органа, созданного «под» конкретного человека. Его возникновение свидетельствует о силе персон в управлении...» [5, 214].

Первым источником силы «персоны» Марии Федоровны являлась поддержка со стороны ее венценосных сыновей – Александра I и Николая I. В отличие от правящего брата, Николай

редко позволял матери диктовать себе решения в области внутренней и, особенно, внешней политики, старался ограничить ее общественно-политическую активность лишь Ведомством. Однако и он вынужден был считаться с политическим весом как самой вдовствующей императрицы, так и влиятельностью близких ей персон. Как пишет исследователь ее влияния на социальную политику: «...она продолжала играть роль царствующей императрицы, делала приемы, занимала трон, окружала себя многочисленным двором, при котором дворы ее четырех живших при ней младших детей были как бы спутниками большого светила... Вдовствующую императрицу являлись благодарить за всякое назначение, за всякую пожалованную милость... хотя она обыкновенно жила в Павловске. Знать считала своей обязанностью показываться на ее приемах, по крайней мере, раз в две недели. Александр I сам бывал там два раза в неделю. «Старый двор» – такое название давали императрице-матери и ее приближенным – оставался, таким образом, великой общественной и светской силой в России и, не имея власти, сохранил влияние» [3, 15].

Однако, «персона» Марии Федоровны даже при помощи своих венценосных сыновей вряд ли могла играть столь значимую роль в общественно-политической жизни, если бы она не создала вокруг себя своего рода «теневого двор», круг доверенных лиц, постоянных посетителей ее салона в Павловске и на Елагином острове.

Круг лиц, входивших в ее салон, сложился еще во время правления Александра I, однако за более чем десять лет он не претерпел значительных изменений. В своих письмах к младшим сыновьям (Николаю и Михаилу), вдовствующая императрица подробно описывала свою «компанию». Летом 1815 г. Мария Федоровна писала: «У меня было много гостей за обедом и еще больше к обеду. Я видела князя Лопухина, г. Попова, Шишкова, Мордвинова, маркиза де-Траверсе; Уварова и его жену, Бетанкура с его семейством, Тюфякиных отца и сына, Адодурова, Донаурова, Демидова и его жену, князя Голицына, Оленина; из генералов: гг. Аракчеева, Потемкина, Храповицкого, Бистрома, Княжнина, Рихтера, Чаликова, Депрерадовича, Розена, артиллерийского генерала Левенштерна, артиллерию Траубе – мы болтали, думая о настоящем и будущем. <...> Я забыла назвать вам еще некоторых лиц, бывших у меня: Саблукова с дочерью, Митусова и Шаховского. Как видите, добрые друзья мои, у меня собралось большое общество, как вы это любили в Павловске» [6, 339-340]. На протяжении периода с мая по июль, в Павловске так же побывали: граф Милорадович, генералы Макаров, Кожин [6, 352].

В гостях у вдовствующей императрицы со-

биралось общество, которому место было скорее во дворце императора, нежели в резиденции его матери, к тому же среди гостей преобладали генералы и люди, принадлежащие к высшим чинам армии. Если учитывать то, что это письмо датировано 1815 годом, то тем ярче виден «политический вес» вдовствующей императрицы, если в такое беспокойное время высшие военные чины собирались именно у нее.

Периодически в Павловске устраивались приемы, на которых собиралось действительно все высшее петербургское общество: «...прием был большой, на нем были князья Горчаковы, оба Лобановы, Шишков, Вязмитинов, все первые и второстепенные чины двора, добрый Сукин, Сибиряк, генерал-адъютант Кутузов, генерал Розен, генерал Левенштерн, маркиз Траверсе, Маркевич, много статских, бездна дам, в том числе самые хорошенькие петербургские дамы, княгиня Трубецкая, Долгорукая, Гагарина, Салтыкова, Маша Нарышкина, княгини Лопухины, мать и дочь, Демидова, Долгорукова, рожденная Салтыкова» [7, 309-310].

Также среди гостей вдовствующей императрицы можно было заметить мать Владимира Федоровича Адлерберга, который с 1817 г. был назначен адъютантом великого князя Николая, стал его доверенным лицом и был помощником правителя дел следственной комиссии о декабристах. В 1852 г. он получил пост министра императорского двора. Его мать входила в круг приближенных Марии Федоровны: «...Я имела удовольствие видеть нашу добрую Адлерберг, она здорова, но очень грустна. Я убеждала ее иметь мужество, которого у меня самой нет, но я думаю, она может надеяться, что ее сын не подвергнется опасности» [6, 345]. Нельзя также забывать и про постоянных «любимцев»: князя А.Б. Куракина, братьев Нарышкиных, князя Ливена, граф Вельегорского.

Можно сказать, что Мария Федоровна возглавляла свое собственное государственное учреждение как государственный деятель, оказывающий влияние на внутреннюю политику государства из своей резиденции в Павловске. Мария Федоровна задавала тон общественному поведению в обществе – после столь активной деятельности вдовствующей императрицы каждая последующая императрица будет считать своим долгом быть упомянутой в воспоминаниях как покровительница «вдов и сирот», жертвуя деньги на существование благотворительных учреждений, но никто не мог сравниться с активностью Марии Федоровны.

Даже в последние годы жизни Мария Федоровна не оставляла попыток влиять на политику нового императора – Николая I. Как верный сын, император Николай внешне поддерживал

амбиции матери, но старался ограничить ее деятельность заботами о Ведомстве императрицы Марии и благотворительной деятельностью (в 1826 г. учреждаются новые училища для детей низших чинов Морского ведомства в Севастополе и Николаеве). Его истинное отношение к этой структуре сказалось в том, что после кончины Марии Федоровны ее Ведомство стало Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Внешне переход для Ведомства императрицы прошел «безболезненно», то есть без особых изменений – канцелярия ведомства плавно перешла в отдельную государственную структуру. Качественных и содержательных изменений почти не произошло. «Сфера компетенции нового отделения первое время оставалось той же, впоследствии ее расширение было связано лишь с поступлением новых учреждений в ведение IV Отделения» [5, 218]. Во главе отделения оставался специальный статс-секретарь Г.И. Вилламов, который служил еще при Марии Федоровне: «...непосредственным исполнителем ее распоряжений и окладчиком по делам всех вообще учреждений был статс-секретарь Г.И. Вилламов. <...> Кроме Вилламова, в числе ее секретарей состояли князь Д.А. Хилков, Н.П. Новосильцев и др.» [4, 78]. Ему подчинялись три отделения «по части воспитательных домов и подведомственных опекунам советам учреждений, по части всех прочих заведений и по части архива».

Хотя официально Ведомство императрицы Марии перешло под управление императора, заведовать благотворительностью должна была жена императора. Уникальность Марии Федоровны и ее особая мотивация общественной деятельности сказались в том, что сама вдовствующая императрица задумала иной путь развития социальной работы для женщин императорского дома. Ее замысел был высказан в завещании.

Завещание императрицы Марии Федоровны написано на французском языке и хранится в Государственном архиве Российской Федерации*. До сих пор этот документ не фигурировал в отечественных исторических исследованиях. Между тем последняя воля вдовствующей императрицы оказалась неожиданной для ее наследников. Мать-императрица поручила свое любимое детище – благотворительные заведения, не старшей невестке – супруге императора Александре Федоровне (как полагалось), а младшей – Елене Павловне. *«Je desire que mes deux Instituts soient regis avec le meme soin et la meme sollicitude que je leur donnais, et pour qu'ils le soient je prie mon fils d'en charger ma Belle Fille, l'Epouse du Grand Duc Michael: alors ils ne pourront que prosperer et continuer d'être utiles a l'Etat. La connaissance que j'ai de la solidite et*

*bonte de son caractere, me donne la persuasion, qu'Elle s'en acquittera avec soin et sensibilite. Je desire de meme que les regles etablies pour la reception a l'Institut Marie soient suivies par ma Belle Fille et que toujours la liste des aspirantes, tant pour la reception sans ballottage, reservee pour les orphelins de pere et de mere...»***. Перевод автора: «Я желаю, чтобы оба моих институты управлялись с тою же заботливостью и вниманием как при мне, поэтому прошу сына моего поручить управление ими моей невестке, супруге Великого князя Михаила; я убеждена, что в таком случае они всегда будут процветать и приносить пользу государству. Зная твердость и доброту ее характера, я вполне уверена, что она отнесется к этой обязанности с должным вниманием и заботливостью. Я также желаю, чтобы установленные правила зачисления в Институт Марии оставались такими же и при моей невестке, и чтобы всегда были оставлены места для сирот, оставшихся без отца и матери».

Завещание было составлено за год до смерти императрицы, в январе-ноябре 1827 года, и представляет из себя весьма внушительный по объему документ из 95 архивных листов. Оно было найдено в личных апартаментах императрицы в Зимнем дворце. «16 декабря 1828 года, великий князь Михаил Павлович в сопровождении министра двора Волконского, главноначальствующего над почтовым департаментом А. Голицына и бывшего личного секретаря покойной императрицы Г.И. Вилламова открыл личные апартаменты Марии Федоровны и достал из шкафа зеленый портфель, в котором хранилось завещание» [2, 18].

Весьма показательно, что Мария Федоровна доверила такое серьезное дело, как управление своим ведомством, не жене действующего императора (хотя это было бы более чем логично), а Великой княгине, не занимающей к тому времени еще достаточно высокого положения в иерархии семьи. Можно было объяснить такое решение Марии Федоровны относительным равнодушием Александры Федоровны к общественным делам, что составляло контраст по отношению к живой и активной младшей невестке. Скорее всего, свою роль также сыграли доверительные отношения Марии Федоровны и Елены Павловны, близость их взглядов на роль женщин высшего круга, а также их общее окружение.

Можно сказать, что вдовствующая императрица Мария Федоровна основала традицию благотворительной деятельности в России, оставив после себя своеобразное государство в государстве, чья работа была четко налажена. «В 1828 г. в ведении IV Отделения находилось 39 заведений, к которым до 1841 г. было присоединено еще 24. В 1845 г. в ведение Отделения были переданы жен-

* ГА РФ. Ф. 663. Д. 4. Оп. 1. Л. 2.

** ГА РФ. Ф. 663. Д. 4. Оп. 1. Л. 2.

ские учебные заведения. Для управления 35 институтами и 3 домами трудолюбия при отделении был учрежден Главный совет женских учебных заведений. Председателем совета был назначен принц П.Г. Ольденбургский. В 1854 г. под начало IV Отделения поступило еще 175 учреждений, основанных императрицами Елизаветой Алексеевной и Александрой Федоровной и находившихся до этого времени в ведении особого статс-секретаря. К 1855 г. в ведении Отделения состояло 365 учебных и благотворительных заведений. В 1869 г. под надзор Отделения были отданы приюты. К 1881 г. в ведении Отделения состояло 459 различных учреждений. Годовой бюджет ведомства на рубеже XIX-XX вв. достигал 13,5 млн. руб.» [5, 22].

После многочисленных «дворцовых переворотов» XVIII в. Мария Федоровна стала первой императрицей, которая не смогла занять престол самостоятельно из-за указа ее умершего мужа Павла I. Однако, несмотря на то, что официально править она не могла, Мария Федоровна создала вокруг себя фактически второй двор, который по знатности и количеству гостей не уступал, а иногда и превосходил двор действующей императрицы. Благодаря незыблемому материнскому авторитету у обоих царствующих сыновей, резиденция Марии Федоровны – Павловск, стала занимать главенствующую позицию по отношению к Зимнему дворцу. Вдовствующая императрица настолько успешно руководила своим благотворительным Ведомством, что не только создала традицию для последующих императриц интересоваться делами благотворительности, но и само Ведомство императрицы Марии, впоследствии IV Отделение Канцелярии его императорского величества, стало основой для развития благотворительности в России именно на государственном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Данилевский Н. Описание добродетельной жизни и кончины государыни императрицы Марии Федоровны в Бозе-почившей. – М.: Б/и, 1829.
2. Императрица Мария Федоровна: по материалам

выставки «Царствующая хозяйка Павловска». – Павловск: Арт-Палас, 2000.

3. Костин Б. Ведомство императрицы Марии // Соглашение. – 1993. № 504. – С. 15-21.
4. Куприянов И.К. Краткий очерк жизни е.и.в. памяти государыни императрицы Марии Федоровны. – СПб.: Б/и, 1869.
5. Мустонен П. Собственная его императорского величества канцелярия в механизме властвования института самодержца. Хельсинки: Kikimora publ., 1998.
6. Письма Марии Федоровны к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичу // Русская старина. – 1903. – Т. 113. – С. 335-355.
7. Письма Марии Федоровны к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичу. // Русская старина. – 1903. – Т. 115. – С. 305-314.
8. Письма государыни императрицы Марии Федоровны к князю Сергею Ивановичу Гагарину. 1826 год // Русский Архив. – 1868. № 1. – Стлб. 1-24.
9. Уваров С.С. Дань памяти императрицы Марии. – СПб.: Б/и, 1866.
10. Черкинская Н.В. Мария Федоровна и ее просветительно-благотворительная деятельность // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. – М.; Ставрополь: Ставропольсервискнига, 1998. – С. 152-163.
11. Шумигорский Е.С. Ведомство учреждений императрицы Марии (1797-1897). – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1897.

I. Azernikova

THE CONTRIBUTION OF THE EMPRESS MARIA FEODOROVNA AND HER CHANCELLERY IN THE DEVELOPMENT OF CHARITY IN RUSSIA

Abstract. In pre-revolutionary Russia charity has always been an arena for empresses. This article examines the reasons and circumstances in which the Dowager Empress Maria Feodorovna was able to elevate the status of charities in public service by creating the Chancellery of Dowager Empress Maria, later to become the IV Section of the the Chancery of Nicholas I.

Key words: Nicholas I, Maria Fedorovna, charity, education of females, IV Section, state structure, Pavlovsk.

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ ЭПОХА И ДУХОВНАЯ ШКОЛА: РЕФОРМА 1808–1814 гг.*

Аннотация. Статья посвящена важному этапу в истории духовного образования в России – реформе 1808–1814 гг. Главными результатами этой реформы стала целостная стабильно действующая духовно-учебная система, включенная в единое научно-образовательное пространство России, а также особый тип высшей школы – духовная академия, сочетающий богословское и классически-гуманитарное образование. Автор анализирует особенности развития российской духовной школы, предпосылки, исторический контекст, основные идеи и последствия проведенной реформы.

Ключевые слова: российское духовное образование, православные духовные академии, реформа.

Статья посвящена важному этапу в истории духовного образования в России – подготовке и проведению реформы 1808–1814 гг. Эта реформа создала в Российской империи из сети разрозненных епархиальных духовных школ единую централизованную систему, которая, претерпевая некоторые метаморфозы, действовала вплоть до 1917 г. В целом реформа 1808–1814 гг. оценивалась положительно и ее современниками, и последующими поколениями деятелей духовного образования [1, 124; 2; 3; 4; 5; 6; 4; 8; 9]. В современной историографии роль «александровской» духовно-учебной реформы также ставится достаточно высоко [10, 128-147; 11, 418-426; 12; 13]. Однако более внимательное изучение документов, связанных с разработкой и проведением этой реформы, а также с адаптацией ее результатов в жизни высшей духовной школы, показывает, что ситуация не была столь однозначной. Реформационный процесс начала XIX в., решив многие проблемы, выявил новые, более сложные. Еще более важно то, что проведение этой реформы поставило серьезные вопросы, связанные с местом духовной школы в жизни Церкви, с научным богословием и его значением в системе наук в целом. Для понимания и изучения этих вопросов требуется обращение к источникам, а также учет особенностей развития российской духовной школы, исторического контекста и последствий проведенной реформы.

К началу XIX в. православная российская церковь имела сеть духовных школ, включавшую 4 академии, 35 семинарий и 76 низших училищ,

с 29 000 учащихся [14, 14]. Усилия церковной и государственной власти, епископата, ревнителей духовного образования привели к тому, что практически в каждой из 36 епархий, существовавших к 1808 г., были духовные школы, так или иначе решавшие задачу подготовки приходского духовенства. Особое внимание следует обратить на академии. Они располагались в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге и Казани. Самая старая из этих школ – киевская – вела свою историю еще от братской школы (1615), была преобразована митрополитом Петром Могилой по принципам иезуитских коллегий. Две первые школы получили статус академии в 1701 г.; две последние – в 1797 г. [15, 644; 20, 80; 16, 173-174; 17, 821]. Но, несмотря на свое значение в истории российской духовной школы, они не были специальными высшими школами, ибо имели в своем составе все классы, начиная с младших. Указ 11 января 1798 г. предъявил к академиям определенные требования в учебном и организационном отношении, а также наметил «академические округа», прикрепляя к академиям семинарии [18]. Но, так как при этом в академиях сохранялся полный состав классов с соответствующими задачами и проблемами, принципиальных изменений провести не удалось. Эти школы и российское духовное образование в целом за XVIII в. достигли определенных успехов, но их деятельность была отягощена многими проблемами, требующими разрешения.

Прежде всего, серьезные проблемы были связаны с духовно-учебным процессом, что к началу XIX в. ощущалось особенно остро. Западные школьные традиции, введенные в русское духовное образование в XVII–XVIII вв., к началу XIX в. уже претерпели неоднократные изменения, но даже после всех обновлений и усовершенствований они не удовлетворяли современным образовательным запросам. Богословие к этому времени понималось как профильный предмет духовной школы, но уровень его преподавания в большинстве духовных школ был невысок. Некоторым школам, преимущественно в центральных епархиях, усилиями ревностных архиереев и талантливых преподавателей удавалось усилить богословский класс, и выпускники этих школ вносили свой вклад в духовное просвещение. Но их было немного, и при таком положении все попытки повысить уровень богословского просвещения в целом имели незначительные результаты. Рассудочные пост-

* © Сухова Н.Ю.

роения, диалектика и риторический схематизм – обязательные атрибуты средневековой школы, к концу XVIII в. уже не составляли основы учебного процесса, но не позволяли сделать новые научные методы определяющими [19, 171; 20, 314-315; 2, 76-77; 21, 733-739, 769-775]. Формальное направление обучения, выражавшееся и в составе предметов, и в изучаемых богословских системах, и в методах обучения, становилось серьезным тормозом развития духовной школы. Приоритет философско-словесного направления сформировал в духовной школе особую систему мышления, которую трудно было, с одной стороны, изменить в направлении научно-критическом, с другой стороны, приблизить к реальному церковному служению, предстоящему выпускникам. Засилье формальных наук постарались преодолеть введением в учебные планы духовных школ наук «положительного знания» – истории, физики, географии. Отчасти это удалось, но привело к двум проблемам: не поставленные в органическую связь с богословием, эти предметы перегружали учебные планы, не получив в духовной школе серьезной постановки, они не могли давать основательных знаний [21, 693-700, 713-724, 759-764].

Специальное духовное образование XVIII в. не отвечало удовлетворительно запросам, предъявляемым к нему церковной жизнью. В духовных школах XVIII в. богословие составляло старший класс, и большинство учащихся не доходило до этого класса, завершая свое образование риторским или философским классом. Таким образом, ставленники на священнические места не получали систематического богословского образования.

Латинский язык, сохраняемый в русских академиях и семинариях в качестве языка преподавания, открывал учащимся доступ к западному богословию и другим наукам, но разделял духовную ученость с церковным приходским служением. Это разделение не позволяло, с одной стороны, строить образование более реально и целенаправленно, с другой стороны, лишало духовную ученость живой «подпитки» реальными церковными проблемами. Латиноязычное богословие, прочно вошедшее в учебный процесс, задерживало формирование русского богословского понятийного аппарата, создание русской богословской литературы [21, 719-732; 22, 279-280, 310, 340-341]. Духовно-учебный процесс был слабо оснащен учебными пособиями, отвечающими современному уровню. Так как большая часть богословских источников была недоступна для российских духовно-учебных деятелей, преодолеть зависимость от тех или иных западных авторов было практически невозможно [21, 741-745; 10, 82-127].

В течение XVIII в. определилась сословная замкнутость духовных школ, имевшая два следс-

твия: состав учащихся ограничивался «духовным юношеством», то есть, детьми священно- и церковнослужителей, а совершенствование общего образования в духовных школах приходилось осуществлять внутренними силами. Высшие классы духовных школ, по крайней мере, наиболее развитых, должны были готовить преподавателей по всем предметам, что при низком уровне преподавания этих наук в духовных школах было весьма сложно. Задача приготовления учителей делается одной из важнейших в духовно-учебной жизни, заботящей не только епархиальное, но и высшее начальство [2, 80-84; 20, 261-269, 373-377; 21, 665-713].

Одной из специфических черт русского богословия было его особое положение в отечественной научно-образовательной системе. Российская Академия наук и художеств, учрежденная в 1724-1725 гг., не имела богословского отделения, а первый стабильно действующий российский университет – Московский – не имел теологического факультета. Это не было свидетельством отчуждения богословия от системы наук и образования: напротив, государственная власть обращала особое внимание на развитие научного и учебного богословия. Но основу корпораций Академии наук и университета на раннем этапе составляли иностранные иноконфессиональные профессора. Российское правительство, понимая необходимость такой зависимости на начальном этапе, желало, тем не менее, оградить православное богословское образование от инославных влияний. Поэтому было решено стимулировать его самостоятельное развитие под попечением православной церкви, в виде особых епархиальных духовных школ [23, 115; 24, 329-330]. Однако вопрос об отношении богословия к другим наукам, месте и значении его в системе просвещения требовали осмысления и уточнения. К его обсуждению предполагалось вернуться в дальнейшем, на более высоком уровне развития образовательной системы и накопив опыт в построении самостоятельных богословских учебных курсов.

К началу XIX в. стало ясно, что существенные сдвиги в образовании духовенства и развитие русского богословия возможны лишь при условии централизации духовно-учебной системы, а для ее осуществления требовалась радикальная реформа. Высказывались и определенные опасения, связанные с централизацией – неизбежная универсализация, потеря местной специфики. Но если для подготовки духовенства и духовно-учебных кадров местная специфика была важна, то богословская наука явно не могла развиваться в тесной епархиальной сфере. Эта радикальная реформа была проведена в эпоху Александра I. В ее разработке и проведении проявилась особен-

ность положения российской духовной школы: с одной стороны, она входила в общее учебно-научное пространство и должна была отвечать его принципам, с другой стороны, имела особые задачи, что требовало некоторой свободы для их решения, позволяющей строить учебно-воспитательный процесс согласно особым принципам. Специфика богословия как науки в эти годы не была предметом специального обсуждения и осмысления, но многими делателями духовной школы имелась в виду.

Общим направлением реформа 1808–1814 гг. соответствовала реформе светского образования, проведенной в 1803–1804 гг. – централизованная система, объединение школ в учебные округа, выделение в учебной системе последовательных и соподчиненных ступеней (§163, 165, 169) [25, 586–587]. Начало духовно-учебной реформы было положено указом императора от 29 ноября 1807 г. о создании особого *Комитета о усовершенствовании духовных училищ и обеспечении приходского духовенства* (далее *Комитет*) [14, 1]. Эти две задачи нельзя было разделить: для того, чтобы выпускники духовной школы могли заниматься духовным просвещением, их необходимо было обеспечить материально. Созыву Комитета предшествовала двухлетняя работа по составлению начального проекта реформы викарным епископом Санкт-Петербургской епархии Евгением (Болховитиновым). Проект был составлен по официальному указанию митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Амвросия (Подобедова), с учетом проектов, присланных архиереями «академических» городов [26, 525–541]. В Комитет вошли митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), архиепископ Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов), статс-секретарь М. М. Сперанский, обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, императорский духовник протопресвитер Сергей Краснопевков (он участвовал лишь в первых заседаниях Комитета, ибо вскоре умер) и обер-священник военного духовенства Иоанн Державин. Перед Комитетом стояли три основные задачи: 1) рассмотрение проекта епископа Евгения; 2) расчет суммы, необходимой на его осуществление и на обеспечение жалованием приходского духовенства; 3) определение путей накопления этой суммы [14, 1–2 об.]. Плодом годовых занятий Комитета, со дня его основания до июня 1808 г., явились итоговые документы – доклад и «Начертание правил о образовании духовных училищ и о содержании духовенства при церквях», – в которых были сформулированы идеи, давшие основание коренному преобразованию всей системы духовного образования в России.

Вопрос об авторстве основных идей реформы 1808–1814 гг. не решен. Текст итогового документа

был составлен М.М. Сперанским. Проект, представленный в докладе, значительно отличался от проекта епископа Евгения (в частности, существенно был расширен состав учебных предметов – введена гражданская история, церковные древности, география, история философии, расширена математика). Высказывалась версия использования в докладе проекта, составленного в 1801–1802 гг. архиепископом Анастасием (Братановским). Некоторые идеи проекта Комитета в историографии сравнивались не только с проведенной в России в 1804 г. университетской реформой, но и с Наполеоновской образовательной реформой 1806 г., учредившей *Université de France* [27, 90; 28, 31–32; 10, 143].

Анализ проблем духовного образования привел Комитет к установлению двух основных принципов реформы [14, 1 об. – 2, 55–60]: 1) организация духовных школ в единую систему, с особым высшим управлением, разделением на несколько соподчиненных ступеней, устремленных к главным центрам, и единообразием учебного строя; 2) соответствие всех предметов духовных школ задаче *богословского* учения – само богословие «во всех его отделениях»; древняя история, особенно священная и Церкви; лучшие образцы духовной словесности; языки древние, славянский и славяно-русский [14, 54 об. – 55 об., 3–6 об., 7 об.]. Было решено оставить в преобразованной системе 4 уже сложившиеся центра духовно-учебных округов – академии, 36 семинарий (епархиальных училищ), по 10 уездных и 30 приходских училищ в каждой епархии, как высшую норму. По размерам материального содержания епархии разделялись на три разряда, согласно дороговизне жизни [14, 14–14 об.].

Комитет настаивал в своем проекте на полной автономности духовно-учебной системы: свое управление, общеобразовательная подготовка, система подготовки преподавателей. Приводились аргументы: особые задачи духовной школы, специфика самого «предмета занятий», особенность изучаемых наук, «духовному званию нужных», требующих особого настроя и воспитания; необходимость давать льготное образование детям уже сложившегося духовного сословия [14, 55–59]. Однако в планы Комитета вовсе не входило усиливать замкнутость духовного сословия: хотя в ведении низших духовных училищ состояли все дети священно- и церковнослужителей, и родители обязаны были дать им определенный уровень образования, у выпускников семинарий и академий была возможность уволиться в гражданскую службу. В заседаниях Комитета особо было отмечено, что «когда все сие будет устроено к приведению в действо, тогда разрешать детям священно- и церковнослужителей *избирать и другие*

состояния» [14, 2]. Но таким образом, духовное образование, в отличие от профессионального гражданского образования, опирающегося на общеобразовательные школы Министерства народного просвещения, должно было по-прежнему заботиться самостоятельно о подготовке преподавателей по всем предметам. Некоторое обоснование этому было: преподаватели, сами получившие образование в духовной школе, могли более глубоко понять задачи и проблемы духовного образования и воплотить это понимание в своей деятельности. Кроме того, даже общее образование в духовных школах должно было вырабатывать в учащемся истинное понимание о взаимосвязи богословия с другими науками, а не его секуляризованный вариант, перешедший в российские университеты из европейских университетов нового времени.

Одной из главных тем в обсуждениях Комитета была богословская наука. По составленному плану ее развитием должна была заниматься проектируемая высшая духовная школа – четыре духовные академии. Таким образом, духовное образование и богословская «ученость» должны были в академиях неразрывно соединиться [14, 59 об. – 60]. Попытка соединения в одном учреждении научных исследований и подготовки научных кадров предпринималась еще в первой половине XVIII в., при учреждении Академии наук и художеств. В состав Академии был включен университет, и члены Академии были обязаны преподавать. Реализация проекта показала его нежизнеспособность: акцент был смещен в сторону науки, а академический университет действовал слабо и в 1760 г. был окончательно закрыт [29; 30]. В случае духовных академий в начале XIX в. была надежда на более благоприятный результат: русское духовное юношество показало себя за XVIII в. как наиболее способное к обучению, и уже имелся определенный опыт. При этом административное устройство новых академий должно было представлять синтез идей университетского Устава 1804 г. и Устава Академии наук. Каждая из четырех духовных академий должна была стать академией духовных наук, с активно действующим учебным институтом для подготовки научных кадров и педагогического обеспечения средних профильных школ.

Реформа, официально закрепив соединение богословской науки с духовной школой и относительную самостоятельность последней, утвердила и особое положение российского богословия в общей системе наук. Это положение не отделяло богословов от общей научной среды, но вопрос о месте богословия в системе человеческого знания оставался открытым.

В 1809 г. членами КДУ М.М. Сперанским и архиепископом Феофилактом (Русановым) был

составлен проект Устава духовных училищ, включавший в себя общие положения по устройству всей духовно-учебной системы и уставы всех ее ступеней. После проверки на практике проект планировали доработать и тогда уже утвердить окончательно. Недостаток средств, преподавательских и студенческих кадров для новых академий определил постепенное проведение реформы. Начать решили лишь с одной академии и ее учебного округа – столичной. Первый курс преобразованной по новому Уставу СПбДА учили общими усилиями пять лет. В 1814 г. проект Устава духовных училищ во всех его частях подвергся окончательной редакции и 30 августа был утвержден [31]. В этом же году по новому Уставу был преобразован Московский духовно-учебный округ, с академией, переведенной в Троице-Сергиеву Лавру. В 1817 г. был преобразован Киевский округ, Киевская же академия, сочтенная не готовой к новой деятельности, пребывала два года в семинарском статусе и в 1819 г. получила статус академии. В 1818 г. новое устройство получили средние и низшие духовные школы Казанского округа, отданные в управление МДА. Окончательно реформа реализовалась лишь в 1842 г. преобразованием Казанской академии.

Для священного служения требовалось теперь получение семинарского образования, то есть именно семинарии становились школой подготовки духовенства – духовной школой в прямом смысле слова. Но сочетание в одних стенах двух направлений: профессионального образования духовенства и льготного образования детей духовного сословия предвещало в дальнейшем серьезные проблемы.

В целом реформа была проведена более или менее успешно – централизованная духовно-учебная система была построена. Можно было ожидать, что постепенно все ее ступени, в том числе академии, будут успешно выполнять возложенные на них задачи. Отчасти это происходило. Однако дальнейшая деятельность духовных академий в условиях Устава 1814 г. выявила много проблем, которые свидетельствовали о «теоретичности» составленного Устава, неисполнимости некоторых его положений в реальных условиях. Реформированные духовные академии, по замыслу Комитета 1808 г., представляли собой совершенно новое учреждение, с особыми задачами, надстраиваемое над дореформенной школой. Комитет об усовершенствовании духовных училищ 1808 г. определил «троякий предмет установления духовных академий»: «1) образование духовного юношества к высшим должностям»; 2) распространение и поощрение учености в духовенстве; 3) управление духовных училищ, Академии подчиненных» (§ 79) [32, 389]. Подготовка учителей – одна из главных проблем духовных школ XVIII в. – не была упомя-

нута особо, но Комитет указывал, что выпускники академий будут заполнять вакансии профессоров как академий, так и семинарий, то есть профессорство входило в число «высших должностей» [14, 7 об.]. Такой широкий спектр задач решался с большим трудом. В результате самые глубокие из этих проблем – развитие богословской науки и поощрение учености в духовенстве – оставались затронутыми лишь отчасти.

Таким образом, главным результатом реформы 1808-1814 гг. было построение целостной системы духовного образования, параллельной системе «гражданского» образования, со своим собственным управлением, иерархическим соподчинением и строгим преемством четырех ступеней. Разделение духовного образования на ступени дало возможность каждой ступени сосредоточиться на решении своих особых задач, что, в свою очередь, обеспечило регулярную подготовку образованного духовенства, духовно-учебных кадров, а также открыло перспективы научного развития богословия. Несмотря на свою радикальность, реформа 1808-1814 гг. не уничтожила существующую до нее духовную школу – преемство было, более того, достижения дореформенной школы были осмыслены и систематизированы.

В процессе реализации реформы 1808-1814 гг. был создан особый тип высшей духовной школы, сочетающий богословское и классически-гуманитарное образование. Переход преподавания в духовной школе на русский язык способствовал развитию русской богословской терминологии и постепенному отходу от схоластических систем. Изучение Священного Писания, систематический перевод на русский язык святоотеческих творений, начавшаяся разработка исторических и литературных источников сформировали особую духовную «ученость», укрепили связь с восточно-христианским наследием. Самостоятельные научно-богословские исследования, хотя и не дали ожидаемых результатов, все же получили в духовных академиях основание, наметились пути их развития, появились идеи, которые требовали апробации.

Самостоятельность духовно-учебной системы не вытесняла духовное образование и богословскую науку из единого российского научно-образовательного пространства. И после реформы 1808-1814 гг. выпускники и представители корпораций духовных академий призывались к решению проблем, не имевших непосредственного отношения к церковной жизни. Определенное значение имел и обратный процесс: привлечение представителей небогословских наук к преподаванию в духовной школе. Но задача более четкого соотношения уровней образования и научной компетентности духовно-учебной и университетской

систем была достаточно актуальной и подразумевала дальнейшее решение. Реформа в большей или меньшей степени решала проблемы духовного образования, определившиеся в XVIII в., но выявила новые, более тонкие проблемы, решение которых требовало глубокого понимания сущности духовного образования. «Энциклопедизм» духовного образования, определенный Уставом 1814 г., давал основание и богословской мысли, и всем церковным служениям, к которым готовила духовная школа, но широта оставляла слишком мало места конкретности. В течение действия Устава 1814 г. эта проблема лишь наметилась, но в перспективе она подразумевала новые этапы совершенствования, выработку большего разнообразия и в типах богословского образования, и в подходах к его реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.) / Сост. А. Н. Львов. – СПб., 1900.
2. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской духовной академии. – СПб., 1857.
3. Аскоценский В.И. История Киевской духовной академии. – Киев, 1863.
4. Певницкий В.Ф. О судьбах богословской науки в нашем отечестве // Труды Киевской духовной академии. – 1869, № 11/12. – С. 139-219.
5. Прилежаев Е.М. Царствование Александра I в истории русской духовной школы // Христианское чтение. – 1878, №1/2. – С. 253-275.
6. Знаменский П.В. Основные начала духовно-училищной реформы в царствование императора Александра I. – Казань, 1878.
7. Титов Ф.И., прот. Преобразования духовных академий в России в XIX веке // Труды Киевской духовной академии. – 1906. № 4. – С. 1-24.
8. Титлинов Б.В. Комитет духовных училищ 1807–1808 гг. и училищные уставы // Христианское чтение. – 1908. № 3. – С. 422-447.
9. Богословский М.М. Реформа высшей духовной школы при Александре I и основание Московской духовной академии // Богословский вестник. – 1917. Т. II. № 10/11/12. – С. 356-384.
10. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991 [репринт издания: Париж, 1937].
11. Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: В 2 ч. Ч. 1. – М., 1996.
12. Вишленкова Е.А. Духовная школа России первой четверти XIX века. – Казань, 1998.
13. Федоров В.А. Духовное образование в Русской Православной Церкви в XIX в. // Педагогика. – 2000. № 5. – С. 75-83.
14. Журналы Комитета о усовершенствовании Духовных Училищ 1807 и 1808 гг. // РГИА, ф. 802, оп. 17, д. 1.
15. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. – Казань, 1914.
16. Грамота преосвященному Варлааму Ясинскому, митрополиту Киевскому от 26 сентября 1701 г. // 1 ПСЗ. Т. IV. № 1870. – СПб., 1830. – С. 173-174.

17. Именной, данный Синоду указ от 18 декабря 1797 г. об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани // 1 ПСЗ. Т. XXIV. № 18273. – СПб., 1830. – С. 821-823.
18. О порядке учения в Духовных Академиях и Семинариях // 1 ПСЗ. Т. XXV. № 18726. – СПб., 1830. – С. 426-431.
19. Макарий (Булгаков), иером. История Киевской духовной академии. – СПб., 1843.
20. Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. – М., 1855.
21. Знаменский П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. – СПб., 2001.
22. Смирнов С.К. История Троицкой Лаврской семинарии. – М., 1867.
23. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. Т. 1. – М., 2002.
24. Сухова Н.Ю. Богословские науки в российских университетах – традиция и перспективы // Сухова Н.Ю. Вертоград наук духовный: Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. – М., 2007. – С. 326-344.
25. Высочайше утвержденный 5 ноября 1804 г. Устав Императорского Московского университета // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXVIII. № 21498. – СПб., 1830. – С. 570-589.
26. Полетаев Н.И. К истории духовно-учебной реформы 1808–1814 гг. // Странник. – 1889, № 8. – С. 514–541.
27. Глубоковский Н.Н. Начало организованной духовной школы // Богословский вестник. – 1917, Т. II, № 6/7. – С. 75-92.
28. Титлинов Б.В. Духовная школа в России в XIX веке: В 2 т. Т. 1. – Вильно, 1908. – 385 с.
29. Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. – СПб., 1870. – 775 с.
30. Толстой Д.А. Академический Университет в XVIII в., по рукописным документам Архива Академии наук. – СПб., 1885. – 114 с.
31. Устав православных духовных училищ, Высочайше утвержденный 30 августа 1814 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXII. № 25673. – СПб., 1830. – С. 910-954.
32. О усовершенствовании Духовных Училищ; о начертании правил для образования сих Училищ и составлении капитала на содержание Духовенства. Именной указ императора Александра I от 26 июня 1808 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXX. № 23122. – СПб., 1830. – С. 368-395.

N. Sukhova

EPOCH OF ALEXANDER AND ECCLESIASTICAL REFORM OF 1808–1814

Abstract. The article is devoted to the important stage in a history of ecclesiastical education in Russia — reform 1808—1814. The main results of this reform: complete stably working ecclesiastical-educational system included in uniform scientific-educational space of Russia, and also special type of a higher school –ecclesiastical academy combining theological and classical-arts education. The author analyzes features of development of the Russian spiritual school, preconditions, historical context, basic ideas and consequences of the carried out reform.

Key words: the Russian ecclesiastical education, orthodox ecclesiastical academies, reform.

УДК 355(470) «1812»

Джесюпов Э.С.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ В РУССКОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА*

Аннотация. В статье рассматриваются история национальных воинских формирований в Русской армии. Особенности их формирования, вопросы вооружения, структуры, обучения военному делу. Национальные воинские формирования в данной статье представлены башкирами и калмыками, которые несли военную службу в русской армии на протяжении длительного времени, а в Отечественной войне 1812 г. были наиболее массовым явлением среди инородцев, сформировавших свои полки для борьбы с наполеоновской Францией.

Ключевые слова: национальные воинские

формирования, башкиры, калмыки, иррегулярная кавалерия.

Первая четверть XIX в. – наиболее сложный, насыщенный противоречиями и своеобразным драматизмом период в истории нашего государства. Центральным событием этой эпохи, безусловно, является Отечественная война 1812 года. Это первая война за национальный суверенитет, получившая в отечественной истории определение Отечественной войны.

«Победам 1812-1814 гг. предшествовал целый ряд войн, в которых русские войска, при всех их высоких качествах, не могли остановить

* © Джесюпов Э.С.

продвижение наполеоновской армии по Европе. Войны стали национальными, в них включились широкие народные массы. Армии стали гораздо более многочисленными за счет фактического введения всеобщей воинской повинности. Одним из проявлений сил народа стало создание многочисленных регулярных резервных формирований и ополчений» [3, с. 123].

Особое место в русской армии 1812 года занимали казачьи войска и другие иррегулярные национальные части (наиболее многочисленные – башкирские и калмыцкие). Последние призывались на службу только в военное время.

Так, в 1812 г. численность иррегулярных формирований в составе русских войск насчитывала 80 тыс. человек, а численность регулярной пехоты и кавалерии составляла соответственно 381 тыс. и 79 тыс. человек [3, с. 123]. Таким образом, численность иррегулярных формирований была сопоставима с численностью всей кавалерии русской армии.

Поскольку иррегулярные национальные формирования по первому требованию выставляли свои части в полной боевой готовности, закономерным видится вопрос их структуры, боевой подготовки, вооружения. На основе изучения различных источников, автор пришел к выводу, что вопросы традиционной подготовки будущих воинов у неславянских этносов были практически идентичны, различия заключались в экономических, политических, этносоциальных аспектах и различных исторических условиях жизни конкретного народа в России. Например, калмыцкие полки, в отличие от башкирских, имели на вооружении огнестрельное оружие. Башкиры же в большей степени были вооружены луками и стрелами. Причина кроется в мероприятиях правительства по подавлению башкирских восстаний в XVIII веке, в частности, Указ от 11 февраля 1736 года запрещал башкирам иметь огнестрельное оружие, кузнецов и кузниц, продажа из других уездов ружей, пороха, свинца башкирам [8]. Этот указ, по сути, законсервировал процесс модернизации вооружения башкир и сохранил оружие средневековья для Отечественной войны 1812 года.

«Лишь с введением кантонной системы управления в 1798 году башкирам было разрешено иметь кузницы в кантонах, и соответственно огнестрельное оружие. Но такого короткого временного промежутка было явно недостаточно для массового вооружения огнестрельным оружием» [4, с. 64].

Разнообразным и порой экзотическим было вооружение башкирских полков. Оно представляло собой своеобразную смесь оружия средневековья и нового времени. Основным видом оружия у башкир были лук со стрелами и пика. Башкиры

мастерски стреляли на большое расстояние в цель. Стрела, выпущенная воином-башкиром, могла пронзить с 30 м не только человека, но и лошадь. На расстоянии 70 метров стрела пробивала дубовую доску в палец толщиной, на дистанции 100 метров лук по точности боя не уступал ружью, а полная дальнбойность хороших луков достигала 200 метров.

Лишь небольшое число воинов имели сабли, и единицы – огнестрельное оружие и, как правило, оно являлось трофейными.

В официальных документах говорится, что башкиры должны были иметь оружие, «употребляемое по их обыкновению»: «ружья, пистолеты, сабли, пики и луки, кто, чем может, и навык употреблять, не требуя единообразия», «одежду дозволить им иметь по своему обычаю». В случае ношения казачьего мундира полагалось поощрение. Обычно в литературе указывается именно такой набор вооружения.

Башкиры в 1806-1807 гг. описаны целым рядом очевидцев. Д.В. Давыдов в своих записках описывал, что башкиры были «вооружены луками и стрелами» [9, с. 294-296]. На лук и стрелы, как на основное оружие, указывает и английский офицер Роберт Вильсон, находившийся в русской армии [5, с. 90-95].

Луки изготовлялись самими башкирами. Боевой сложный лук склеивался из двух половинок – березовой и еловой, и обклеивался снаружи берестой. Тетива делалась из крепкой конопляной бечевки или сухожилий. Луки были примерно 1,5 метра длиной и несильно выгнутые. Боевые стрелы состояли из железных наконечников широколопастной или ромбической формы и черенка. Помещались стрелы в колчанах острием вниз, по 15-30 штук в каждом.

Другим важным оружием воина-башкира была пика. Железные пики с глубокой втулкой насаживались на длинное древко. Башкиры великолепно владели пикой, которую всегда называли царицей холодного кавалерийского оружия. Верхом на лошади башкиры наносили пикой смертельные удары по противнику.

Таким образом, можно с известной долей уверенности сказать, что башкиры периода наполеоновских войн – это воины, вооруженные луком со стрелами, пиками, незначительное число имели сабли и лишь единицы ружья, тем более пистолеты. Вооружение и снаряжение башкир в 1812-1814 гг. было неизменным.

Необходимо отметить, что оружие, состоявшее на вооружении национальных воинских формирований, стоило очень дорого и, как правило, бережно хранилось в семье, переходило от отца к сыну; поэтому единого типа сабель, пик не было ни в одном национальном полку.

Рассмотрим вопросы структуры, боевой подготовки, вооружения национальных воинских формирований на примере калмыков.

На военное дело калмыков оказало глубокое влияние военная система России. Процесс трансформации вносил коренные изменения во все сферы: в структуру войска, вооружение и военно-тактическое искусство.

Комплектование войска осуществлялось на основе всеобщей воинской повинности. Необходимость выбора этого принципа исходила из нескольких факторов: во-первых, каждый улусный тайша [князь] стремился содержать постоянную дружину от возможных частых нападений соседних тайшей или других кочевых народов; во-вторых, находясь в вассальном положении от России, калмыцкие правители должны были постоянно поставлять свои военные силы для участия в войнах Российского государства; в-третьих, калмыцким ханам и тайшам необходимо было усиливать власть над рядовыми калмыками, и постоянное войско являлось для них важным средством удержания зависимых людей в вечном подданстве.

«Существование калмыцкого войска в форме легкой конницы и его устройство в виде улусно-родовых дружин являлось конкретным воплощением и выражением специфического социально-экономического уклада калмыцкого хозяйства и социально-политического строя с феодално-иерархической структурой. Иной формы устройства войска в описываемый период и не могло быть» [7, с. 186].

Калмыцкое войско использовало те же виды холодного оружия, что и до добровольного вхождения в состав России. Однако следует заметить, что с изменением положения калмыков, обусловленным новыми социально-политическими, экономическими факторами и внешнеполитическими связями, произошли заметные сдвиги в вооружении и материальном обеспечении войска. Прежде всего, в XVIII в. возрастает удельный вес огнестрельного оружия в калмыцком войске. Надо заметить, что оно употреблялось не только в индивидуальном порядке, но и являлось важным средством в осуществлении тактических задач в крупных боевых событиях.

Огнестрельным оружием калмыцкое войско обеспечивала российская администрация. Например, в статьях договора 1697 г., направленного на охрану калмыками южных рубежей России, подписанного Б.М. Голицыным и калмыцким ханом Аюкой, указывалось: «Русские должны дать ему (Аюке) пушки, также давать ему ежегодно 20 пудов пороху и 10 пудов свинцу» [7, с. 186]. В подобном документе за 1707 г. еще более конкретизируются виды артиллерийского оружия, выдаваемые калмыкам. Указом Верховного тайного совета от

17 января 1728 г. был узаконен для Калмыкии следующий перечень огнестрельного оружия и материалов: ружья, порох, свинец, а за определенную плату – сталь, железо и медь. Имеются также конкретные сведения, когда калмыцкое войско использовало пушки в бою. «В одном из столкновений калмыков с казаками в начале 20-х годов XVIII в. владелец Лабжа, сын крещеного тайши Назарова, сообщал о том, что “из пушек своих по ним стреляли”. По этому же поводу Бакунин писал: “А собственные пушки у Дорджи Назарова были самые малые, которые они возят без станков на верблюдах» [7, с. 186]. В 1725 г. калмыки использовали пушки и в сражении с отрядом каракалпаков. Но в Отечественной войне 1812 года вооружение калмыцких полков было аналогичным казакам.

Несомненно, главную материальную основу национальных войск составляли лошади. Коневодство являлось ведущей отраслью скотоводческих хозяйств. Поэтому обеспеченность войск лошадьми была полной. Именно поэтому в Манифесте императора для калмыков и башкир указывается, что все должны быть «о-дву-конь» [10], то есть каждый воин обязан был явиться на двух лошадях. Калмыцкая лошадь была небольшого роста – от 2 аршин до 2 аршин 3 вершков (1 м 42 см до 1 м 55 см), преимущественно гнедой и бурой масти, отличалась крепкой мускулатурой и выносливостью, голова несколько удлиненной, и горбатой, шея короткая с чуть заметным кадыком. Она способна была перенести голод, сильную жару, без отдыха и корма совершала 100-верстовый переход. Особенностью калмыцкого войска являлось полное отсутствие колесного обоза.

Вполне очевидно, что уровень скотоводческого хозяйства у кочевых народов не мог способствовать быстрому совершенствованию оружия. Но, с другой стороны, включение Калмыцкого ханства в орбиту внешних войн Российской империи в XVIII в., несомненно, оказывало определенное влияние на изменение вооружения.

Анализ материалов, связанных с привлечением калмыков к войнам России на протяжении XVIII в., позволяет установить четырехэтапную систему комплектования калмыцкого войска.

1-й. Направлялся царский указ о необходимости предоставления военной силы калмыков на театр военных действий, но возможность его реализации рассматривалась калмыцкими правителями. После этого хан давал царской администрации, чаще всего, положительный ответ.

2-й. Посылались на переговоры к хану военные представители высоких рангов для определения конкретных сроков сбора войска и конкретного количества отрядов и воинов.

3-й. Издавался ханский указ для улусных тайшей по поводу комплектования войска, с оп-

ределением численности воинов с улуса и указанием места сбора и маршрутов движения.

4-й. Исполнение указа улусными тайшами и аймачными зайсангами на местах.

Таким образом, комплектование Калмыцкого войска происходило на основе всеобщей мобилизации воинской обязанности мужского населения. Всеобщая мобилизация была связана с подготовкой калмыков к боевым действиям против беспокойных соседей, выполняя обязанности по кордонной службе, или со специальными царскими указами о привлечении калмыцкой конницы к военным кампаниям России.

Следует сказать о скорости исполнении высочайших указов и манифестов. Например, Высочайший указ «О составлении из калмык и башкир обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской губерниях конных пятисотенных полков...» был подписан Александром I 7 апреля 1811 года, а ответ Оренбургского военного губернатора князя Волконского о готовности полков убыть с места сбора к местам предназначений был составлен 9 мая. Причем, как видно из переписки, полки были готовы убыть с места сбора 25 мая 1811 года. Таким образом, можно сделать вывод о высокой организованности в вопросах формирования иррегулярных инородческих полков, оперативность в решении вопросов по формированию полков, снаряжению, запасу фуража и выдачи наличных денег [10].

«В середине и во второй половине XVIII века основной боевой единицей стал полк. Калмыцкое войско 60-х годов XVIII века состояло из 32 полков» [7, с. 188].

Полк делился на сотни и состоял из трех родов воинов: стрелков, вооруженных ружьями, которые во время боя сходили с коней и открывали ружейный огонь; лучников, которые, перестроившись в боевой порядок, засыпали противника стрелами; и конных копейщиков, решавших судьбу боя. В каждом полку был прапорщик и трубач.

Серьезное внимание калмыки уделяли боевой и физической подготовке всадника. Навыки искусной езды на лошади, умение владеть оружием прививались будущему воину с раннего детства. На основе личных наблюдений И. И. Лепехин писал: «Несколько подросших своих детей приучают пасти скотину, ездить верхом и стрелять из луков». Эти навыки необходимы были и в повседневной жизни калмыков, которая мало чем отличалась по своим условиям от походной жизни [6, с. 46].

Подводя итог вопросам структуры, боевой подготовки, вооружения, можно сказать, что веками выработанная система подготовки воина позволяла воспитывать отличных всадников. «Военный историк прошлого века генерал Потто отмечал: «По внешнему виду они (калмыки) были

загорелые брюнеты, сильные, малорослы, чрезвычайно быстры в движениях, увертливы, необычайно дальноразорки, при том способны несколько дней не слезать с седла, переносить жажду, подобно их лошадям, славящимся этим и теперь, – словом, они представляли идеал кавалериста, умеющего одинаково драться на коне и пешим, рубить саблей, резать ножом, стрелять из лука и ружья...» [7, с. 189].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы.

Предпосылками создания национальных воинских формирований в Русской армии являлись: экономическая целесообразность, поскольку использование национальных полков снижало финансовое бремя и расходы на ведение войны, так как они находились на самообеспечении и формировывались только при угрозе войны, и политическая дальновидность органов власти и военного управления, поскольку привлечение национальных полков для службы в составе Русской армии, способствовало формированию системы общих социо-культурных ценностей.

Особенностями национальных полков было то, что по своей организации их конница являлась иррегулярной, не обладала единым вооружением и единой формой. Также не имела единой тактической организации и твердых штатов. Обучение и вооружение не имело строгой регламентации в юридических документах.

Национальные воинские формирования вносили посильный вклад в военных кампаниях России и к началу Отечественной войны 1812 г. не утратили своего значения в военной организации России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. IX. № 6890.
2. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 38457-38506.
3. Шведов С.В. Комплектование, численность и потери Российской Армии в Отечественной войне 1812 года: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02: Саратов, 2005. 390 с. РГБ ОД, 61:05-7/546
4. Башкиры в наполеоновской Европе // Русский сборник / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов. М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2007. Т. 4.
5. Рахимов Р.Н. «Северные амурь»: взгляд очевидца // Ватандаш. 2001. № 4.
6. «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» И.И. Лепехина (1780-1790 гг.).
7. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII-XIX вв.) - Элиста: 1991.
8. ПСЗРИ. Т. IX. № 6890.
9. Давыдов Д. В. Сочинения в трех томах. СПб., 1839. Т. 1.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 38457-38506.

E. Djesyupov

PREREQUISITES AND PECULIARITIES OF CREATION OF NATIONAL MILITARY FORMATIONS IN THE RUSSIAN ARMY ON THE EVE OF PATRIOTIC WAR OF 1812

Abstract. The article reviews the history of national military formations of the Russian army, peculiarities of their organization, and issues of arming, structure and military training. In this article the

national military formations are represented by the Bashkirs and Kalmucks who had been in the military service of the Russian army for a long period of time, and during the Patriotic war of 1812 were in the majority among foreigners who assembled their regiments to fight against Napoleon's France.

Key words: national military formations, the Bashkirs, the Kalmucks, irregular cavalry.

УДК 352.075

Галкин П.В.

МОСКОВСКОЕ ЗЕМСТВО И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ПО ВВЕДЕНИЮ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ*

Аннотация. В статье исследуются мероприятия Московского земства по реализации правительственной программы введения всеобщего обучения. Благодаря совместному финансированию государства и земства в Московской губернии удалось сформировать трехверстную сеть школ. Однако увеличение размеров казённых дотаций сопровождалось ограничениями полномочий земств, что приводило к конфликтам в их взаимоотношениях с государственными структурами.

Ключевые слова: земство и всеобщее обучение.

Идея всеобщего обучения народа стала активно рассматриваться в правительственных структурах в начале XX века, когда последовательно было разработано несколько проектов, каждый из которых в той или иной мере предполагал существенное усиление контроля государства за деятельностью органов местного самоуправления в данной сфере. Параллельно с этими теоретическими разработками в Московском земстве проводилась масштабная практическая работа, нацеленная на достижение общедоступности начального образования. Расчеты, произведенные земцами, показали, что посещение школ напрямую связано с их удаленностью от места жительства учеников и посещаемость резко падает, если училище расположено на расстоянии свыше трех верст. Поэтому в масштабах всей губернии была разработана трёхвёрстная сеть училищ, призванная обеспечить общедоступность образовательных учреждений.

Для реализации поставленной задачи предполагалось устроить 277 новых училищ (т.е. более чем наполовину увеличить количество земских

школ), причём 3/4 затрат брало на себя губернское земство. Пособия и ссуды выдавались из специально образованного фонда, из запасных сумм и с процентов капитала добровольного страхования имущества. Уезды с наименьшими доходами ежегодно получали безвозвратные пособия на устройство и содержание новых училищ (в среднем по 288 рублей в год) [1].

В результате к началу XX века Московская губерния имела одни из лучших показателей грамотности сельского населения старше 8 лет: в ней насчитывалось 38,4% грамотных обоёго пола (1900 г.), из которых 62,2% приходилось на долю мужчин и 17,1% – женщин [2]. И что знаменательно, 2/3 всех грамотных крестьян были выпускниками именно земских училищ [3].

Реальное завершение училищной сети в масштабах губернии произошло лишь к началу 1906/07 учебного года, когда количество школ увеличилось до 951 и первоначальные планы по обеспечению общедоступности начального образования были значительно превышены. Однако достичь стопроцентной посещаемости школ все-таки не удалось. Поэтому для выяснения вопроса, насколько в начальном образовании оказались удовлетворены потребности сельского населения, статистическое отделение губернской управы провело специальное исследование. В качестве критерия общедоступности было взято процентное отношение учащихся к общему числу детей школьного возраста. По данным на 1 сентября 1906 г., 90% крестьянских детей в возрасте от 8 до 10 лет посещало организованные школы (земские, фабричные, церковно-приходские и министерские). При расчете соотношения для четырёхгодичной группы (8, 9, 10 и 11 лет) процент учащихся детей уменьшался до 68%. Таким об-

* © Галкин П.В.

разом, утверждения о полной общедоступности просвещения оказались преждевременными [4].

Опыт, накопленный московскими земцами, позволил им квалифицированно проанализировать проект министерства народного просвещения (далее – МНП) о введении всеобщего обучения в России. Этот документ рассматривался в рабочем порядке на совещании комиссии по созданию нового «Положения о начальных училищах». Идея министерских чиновников об обязательности обучения не была одобрена земцами. В объяснении своей позиции члены губернской комиссии указали, что «по самому существу дела воспитания детей принадлежат к числу нравственных обязанностей, которые несут родители и принуждение... не должно входить в круг ведения законодательства» [5]. Другим пунктом правительственного проекта являлся отпуск казенных субсидий. На этот счет московские гласные выдвинули предложение предоставлять средства губернскому земству для более целесообразного последующего распределения их по уездам. Министерский проект обсуждался и в уездных земских собраниях, где положительную оценку получили многие идеи, вошедшие позже в основную редакцию закона – это установление четырёхлетнего срока обучения, трёхвёрстного радиуса удалённости школ и обязательная комплектность учебных заведений (наличие 50 учащихся на 1 учителя).

Практическая реализация программы по введению всеобщего начального обучения началась в 1908 г., когда были изданы соответствующие нормативные документы [6]. Пособия от казны выдавались земским и городским органам самоуправления в размере 390 рублей на 1 комплект учащихся (360 рублей на жалование учителю и 30 рублей – законоучителю). Главным условием государственного финансирования являлись бесплатность обучения и ассигнование освобождающихся у земства сумм на содержание училищ. Для постройки новых школьных помещений выделялись пособия и ссуды в размере до 2/3 стоимости здания [7].

Реакция Московского губернского земства на правительственные законы была крайне негативной, поскольку установленный министерством порядок оказания помощи уездным учреждениям отстранял губернские органы от дальнейшего участия в развитии образования. «Уездные земства, – отмечалось в докладе губернской управы, – обращаются непосредственно к МНП за пособиями, ... минуя губернское земство, и в то же время не перестают возбуждать свои ходатайства» о предоставлении дополнительных пособий для осуществления сети школ, составленной без участия губернской организации [8].

Особенной критике подверглись разработанные уездными земствами новые школьные сети с

использованием различных систем расчёта. Помимо трёхвёрстного радиуса, учитывались полтора- и двухвёрстные варианты. Наибольшее разнообразие наблюдалось в подсчётах количества детей, нуждающихся в обучении. Так, в Подольском уезде по данным волостных правлений насчитывалось 10837 детей школьного возраста, по сведениям священников – 8244, по статистике губернской управы – 8751, а школьная сеть уездным земством планировалась на 9948 детей. Сравнение сведений по различным уездам приводило к поразительным результатам: так, в Можайском уезде для обучения 5679 потенциальных учащихся предполагалось нанять на земскую службу 88 учителей, в Верейском уезде для 4578 детей – 113 преподавателей [9].

Столь резкая оценка губернской управой деятельности уездных учреждений вызвала неоднозначную реакцию со стороны губернских гласных. В частности, председатель Можайской управы граф Ф.А. Уваров высказался против ведущей роли губернского земства в деле народного образования, утверждая, что и до 1896 г., и после уезды «являются вполне самостоятельными». Известный деятель народного образования Н.Н. Хмелев, напротив, предлагал все выдачи министерских пособий объединить в губернском земстве, чтобы уезды не затрачивали «излишние силы». Возможность такого объединения подтвердил председатель губернской управы Н.Ф. Рихтер, указавший, что уездные учреждения сами должны обратиться с соответствующими ходатайствами [10]. До тех пор, пока ситуация оставалась невыясненной, губернское земство решило фиксировать пособия имени Д.А. Наумова в ежегодном размере 70 тысяч рублей, сохранить приплаты к жалованию учителей, по-прежнему выдавая ссуды на постройку школ и ремонт зданий. В заключение своего доклада губернская управа подчёркивала, что «предстоящие губернскому земству задачи велики и наступает момент для его широкой деятельности» [11].

В 1910 г. земствами Московской губернии у МНП было испрошено 472,5 тысячи рублей пособий и ссуд. Указанные ходатайства были удовлетворены, но министерство поставило перед уездными земствами ряд дополнительных условий. В числе прочего предлагалось: освободить сельские общества от расходов по хозяйственной части (ремонт, отопление и освещение школ); принять на земский счёт содержание министерских училищ; обеспечить возможности обучения в земских школах детей, причисленных к церковно-приходской училищной сети, в том случае, если епархиальное ведомство не откроет новые комплекты в срок. Протест по поводу двух последних пунктов поступил от Дмитровского уездного

земства, которое указало на противоречие министерских условий закону. И хотя МНП сообщило о принятии этих пунктов частью уездных земств (Бронницким, Коломенским, Звенигородским и др.), губернская управа поддержала постановления Дмитровского уезда. В ходатайстве перед правительством губернское земство просило отменить «вновь возлагаемые обязательства» и все вопросы, возникающие в связи с министерскими пособиями, разрешать в будущем на совещаниях председателей уездных управ [12].

Тем не менее, в последующие годы земствам всё-таки пришлось зачислять детей из районов церковно-приходских школ и принимать участие в содержании министерских училищ. Причина изменения позиции земств заключалась в том, что органы самоуправления нуждались в казённой финансовой помощи и должны были учитывать стремительно возрастающие её объёмы. В 1911 г. на нужды народного образования в Московской губернии от МНП поступило 416, в 1912 г. – 578, в 1913 г. – 814 тысяч рублей. На 1914 г. испрашивалось уже 1,9 млн. рублей (или около половины всех земских средств, ассигнованных по смете на просвещение) [13].

Вполне закономерным оказался итог возросшей зависимости земства от казённых средств. В 1914 г., в связи с начавшейся Первой мировой войной и увеличением расходов на армию, земства недополучили более 2/3 правительственных пособий и ссуд. Это стало ярким проявлением инертности государственного механизма финансирования. В ходатайстве, обращённом губернской управой к МНП говорилось, что «из тяжёлого положения, в которое поставлены уезды, израсходовавшие свою кассовую наличность в ожидании министерских сумм, они могут быть выведены только наискорейшим получением... пособий и ссуд». В ответе, полученном через канцелярию губернатора, говорилось, что «...вследствие сокращения кредитов по обстоятельствам военного времени», денежная помощь поступит «лишь на те школьные здания, к постройке которых земствами было приступлено» к моменту назначения пособий. Далее сообщалось, что министерство «лишено возможности» оплатить постройку зданий очереди 1914 г. и оборудовать вновь открытые комплекты школ [14]. Но уже в 1915-1916 гг. государственное финансирование возобновилось в объёме до 1 миллиона рублей ежегодно.

Таким образом, несмотря на всевозможные недоразумения и трения во взаимоотношениях между земскими учреждениями и министерством, количество народных училищ в губернии к 1916 г. возросло до 1354, а число школьных комплектов – до 2375 [15]. Это означало, что планы по введению всеобщего были выполнены. И достичь столь

внушительного результата земские учреждения смогли, в том числе, благодаря целенаправленной финансовой политике государства.

В то же время исследования статистиков показали, что *выполнение планов по устройству школьной сети не означало достижения общедоступности первоначального обучения*, поскольку даже при наличии школы в самом селении её посещаемость крестьянскими детьми оказалась не абсолютной. Причина заключалась в том, что притягательная сила школы была парализована сопротивлением той экономической среды, в которой ей приходилось действовать, и народное образование находилось в прямой зависимости от материальных условий крестьянского хозяйства.

По данным статистика П.А. Вихляева, посещаемость школ повышалась с увеличением земельного надела крестьянской семьи. Решающее воздействие на обучение оказывали промысловые занятия населения. Отхожие промыслы способствовали росту посещаемости школ, а местные – являлись сдерживающим фактором. Наибольшее количество учащихся детей приходилось на районы, где мужчины работали на машиностроительных заводах (95% мальчиков), а женщины – на ткацких и фарфоровых фабриках (до 56% девочек). Это объясняется высоким спросом на грамотных рабочих при механизированном производстве. Минимальный интерес к образованию отмечался в местностях с преобладанием мужского сельскохозяйственного труда (46% учащихся мальчиков) и женских элементарных промыслов – крючечного и цепочного (около 30% учащихся девочек) [16]. Практически повсеместно девочки не завершали начальное обучение и покидали школу, чтобы помогать в домашнем хозяйстве. Напротив, заинтересованность крестьян в образованности мальчиков поставила перед земством проблему увеличения сроков обучения. Крестьяне промышленных уездов Московской губернии проявляли заинтересованность в расширении курса обучения, полагая, что школа должна давать такие знания, которые позволяли бы ученикам поступать в средние учебные заведения, и «подготавливать такие условия, чтобы... дети доходили и до университета» [17].

Учитывая потребности населения, одновременно с процессом реализации министерских программ по введению всеобщего губернской управой был подготовлен проект устройства училищ с 6-годовичным курсом обучения. В 1908 г. соответствующие материалы были переданы на рассмотрение уездным земствам, и мнения гласных по ним оказались крайне разноречивыми. К примеру, Верейское земство ходатайствовало об устройстве сельскохозяйственной школы, в Сер-

пуховском уезде предлагалось продолжить реализацию программы всеобща с 4-летним курсом, коломенские земцы высказывались о несоответствии «повышенных» школ потребностям населения. Несколько земств (Волоколамское, Клинское и Можайское), рассчитывая на дополнительное губернское финансирование, поддерживали инициативу проведения эксперимента. В то же время Дмитровское и Московское земства указали на ряд недостатков предложенного управой проекта, а именно: узкий район обслуживания школы и превращение образовательных программ в обычный курс для 3-классных начальных училищ. Рузские гласные оказались наиболее категоричными и признали 6-годичные школы «неприемлемыми» [18].

Губернская управа, желая получить более весомую поддержку своих инициатив, подготовила к первому общеземскому съезду по народному образованию, проходившему в Москве в августе 1911 г., усовершенствованные программы. И хотя в постановлениях съезда отмечалось, что основой начального обучения должна стать 4-летняя школа, наряду с ней признавалась желательность устройства училищ с 6-годичным курсом. Тем не менее, статистика по действующим 4-летним школам показала замедленные темпы их устройства: если в среднем по России в 1910 г. они составляли 23% от общего числа земских школ, то в Московской губернии – 6% [19].

Идеи распространения шестилетнего образования получили продолжение в 1913 г., когда губернское земство приняло специальные «Правила» выдачи ссуд и пособий для организации двухклассных училищ. На условиях равных ассигнований с уездными земствами планировалось из губернских фондов выдавать доплаты к жалованию преподавателей и обеспечивать снабжение школ наглядными пособиями. Однако инициативу по дальнейшему созданию двухклассных училищ МНП постаралось сконцентрировать в своём ведомстве. В 1913-1915 гг., заручившись поддержкой уездных земств, министерство приняло решение о создании в Московской губернии в течение ближайших десяти лет нескольких школ «повышенного» типа. Несмотря на финансовые сложности военного времени, к 1916 г. было организовано 23 школы с 5-м и 6-м отделениями, а в проекте на следующий год предполагалось открыть еще три двухклассных училища [20]. Таким образом, используя теоретические наработки земцев, министерство в значительной степени способствовало реализации этой программы.

Подводя общий итог земских мероприятий по введению всеобща, заметим, что уездные учреждения Московской губернии одними из первых в масштабах всей земской России завершили

формирование трёхвёрстной школьной сети и обеспечили комплектность училищ (т.е. наличие одного педагога на 50 учеников). Примечательно, что большинство школ удалось разместить в специально оборудованных зданиях. Учитывая рост потребностей крестьянского населения в «повышенном» образовании, земства приступили к созданию училищ с 6-летним сроком обучения. Но во многих своих начинаниях органы местного самоуправления уже не могли обходиться без государственного финансирования. В то же время увеличение размеров казённых дотаций привело к снятию лишь части проблем, создавая дополнительные сложности и конфликты. Политика министерства просвещения, направленная на ограничение полномочий земства, превращала органы самоуправления в механизм для перераспределения государственных средств и ставила земского учителя в разряд служащих правительственных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Материалы по вопросу о введении всеобщего обучения в Московской губернии. М., 1896. – С. 1, 14-29.
2. Более высокие показатели были лишь в Прибалтийских губерниях.
3. Статистический ежегодник. За 1900 г. – М., 1900. §8. Приложение.
4. Там же. За 1907 г. – М., 1908. Гл. 7. – С. 1-2; Статистика общедоступности начального обучения в Московской губернии / Сост. Н.Я. Казимиров. М., 1909 (Материалы по статистике Московской губернии. Вып. 1). – С. 27.
5. Центральный исторический архив г. Москвы. Ф. 184. Оп. 6. Д. 479. Л. 7-8 (далее - ЦИАМ).
6. Финансовая помощь земствам оказывалась на основании трёх юридических актов: закона 3 мая 1908 г. «Об отпуске 6,9 млн. рублей на нужды народного образования», закона 10 июня 1909 г. «О дополнительном отпуске из государственного казначейства средств...» и закона 22 июня 1909 г. «Об образовании министерством народного просвещения школьного строительного фонда».
7. Доклад Московской губернской земской управы Московскому губернскому земскому собранию очередной сессии 1909 г. № 2. – М., 1909. – С. 16-24 (далее - ДМГЗУ ...оч. сесс.).
8. Там же. – С. 1-4.
9. Там же. – С. 7-8.
10. Журналы Московского губернского земского собрания очередной сессии 1909 г. – М., 1910. – С. 4, 8.
11. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1909 г. – № 2. – С. 11-16.
12. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1910 г. – № 26. – С. 1-6.
13. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1911 г. №2. – С. 132-133; ...оч. сесс. 1912 г. №2. – С. 13; ...оч. сесс. 1913 г. №2. С.16.
14. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1914 г. №2а. – С. 7-8; ...оч. сесс. 1915 г. №2. – С. 102-103.
15. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1916 г. № 2. – С. 2-3.
16. Вихляев П.А. Экономические условия народного образования в Московской губернии. М., 1910 (Материалы по статистике Московской губернии. Вып. 3).

– С. 27-51.

17. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1905 г. № 2. – С. 51-54.

18. ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 6. Д. 105. Л. 10; Д. 485. Л. 5-6, 34-50.

19. Проект народной школы с шестигодичным курсом. М., 1911. С. 206-215.; Постановления первого общеземского съезда по народному образованию. – М., 1911. – С. 4, 9-15.

20. ДМГЗУ ...оч. сесс. 1913 г. №2. – С. 19-20; ...оч. сесс. 1915 г. № 2. С. 14; ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 6. Д. 847. Л. 1-2; Ф. 193. Оп. 1. Д. 33. Л. 19-20.

P. Galkin

MOSCOW ZEMSTVO AND THE GOVERNMENTAL

TAL PROGRAM OF INTRODUCTION OF GENERAL EDUCATION

Abstract. The author examines the actions of the Moscow zemstvo for realisation of the governmental program of introduction of general education. Thanks to joint financing of the state and a zemstvo in the Moscow region it was possible to generate a three-verst system of schools. However the increase in the sizes of state grants was accompanied by restrictions of powers of zemstvo that led to conflicts in their mutual relations with the state structures.

Key words: zemstvo and general education.

Новейшая история России

УДК 947.084.2

Макутчев А.В.

ТУЛЬСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ В 1918-1923 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. Статья посвящена изучению начального периода становления и развития Советского государства. На примере Тульской губернии рассмотрен процесс создания новой судебной системы, выявлены особенности условий работы, компетенции, представлены характеристики кадров и обобщены статистические сведения, характеризующие деятельность Тульского губревтрибунала в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: революционный трибунал, судебная система, Гражданская война.

Тема трибунальной юстиции периода гражданской войны все чаще оказывается в сфере внимания историков. Интерес к этой тематике в исторической науке возник в 20-е гг. XX в. и был поддержан работами советских историков и юристов, старавшихся систематизировать опыт функционирования ревтрибуналов [1]. Исследователей интересовали ревтрибуналы как часть судебной системы в целом: их задачи, место в иерархии правоохранительных органов и т.д. Статистические показатели работы трибуналов, характеристика их кадрового состава зачастую оставались вне поля зрения [2].

Попытки восполнить эти пробелы предпринимаются с начала 90-х гг., когда деятельность революционных трибуналов стала предметом междисциплинарных исследований. Историки исследуют революционный трибунал как особый институт государственной власти, показатели деятельности которого (количество рассмотренных дел и зафиксированных преступлений, социальный портрет осужденных) дают важные сведения для составления картины политической и социально-экономической обстановки в регионе и в стране в целом. Юридическая наука рассматривает революционные трибуналы как органы чрезвычайного правосудия, анализ деятельности которых позволяет рассмотреть степень эффективности судебной системы, обоснованность и

эффективность применения конкретных мер по борьбе с преступностью [3].

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать деятельность региональных революционных трибуналов по материалам Тульской губернии; выявить их компетенцию и направления деятельности, определить механизм отправления чрезвычайного правосудия на местах. Источниковую базу исследования составили впервые вовлекаемые в научный оборот архивные данные Государственного архива Тульской области. Они содержат статистические и делопроизводственные документы: описи дел, реестры осужденных, стенограммы заседаний, отчеты о деятельности, переписку с центральными органами власти, анкетные данные о сотрудниках трибунала.

Система революционных трибуналов была сформирована в 1918 г. Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. поделил всю судебную систему на три ветви: суды общей юрисдикции (народные суды); революционные военные трибуналы; территориальные революционные трибуналы. Народные суды рассматривали гражданские и уголовные дела о должностных и общеуголовных преступлениях – взяточничестве, кражах и т.п. [4]. Революционные военные трибуналы были призваны бороться с воинскими преступлениями – дезертирством, уклонением от призыва. Революционные трибуналы, согласно Положению о революционных трибуналах, представляли собой «чрезвычайные суды для борьбы с контрреволюционными преступлениями» [5].

В Тульской губернии Революционный трибунал (ТГРТ) был образован 27 января 1918 г. Его компетенция была очерчена Декретом о суде рамками «борьбы против контрреволюционных сил, решения дел о мародёрстве и хищничестве, саботаже и прочих злоупотреблениях торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» [6]. Однако на практике трибунал рассматривал дела не только о контрреволюционных преступлениях (восстаниях,

* © Макутчев А.В.

саботаже), но и о должностных (взяточничестве, растратах, хищениях), воинских (дезертирстве, уклонении от призыва) и общеуголовных преступлениях (разбое, кражах, хулиганстве) [7]. Из 5 470 дел, рассмотренных ТГРТ в 1918-1923 гг., 1 368 дел (25%) касались контрреволюционных преступлений, 2 118 (39,5%) – должностных, 1 352 (25%) – воинских, 630 (11,5%) – общеуголовных [8]. Чем объяснить тот факт, что орган борьбы с контрреволюцией рассматривал дела, не относящиеся к его компетенции? Во-первых, система общих (народных) судов в 1918 г. только начала формироваться, работников не хватало (лучших сотрудников направляли в ревтрибуналы и ЧК) [9]. В Тульской губернии народные суды были образованы только к 1 февраля 1919 г., и в этой ситуации уголовными преступлениями, кроме ревтрибуналов, заниматься было некому. Во многих регионах создание трибуналов опережало создание народных судов, причиной чему была заинтересованность местных властей в условиях Гражданской войны именно в чрезвычайных органах правосудия [10]. По замечанию П.И. Стучки, «трибуналы в провинции стали чрезвычайно популярны, они были повсюду и местами стали монополистами правосудия, единственной судебной властью» [11].

Во-вторых, законодательство четко не разграничивало полномочия ревтрибуналов и общих судов, что мешало определению подсудности дел. Сохранились донесения, в которых Тульский ревтрибунал обращался к центральным органам власти с просьбами о разграничении компетенции с другими правоохранительными и судебными органами губернии [12]. Однако четких указаний о квалификации преступлений из центра не поступало, что толкало местные ревтрибуналы к самостоятельности. Так, Смоленский ревтрибунал в категорию общеуголовных преступлений включал антисемитизм и в 1919 г. осудил за него трех крестьян [13]. Воронежский ревтрибунал относил к общеуголовным преступлениям мародерство, в то время как Тульский ревтрибунал считал мародерство воинским преступлением [14]. Многие преступления в той или иной степени содержали в себе признаки контрреволюционности, что становилось причиной их рассмотрения именно ревтрибуналами, а не общими судами. Так, должностные преступления (взяточничество, растраты) приводили к расхищению государственной собственности и дискредитировали власть в глазах населения.

Слабость законодательной базы усугублялась неясностью подотчетности ревтрибуналов. Тульский ревтрибунал формально подчинялся Наркомату юстиции в лице Тульского губернского отдела юстиции, но на деле был подотчетен Совету. Председатель ТГРТ, его заместители и следователи избирались Советом на 3 месяца и могли быть

отозваны им до истечения срока [15]. Совет нередко вмешивался в дела ревтрибунала, требуя, к примеру, смягчения наказания или освобождения от ответственности партийных работников под предлогом их «ценности» [16]. Это подчеркивает высокий уровень зависимости ревтрибуналов от местных партийных органов. С одной стороны, это должно было обеспечить единство карательной политики, с другой – превращало независимость судей в фикцию, что приводило к субъективности в их работе.

Внутренняя структура ТГРТ включала в себя 4 отдела, выделенных по принципу разделения полномочий: общий, налоговый, дезертирский и выездной. Общий отдел организовывал судебные заседания, вел реестры поступавших дел, готовил отчеты о деятельности и сообщался с центральными органами судебной власти. В сферу компетенции налогового отдела входили преступления, связанные с неуплатой продналога и укрывательством хлеба. Военный отдел боролся с преступлениями военнослужащих, дезертирством и укрывательством дезертиров. В задачи выездного отдела входило разрешение дел об аграрных беспорядках и массовом дезертирстве с выездом сотрудников в уезды и волости, где квалифицированных кадров не хватало. При ревтрибунале была образована Следственная комиссия из шести человек, избираемых Советом; функции защиты и обвинения осуществляла Коллегия правозащитников [17].

Деятельность ТГРТ в 1918-1923 гг. была обусловлена обстоятельствами Гражданской войны и общей обстановкой в губернии. 25% от всех рассмотренных трибуналом дел составляли дела о «контрреволюционных преступлениях». Четких разъяснений о трактовке этого понятия на местах не поступало, поэтому провинциальные трибуналы трактовали его по-разному. К примеру, Смоленский трибунал к контрреволюционным преступлениям относил дезертирство и злоупотребление властью [18]. Тульский ревтрибунал в этот разряд включал антисоветскую агитацию, крестьянские восстания и политический бандитизм (убийства должностных лиц) [19]. Волна крестьянских волнений не стихала в губернии на протяжении 1919-1921 гг.: каждое второе дело о контрреволюции в этот период касалось восстаний в деревне [20]. Волнения нередко сопровождалась расправами над должностными лицами: только за лето 1919 г. в губернии было убито 63 чиновника, в их числе – 22 председателя волостных и уездных исполкомов [21]. К массовым выступлениям приводило недовольство крестьян реквизициями и продразверсткой, а также крестьян-дезертиров, не желавших возвращения на фронт. Определить реальных зачинщиков восстаний было почти невозможно, поэтому обычным наказанием было наложение

контрибуций на целые волости [22].

58,5% всех рассмотренных ТГРТ дел составляли дела о должностных преступлениях – взяточничестве, растратах, хищениях и злоупотреблении властью. Эта категория преступлений получила широкое распространение в среде губернского чиновничества: среди осужденных в 1918-1923 гг. за эти преступления были военные и продовольственные комиссары, милиционеры, рядовые чиновники и два губернских комиссара финансов [23]. Факты получения взяток, растрат и разгульного образа жизни зачастую были связаны с невысоким уровнем дохода советского чиновника: средний оклад трибунального работника в ноябре 1918 г. составлял 300 руб. (в ценах того времени буханка ржаного хлеба стоила 18 руб., зимнее пальто - 750 руб.) [24]. Современники объясняли должностные преступления социальным происхождением. Большинство чиновников происходили из беднейших крестьян, которые до того не имели доступа к деньгам и дорогим вещам, поэтому при поступлении на службу соблазн украсть казенные деньги и «пожить на широкую ногу» был очень велик [25].

Под воинскими преступлениями ревтрибунал понимал в первую очередь дезертирство, которое охватывало все формы уклонения от военной службы: «самовольное оставление поля боя или полка, неявку на призывные пункты, уклонение другими способами» [26]. За время работы ТГРТ за дезертирство было осуждено около 6 тысяч человек – 35% от числа всех осужденных. Дезертиры, в массе своей крестьяне, частью вступали в банды, частью – возвращались в свои села, где на них устраивали «облавы» члены комиссий по борьбе с дезертирством. Обычным наказанием для дезертира был условный (вступал в силу в случае повторного дезертирства) приговор к заключению в концлагерь с последующей отправкой на фронт [27]. На фронте люди были нужнее, чем в тюрьмах. Широко практиковалась такая мера наказания, как направление в штрафную роту с условным смертным приговором. ТГРТ только в 1919 г. вынес 150 подобных приговоров [28]. Фактически эти приговоры в исполнение не приводились – осужденные либо искупали свою вину, либо погибали в боях [29]. Обилие условных приговоров указывает на то, что в деятельности ревтрибуналов на первый план выходила не суровость наказания, а его пропагандистское и воспитательное воздействие. Так, расстрел дезертиров Тульским ревтрибуналом применялся редко и только по отношению к рецидивистам. В Туле с января по июль 1919 г. было осуждено 198 дезертиров-рецидивистов, расстреляно – 8 (4%) [30].

Четвертым направлением деятельности губревтрибунала являлась борьба с общеуголовными

преступлениями (11% от всех разрешенных трибуналом дел) [31]. Само по себе рассмотрение ТГРТ общеуголовных дел, формально ему не подсудных, можно объяснить дефицитом кадров в общих судах, которые и должны были заниматься этой категорией преступлений. Характерно, что ревтрибунал вынес приговоры лишь по 15% подобных дел, остальные дела были признаны «маловажными» и были переданы в народные суды [32]. Это подчеркивает особый статус ревтрибуналов в условиях военного времени: они были выше народных судов, и дела поступали в первую очередь в трибуналы, где и проходила их сортировка.

В условиях отсутствия четкой законодательной базы, «чрезвычайщины» периода гражданской войны особую значимость для отправления правосудия приобретала личность сотрудника ревтрибунала. Не получая указаний сверху, трибунальным служащим приходилось разрешать дела на основе собственных юридических познаний. При этом государство слабо регламентировало порядок найма и требования к сотрудникам ревтрибунала, что можно объяснить ситуацией «кадрового голода» – недостатка квалифицированных и опытных кадров. Значительная часть сотрудников приходила в ТГРТ в возрасте 26-30 лет, имея за спиной небольшой опыт трудовой деятельности, обычно гражданской: в качестве булочников, слесарей, конторщиков. Лишь 25% следователей трибунала ранее имели опыт работы в суде либо готовились к юридической практике, получив юридическое образование [33]. Эта ситуация была характерна для системы комплектования трибунальных кадров: главными требованиями к сотрудникам были не образование и опыт работы, а партийность и пролетарское происхождение. Представитель Воронежского губисполкома в мае 1918 г. писал местному Совету: «Весь следственный персонал ревтрибунала состоит из обывателей-беспартийных. Такое явление недопустимо. Обывательская буржуазная интеллигенция ведет следствие и судит партийных товарищей» [34].

Уровень образования тульских трибунальных работников был несколько выше, чем в соседних губерниях (53% служащих ТГРТ имели среднее образование, 26% – высшее, остальные – начальное; служащие Смоленского ревтрибунала – соответственно 27%, 11% и 62%, Нижегородского – 9%, 10% и 81%) [35]. Из 156 сотрудников ревтрибунала 32 человека (20,5%) проработали в трибунальной структуре не больше месяца, 43 (28%) – от одного месяца до трех. Лишь 6 сотрудников (4%) проработали в ТГРТ более 2 лет [36]. Следствием подобной текучки было затягивание судопроизводства, поскольку новому сотруднику требовалось время, чтобы войти в курс дела (в среднем одно дело рассматривалось в ревтрибунале 4-5 месяцев), и

ошибки при ведении следствия.

В Тульском ревтрибунале 85% следователей были коммунистами, социальное происхождение также было однородным – крестьяне и рабочие. Исследователи по этому поводу отмечали, что «классовый состав работников соответствовал направленности деятельности ревтрибунала – судить контрреволюционные слои (буржуазию, дворянство)» [37]. Однако на практике классовый принцип не действовал – основную массу осужденных составляли крестьяне и рабочие. В 1919 г. из 650 человек, осужденных Тульским трибуналом, 543 были крестьянами (83%), 42 – рабочими (6,5%) и 65 (11,5%) относились к интеллигенции, в графе «буржуазия» был прочерк [38].

В целом в 1918-1923 гг. Тульский губревтрибунал проделал большую работу по борьбе с преступностью в регионе, рассмотрев более 5 тысяч дел, и был закрыт в феврале 1923 г. В соответствии с судебной реформой 1922 г. вся подсистема революционных трибуналов как чрезвычайных судов в связи с окончанием Гражданской войны упразднялась. Функции ревтрибуналов и все находившиеся в производстве дела о контрреволюционных и общеуголовных преступлениях передавались соответственно в Губчека и народные суды [39]. Опыт, накопленный ревтрибуналами, кадровый состав, перешедший работать в судебные и правоохранительные органы, оказали влияние на развитие советского суда в 30-е гг. XX в.

Таким образом, рассмотрение деятельности Тульского губернского ревтрибунала позволяет выявить особенности всей системы революционных трибуналов Советской России:

1) компетенция ревтрибуналов на практике была шире заявленной законодательством. Они брали на себя рассмотрение не только контрреволюционных, но и должностных, воинских и общеуголовных преступлений. Это было обусловлено законодательной неразграниченностью компетенции ревтрибуналов и других правоохранительных структур регионов;

2) ревтрибуналы находились в зависимости и под контролем местных партийных органов, что стало одним из проявлений формировавшегося однопартийного режима большевистской диктатуры;

3) деятельность трибуналов зависела от экономической и политической ситуации на местах, что обуславливало специфику деятельности ревтрибуналов в каждом регионе. Эффективность ревтрибуналов в борьбе с преступностью также определял уровень подготовленности кадров, который во многих регионах был невысок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крыленко Н. Революционные трибуналы // Вестник жизни. 1918. №1; Стучка П. Первые революционные
2. Родин Д. Революционные трибуналы в 1920-1922 гг. // Вестник статистики. М., 1989; Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987; Смирнов Н.Г. Высшие суды революции. 1918-1922 гг. М., 1990.
3. Перцев В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917-1923 гг. // Вестник ВГУ. 2008. №1; Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918-1922 гг.): По Пензенской губернии: дис... канд. ист. наук. Пенза, 2004; Федоренко П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917-1922 гг.): дис... канд. ист. наук. – Смоленск, 2006; Кострова О.В. Судебные преобразования в России в 1917-1922 гг. (на примере Нижегородской губернии): дис... канд. ист. наук. – Владимир, 2008.
4. Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 гг. М., 1957/
5. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России. М., 1990.
6. Декреты Советской власти. М., Т. 3. С. 124-126.
7. Государственный архив Тульской области (далее: ГАТО). Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2122. Л. 17-20, 22-24.
8. Там же. Д. 2130. Л. 34-50; Д. 2134 Л. 30-33; Д. 841 Л. 3-19.
9. Там же. Д. 841. Л. 72-73; Д. 780. Л. 25-26.
10. Портнов В.П., Славин М.М. Указ. соч.
11. Стучка П. Указ. соч.
12. ГАТО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 230. Л. 11; Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2122. Л. 17-20, 22-25, 31-34; Д. 2134. Л. 18-21.
13. Федоренко П.П. Указ. соч.
14. Перцев В.А. Указ. соч.
15. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 1826. Л. 84-86; Д. 2134. Л. 11-19.
16. Там же. Д. 2134. Л. 14, 17-22; Д. 841. Л. 32-38; Д. 2122. Л. 17-22.
17. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 230. Л. 66-69, 73-83.
18. Федоренко П.П. Указ. соч.
19. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2134. Л. 42-45; Д. 565. Л. 38, 44-48.
20. Там же. Д. 2122. Л. 3-13; Д. 2130. Л. 45-49.
21. Там же. Д. 780. Л. 14-15, 17-19, 22-25.
22. Там же. Д. 2130. Л. 11-18, 22-24; Д. 780. Л. 25-28.
23. Там же. Д. 2118. Л. 121-123; Д. 2130. Л. 19-22.
24. Там же. Д. 2122. Л. 17-20, 22-27.
25. Там же. Д. 2130. Л. 45-58; Д. 565. Л. 25-26, 33-36.
26. Там же. Д. 2130. Л. 52-53.
27. Там же. Д. 2127. Л. 60-62; Д. 841. Л. 134-137.
28. Там же. Д. 2122. Л. 30-34.
29. Перцев В.А. Указ. соч.
30. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 780. Л. 22-25, 42-46; Д. 2127. Л. 66-68.
31. Там же. Д. 2130. Л. 19-20.
32. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 229. Л. 16, 22-29; Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2130. Л. 31-33.
33. Там же. Д. 565. Л. 25, 27-33; Д. 2130. Л. 19-23.
34. Перцев В.А. Указ. соч.

35. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2130. Л. 93-95; Федоренко П.П. Указ. соч.; Кострова О.В. Указ. соч.
 36. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2127. Л. 66-68; Д. 2118. Л. 125-130.
 37. Смирнов Н.Г. Указ. соч.
 38. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 849. Л. 23-40.
 39. Там же. Д. 2122. Л. 93-95; Ф. 717. Д. 230. Л. 22-24.

A. Makutchev

ACTIVITY OF REVOLUTIONARY TRIBUNAL OF
THE TULA PROVINCE IN 1918-1923

Abstract. The article is devoted to the investigation of the beginning period of establishing and development of the Soviet Union. On the example of Tula province the process of creation of the new judicial system is analyzed. The author shows features of working conditions, the competence, the characteristic of employees and the statistic of activity of the Tula provincial revolutionary tribunal in the years of Civil war.

Key words: revolutionary tribunal, the judicial system, the Civil war.

УДК 94 (470. 332) «1918 / 1920»

Якушев П.А.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЮ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация. В статье на основе не опубликованных ранее архивных материалов рассматривается (на примере Смоленской губернии) финансовая политика Советской власти по поддержке коллективных хозяйств. Автор делает вывод о том, что цели этой политики в немалой степени не были достигнуты из-за масштабных трат на содержание советской бюрократии и осевших в финансовых структурах губернии крупных суммах «неизрасходованных средств».

Ключевые слова: смета, кредитование, Миллиардный фонд, коллективные хозяйства, финансовая политика.

«Коммунизация» сельского хозяйства являлась главной целью аграрной политики большевиков в годы «военного коммунизма», в связи с чем организации коммун и артелей новая власть придавала огромное значение и потому оказывала им масштабную поддержку.

В целях налаживания финансовой поддержки коллективных хозяйств Советское правительство приняло ряд постановлений. Так, 2 июля 1918 года Совнарком утвердил постановление «Об утверждении проекта декрета об отпуске средств на мероприятия по поддержке земледельческих коммун» [1]; 3 июля увидело свет постановление «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земледельческих коммун» [2]; 3 августа – «Об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельных органов и организацию земледельческих коммун» [3]; 24 августа – Народным Комиссариатом Земледелия

были утверждены «Правила выдачи ссуд сельскохозяйственным производственным коммунам» [4; 5, 13-14].

Новая власть выделяла коллективным хозяйствам большие кредиты на покупку скота, инвентаря, семян, ремонт помещений и т. д. Так, к октябрю 1918 г. Западная область (в состав которой тогда входила Смоленская губерния) получила от государства для выдачи ссуд коммунарам 500 тысяч рублей, что составляло 1/13 долю всех средств, выданных государством коммунам страны.

Кредитование коллективных хозяйств приобрело ещё больший размах после принятия 2 ноября 1918 г. декрета Совета Народных Комиссаров об образовании специального фонда «в размере одного миллиарда рублей для выдачи пособий и ссуд на мероприятия по улучшению сельского хозяйства» [6, 70].

К началу 1919 г. подавляющее большинство коллективных хозяйств Смоленской губернии находились в тяжёлом экономическом положении, и с целью оказания им финансовой помощи большевики направляли на их развитие значительные средства. В частности, в конце 1918 г. Смоленским Губернским земельным отделом была составлена и подана на рассмотрение в Народный комиссариат земледелия «Смета на получение ссуд и пособий сельскохозяйственным трудовым коммунарам и артелям на 1-е полугодие 1919 г.». Согласно ей на поддержку коллективным хозяйствам губернии на указанный период выделялось 10 273 000 руб [7]. Однако, Народный комиссариат земледелия РСФСР рассмотрел эту смету и признал её «завышенной». В итоге на 1-е полугодие 1919 года Смоленщина получила вместо запрашиваемых 10

* © Якушев П.А.

млн. лишь 3 млн. руб., из которых 2 996 000 руб. были израсходованы на выдачу ссуд коллективным хозяйствам [8, Л. 8об].

На 2-е полугодие 1919 г. Смолгубземотдел составил смету по кредитованию коллективных хозяйств на сумму 61 658 258 руб., однако Управление по делам Миллиардного фонда, изучив «Объяснительную записку к сметам по коллективным хозяйствам Смоленской губернии», обнаружило в ней массу «натяжек» и «искажений». Так, если в «Записке» было указано 913 коллективов, нуждающихся в кредитовании, то по данным Учётного отделения НКЗ РСФСР их было 538 (389 коммун и 149 артелей), т. е. на 375 меньше. «Смета составлена широко, — отмечалось в докладе Управления по делам Миллиардного фонда при НКЗ РСФСР, — тут и показательные пасеки и плодовые питомники и промышленные огороды, — организация ремонтных стад; ремонт и устройство круподерок, мельниц, лесопилок, маслобойных, сыроваренных и крахмальных заводов». Далее в докладе подчёркивалось, что по пунктам закупки лошадей, травосеяния, закладки садовых питомников, оборудования технических производств и устройства огородов «допущены преувеличения», в результате которых отдельные мероприятия, намеченные по смете, «в размерах превышали потребности не только коллективов, но и всей губернии» [8, 8 об].

В итоге Управление по делам Миллиардного фонда перевело в распоряжение Смолгубземотдела на выдачу кредитов коллективным хозяйствам не 61 млн. рублей, а 5 млн. Таким образом, Смоленщина в 1919 г. получила из Миллиардного фонда 8 млн. рублей. Рассмотрим, как эти деньги были использованы.

Изученные по этому вопросу архивные материалы приводят к выводу, что с финансированием коллективных хозяйств на Смоленщине было не всё так просто. Поясним.

Первое, что вызывает серьёзные вопросы, это непомерно большое число отказов Губернского миллиардного комитета на заявления коллективов об отпуске денежных средств. Сразу оговоримся: документация по данному вопросу грешит явными нестыковками и неточностями, что ещё более затуманивает довольно странные обстоятельства проведения кредитных операций. Начнём с того, что по архивным данным о «Субсидировании сельскохозяйственных коллективов в 1919 г. из средств миллиардного фонда» полученные Губернским миллиардным комитетом 8 млн. руб. были израсходованы следующим образом:

1) На приобретение мёртвого и живого инвентаря (срок возврата кредита от года до пяти лет) – 462 700 руб.; 2) Возведение и ремонт построек и устройство сельскохозяйственных заведений (срок возврата от 5 до 10 лет) – 619 700 руб.; 3)

Осушка, орошение, расчистка неудобных земель и укрепление почвы (срок возврата от 10 до 15 лет) – 189 000 руб.; 4) Без указания срока и целей кредитования – 2 514 869 руб. 94 коп.; 5) Пособия на организацию хозяйств, остающихся значительное время безлошадными или разрушенными – 35 000 руб. Всего выдано ссуд пособий — 3 821 269 руб. 94 коп. [9, 514-515].

Самое удивительное то, что из 8 млн. руб., перечисленных из Москвы, в течение 1919 года между коллективами было распределено менее 50 % всей суммы, а 4 178 730 руб. 6 коп. остались вообще «неизрасходованными». Почему? Документы, фиксирующие распределение денежных кредитов в 1919 г. (имеются данные с начала года по ноябрь включительно), приводят к выводу, что чиновники Губернского миллиардного комитета отклонили более половины ходатайств коллективных хозяйств о получении ссуд. Неужели коммуны не нуждались в финансовой помощи? Разумеется нуждались, о чём убедительно свидетельствуют данные Губземотдела и отчёты коллективных хозяйств. Но тогда чем объяснить тот факт, что с января по декабрь 1919 г. от сельхозколлективов в Губмиллком поступило «ходатайств» на сумму 5065908 руб., но только 2 475 700 руб. (48% от всей запрашиваемой коллективами суммы) было «утверждено к отпуску» [8, 291об.]?

Достоверность сведений о перечислении денег из Миллиардного фонда в Губмиллком и их целевом расходовании вызывает определённые сомнения. В архивных фондах Российского государственного архива экономики (РГАЭ) имеются данные о переводе из Миллиардного фонда в Смолгубмилком на первое полугодие 1919 г. 3 млн. руб., из которых к июлю 2 996 114 руб. [8, 8 об.] были израсходованы на выдачу ссуд коллективам. Однако в отчёте Смоленского губернского миллиардного комитета Наркомзему отмечено, что в период с января по ноябрь 1919 г. было утверждено к отпуску ... 2 475 700 руб. [8, 291].

К слову, подобные странности наблюдались и с финансированием коллективных хозяйств других губерний РСФСР. Так, в 1919 г. Тверской губмилком из Миллиардного фонда получил 8 527 960 руб., выдав при этом ссуд всего на 3 350 079 руб. 66 коп.; Московским губмилкомом в 1919 году было получено 6 134 154 руб., при этом выделено ссуд и пособий коллективным хозяйствам на 2 530 953 руб. 52 коп.; Калужским Губмилкомом в этом году получено 6 034 960 руб., выдано ссуд и пособий на 3 435 745 руб. [10, 32] и т. д.

Как выяснилось, субсидирование сельскохозяйственных коллективов Смоленской губернии происходило не только напрямую из Губмилкома, но и через другие организации. Так, Губернский Союз Коллективных Хозяйств с мая

1919 г по декабрь 1920 г. на поддержку коммун и артелей получил 10 300 тыс. руб. Из этих средств 3 680 000 руб. были направлены на приобретение сельхозорудий и машин; 1 400 000 руб. перечислены Краснинскому уездному Союзу коллективных хозяйств на «приобретение разных материалов»; 5 008 800 руб. (около 50% всех средств) было израсходовано ... на содержание аппаратов управления губернского и уездных союзов [11]. Обратим внимание на этот факт, свидетельствующий о том, что Губколхозсоюз в течении полутора лет своей деятельности почти половину полученных из Губернского миллиардного комитета средств израсходовал на содержание чиновников своего центрального и уездных аппаратов управления. Обратим внимание: данная цифра превышает сумму кредитов, выделенных всем коллективным хозяйствам Смоленской губернии на протяжении 1919 года!... К слову, по утверждённой 22 февраля 1919 года на заседании коллегии Смоленского губернского земельного отдела смете на содержание центрального аппарата Губернского коммунального отделения (состоящего из 21 человека) в 1919 году выделялось 415 512 руб. 8 коп., а на поддержку аппаратов уездных коммунальных отделений – 2 439 760 руб. 76 коп. Итого – 2 905 372 руб. 76 коп (около 75 % от всей суммы выделенной коллективным хозяйствам) [12]...

В 1920 г. государство увеличило сумму кредитов коллективным хозяйствам. Например, Смоленский губернский миллиардный комитет получил 40 100 000 руб. (в пять раз больше, чем в предыдущем г.), из которых 13 772 455 руб. 9 коп. было выдано коллективам (в три с половиной раза больше, чем в 1919 г.). Следует отметить, что несмотря на увеличение финансовой помощи коммуна и артелям, в Губмиллкоме (как и в 1919 г.) осталась большая сумма неизрасходованных средств (65%) [10, 32]. К сожалению, причин этого странного обстоятельства установить так и не удалось...

Подведём итоги. Большевики, осуществляя поддержку коллективного землепользования на Смоленщине, направляли из Главного Миллиардного фонда на его поддержку значительные средства. Однако, как установлено, эти суммы были в несколько раз меньше запросов Губернского земельного отдела. Кроме того, из переведённых

в Смоленский миллиардный комитет денежных средств на поддержку коллективных хозяйств было истрачено менее половины. Огромная сумма «ушла» на финансирование бюрократического аппарата губернского и уездных коммунальных отделов и губернского колхозсоюза. Таким образом, кредитование коллективов Смоленщины из средств Миллиардного фонда в годы Гражданской войны не достигло намеченных целей и не привело к ожидаемому росту производительности коммун и артелей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ) Ф. 130. Оп. 2. Д. 2. ЛЛ. 98-99.
2. «Известия». 4 июля 1918 г.
3. «Известия». 6 ноября 1918 г.
4. Государственный архив Смоленской области (ГАСО) Ф. 468. Оп. 2. Д. 14. ЛЛ. 21-21об.
5. Инструкции и положения о коммунах. – М., 1918.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. – М., 1957..
7. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 130. Оп. 1. Д. 348. Л. 50.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 4. Д. 161.
9. Аграрная политика Советской власти (1917-1918 гг.). Сборник документов. – М., 1954.
10. Гуров П.Я. Крестьянин, держись за коммуны. – М., 1920.
11. ГАСО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 15. Л. 14.
12. ГАСО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 314. Л. 23.

P. Yakushev

THE FINANCIAL POLICY OF THE SOVIET POWER ON THE ORGANIZATION AND DEVELOPMENT OF COLLECTIVE LAND TENURE IN DAYS OF CIVIL WAR (ON THE EXAMPLE OF SMOLENSK PROVINCE)

Abstract. In clause on the basis of not published before archival materials it is considered (on an example of Smolensk province) the financial policy of the Soviet authority on supports of collective farms. The author does a conclusion that the purposes of these policy to no small degree have not been reached from - for scale expenditure for the maintenance of the Soviet bureaucracy and settled in financial structures of province to the large sums of "not spent means".

Key words: the estimate, crediting, Milliard fund, collective farms, financial policy.

БЕДНЯКИ В ДОКОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ: КТО ОНИ? (ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация. Статья написана на основе материалов Государственного архива Тульской области. Основное внимание уделяется анализу критериев выделения бедноты в доколхозной деревне: общепринятые показатели бедности, такие, как площадь посева, наличие рабочего скота и др. подвергаются аргументированной критике. Автор анализирует типы бедняков: по нужде, бедняк-разгильдяй; рассматривает сосуществование бедноты с другими группами селян.

Ключевые слова: бедняк, критерии бедноты, трудолюбие, сельскохозяйственный инвентарь, площадь посева.

В отечественной историографии при рассмотрении доколхозного крестьянства значительное внимание уделялось зажиточным селянам, рассматриваемым через призму «классовой борьбы» [18]. Для выделения кулачества использовались различные критерии. Если в 1920-х гг. к кулаку относили крупного арендатора земли, эксплуататора односельчан и т.д., то в начале 1930-х гг. им мог быть объявлен любой, отказавшийся вступать в колхоз [7, 124; 10, 25-28; 11, 115, 135-136; 20, 55-59, 81; 6, 144]. Своего «классового врага» советские идеологи стремились «знать в лицо». Выявлению же союзника пролетарского государства – бедноты и маломощного середнячества – ими уделялось недостаточно внимания. Критерии деревенской бедности варьировали от простых (наличие рабочего скота, площадь посева) до более сложных (подверженность эксплуатации со стороны кулачества). Сейчас историкам нет необходимости соотносить данные источников с идеологическими установками, что позволяет сделать иное осмысление проблем доколхозного села. В нашей работе мы остановимся не только на общепринятых критериях бедняцких хозяйств, но и рассмотрим отношение самих крестьян к бедности. Статья написана по материалам Государственного архива Тульской области. Автор использовал фонды Тульского губернского исполнительного комитета (Р-95), «Тульская губернская газета “Деревенская правда”» (Р-345), Тульского союза воинствующих безбожников (Р-990) и «Ржавский райисполком Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тульской губернии» (Р-1851).

К началу НЭПа в деревне был еще силен

идеал трудолюбивого крестьянина, достигшего собственным трудом благосостояния. Бедность хозяйства обычно считалась результатом постигшего семью бедствия (потеря кормильца, работника, пожар и т.д.) или недобросовестного труда домочадцев. В условиях противоречивого отношения к бедноте в деревне – от сочувствия до презрения – государство предприняло серию мер, засвидетельствовавших, что беднота для него – объект пристального внимания. К ним можно отнести льготы по продналогу и других «повинностям», введение бесплатного землеустройства и др.

Типичными критериями, по которым хозяйства относились к бедняцким, были площадь посева, наличие необходимого исправного инвентаря, а также состав семьи, включая работников. Размер посевов бедняцких хозяйств колебался от одной до шести десятин. В 1926 г. в СССР (без Узбекской и Туркменской республик) имелось 4,4% хозяйств без посева, 31,19% – с посевом 0,1-2 десятин (далее – «дес.») и 49,5% – с посевом 2,1-6 дес. Исследователи относили к бедняцким от 35,6 до 40% хозяйств [15, 25].

Площадь посева могла не иметь значения для отнесения хозяйства к бедняцкому. Важнее была реальная способность хозяйства к ее обслуживанию, напрямую связанная с наличием и исправностью «живого» (рабочий скот) и «мертвого» (плуг, соха и т.д.) инвентаря. Обеспеченность крестьянских хозяйств инвентарем, наряду с площадью посева, учитывалась Комиссией СНК по тяжести налогообложения. Бедняцкими ею признавались хозяйства: 1) без посева или с посевом до одной дес., с одной лошадей; 2) с посевом до четырех дес., без рабочего скота; 3) обрабатывавшие от четырех до шести дес. земли без лошади. Эта комиссия насчитала в деревне 22,1% бедняков [29, 13-14]. Однако если хозяйство при минимуме посевов могло содержать лошадь, то это свидетельствовало о том, что земледелие не было его основным занятием. Работники в нем были заняты отхожими промыслами или выполняли работу по найму. Бедняк же земледельческого района, не смог бы содержать лошадь, так как она «объедала» его хозяйство [28, 13].

С другой стороны, к бедняцким можно отнести только безлошадные хозяйства. В середине 1920-х гг. их было от 30 до 37% [15, 26, 27; 20,

* © Федотов А.В.

14]. Кроме нехватки рабочего скота, бедняцкие хозяйства испытывали недостаток в т.н. «мертвом» инвентаре. Так, в 1922 г. 21,4% крестьянских хозяйств Тульской губернии не имело ни плугов, ни сох [21, 5]. Но, в силу специфики региона, земледелие было основой хозяйствования жителей черноземной (южной) природно-климатической зоны губернии. В нечерноземной (северной) крестьяне занимались, в основном, скотоводством и промыслами [25, 83]. Следовательно, отсутствие или неисправность земледельческого инвентаря было подлинным бедствием для «южан».

Отдельные крестьяне специально не приобретали лошадь, оставаясь «бедняками». Так, житель д. Княгинино (Узловский район), П. Шишков не покупал лошадь, чтобы не прослыть середняком. При этом он арендовал землю, а пахать нанимал однолошадных бедняков. Весной он занимался мелким кредитованием – раздавал бедноте займы хлеба: за два пуда – возврат три пуда и бутылка самогона [2, 10].

Проблемой многих крестьянских хозяйств было конокрадство. «Крестьянство остается совершенно бедняками, продавая последнюю корову от детишек, покупая клячу, чтобы всковырять землю. ... При поимке конокрада крестьянам спасение, если они убьют или искалечат его. Если он попадет в уголовку, то она для него как дом родной» [1, 114].

Альтернативой покупке рабочего скота местами стала организация т.н. «супряг» и товариществ по совместному использованию лошадей. Считалось, что супряги помогут преодолеть индивидуализм и перерастут в будущем в более сложные коллективы [8, 160; 22, 10].

Еще одним критерием выявления материальной обеспеченности хозяйства было количество работников. Бедноте всегда не хватало рабочих рук. При шести едоках в хозяйстве мог быть только один работник [17, 198]. Поэтому беднота не имела возможности полноценно выполнять все крестьянские работы [23, 33].

Э.Х. Карр считал основной причиной распространения хозяйств с дефицитом работников измельчание крестьянских дворов из-за распада больших семей [16, 139]. Большая патриархальная крестьянская семья начала постепенно разрушаться еще с 60-х гг. XIX века [9, 124]. В 1920-х гг. эти процессы продолжались. «В большой семье есть один огромный недостаток – в семье нет равенства: свекровь не считает молодую сноху равной себе и младший сын часто не имеет одинаковых прав со старшими своими братьями, не говоря уже о том, что отец ни за что не захочет признать равенства со своими детьми» [12, 2]. Постоянные конфликты приводили к распаду крупных семей. Иногда число семейных разделов опережало при-

рост населения [26, 27].

У крестьян имелись собственные критерии отнесения своих соседей к беднякам. Большинство крестьян требовало разграничивать понятия «бедняк-разгильдяй» и «бедняк по нужде» [23, 88]. Первым считался крестьянин, не способный самостоятельно наладить свое хозяйство. В деревнях было много т.н. «коренных», потомственных бедняков. Они не столько не могли, сколько не стремились улучшить свое положение. Соседи характеризовали их так – это те, кто «долго летом спит в холодке, по соседям шляется болтать и, если заведется копейка, то тащит в лавочку на рыбу или еще что: любит хорошо поесть» [26, 27]. Деревня также пополнилась возвратившимися в нее отходниками и горожанами крестьянского происхождения. Получив землю, они долго не могли обзавестись скотом и инвентарем и привыкнуть к новому рабочему ритму [30, 44].

Меры властей по экономической поддержке маломощных хозяйств (льготы по натуральному налогу и проч.) привели к тому, что быть бедняком стало выгодно. Многие бедняки, чтобы не потерять льготы, даже и не пытались укреплять свои хозяйства, вызывая зависть трудолюбивых односельчан [22, 12]. Ведь продукты, которые середняки добывали со значительными трудозатратами, беднякам доставались практически даром. И.А. Кузнецов отметил, что в сознании крестьянина величина доходов при оценке своего и чужого хозяйства всегда соотносилась с мерой затраченных на их получение усилий. Чем больше труда вкладывалось в продукт, тем ценнее он был в глазах крестьянина [19, 179]. Выходило, что «бедняки-разгильдяи» получали тот продукт, который остальным крестьянством приобретался с трудом, непропорционально малыми усилиями.

И.В. Чемоданов полагает, что типичная установка деревенских «разгильдяев» может быть сформулирована в такой обреченной форме: «мы были бедняками, бедняками и останемся» [32, 127-128]. Массовая пропаганда таких упаднических настроений подогревалась и прессой. Так, в журнале «Новая деревня» отмечалось: «Если крестьянин родился в семье захудалой, слабой, без достаточного количества рабочей силы и бедной в хозяйственной отношении, то такого ждут тяжкие испытания: какой ни будь он способный человек к труду, все-таки его ждет нужда и избавиться от нее редко кому удастся» [12, 2].

«Бедняки по нужде» – это хозяйства, лишившиеся имущества из-за пожара или другого бедствия, либо потерявшие работников. В отличие от «разгильдяев», они относились к труду добросовестно. Они были «трудолюбивыми по сельскому хозяйству, но бедность не давала им подняться на твердую почву» [14, 109-110]. Деревянные жилища,

топившиеся «по-черному», распространенность умышленных поджогов – все это способствовало росту числа «бедняков по нужде», пожалуй, ничуть не меньше, чем конокрадство.

Бытовые условия бедноты провоцировали немало опасностей для жизни и здоровья их работников. «Живет бедняк в маленьких низких избах, обмазанных глиною...» или «в простых землянках с узкими окнами... С грязным земляным полом, который метут раз в день. ... Воздух в доме настолько душен и тяжел для дыхания, что своим запахом походит на анатомическую комнату университета. ... Имеется также 2-3 глиняных горшка с пустыми щами и похлебкой... и кадка с квасом, на укус похожим» [24, 39-40]. Подобная антисанитария могла стать причиной многих заболеваний. Время от времени в разных деревнях и целых районах вспыхивали эпидемии: коклюша, сифилиса и др. [3, 12; то же, 4].

Крестьянские представления о бедноте отменялись и среди членов партии. С.И. Дегтев указывал, что в некоторых ячейках обнаруживался «политически неверный подход к бедноте». Члены ячеек делили бедняков на категории «с ленцой», «с запросами на безделье», «бесхозяйственные», «лодыри», они же «враги партии и советской власти» и т.д. [13, 131].

Во внутриселенных отношениях бедняки поддерживали отношения и с зажиточными, и с середняками. В условиях слабой и нерегулярной экономической государственной помощи бедняки обращались за помощью к кулакам, зачастую совершенно искренне считая их своими благодетелями. Многие из них заявляли: «зачем обижать нанимателей батраков, они ведь наши кормильцы; если богатый согласится, то и я согласен» [32, 127]. Т.А. Мищенко заметила, что беднота нередко выступала защитником интересов кулачества [23, 131].

Она описала интересную особенность поведения бедняков на сельском сходе – они последними приходили на сход и первыми с него уходили. Такое происходило из-за понимания бедняками неприязни к ним со стороны других участников собрания [там же]. Беднота одинаково безынициативно вела себя и на общинных советах, и на собраниях избирателей. «На избирательные собрания они являлись в значительно меньшем проценте, чем середняки и зажиточные. На самих собраниях часть их держалась иногда до того пассивно, что даже не принимала участия в голосовании» [31, 25].

Бедняки были инициативны обычно только в своем кругу. Так, в Рудневском районе «активная группа бедноты вынесла постановление лишить избирательных прав всех остальных граждан, якобы, за то, что «они эксплуатировали их (бедняков)

всю жизнь» (1927 г.) [5, 35]. Видимо, это была некая приватная беседа группы бедняков, весть о которой быстро распространилась среди остальных жителей деревни и добралась до сводок Тулгубисполкома. Допусти бедняки подобное «вольнодумство» в присутствии других жителей деревни, они рисковали быть избитыми.

Селяне, зная нетрудолюбие бедноты, считали, что они не смогут нормально работать и в сельских органах управления. Один из священников наставлял прихожан: «Братия! Уж если вы решили выбирать сельсовет, то выбирайте в него только зажиточных. Их сам Бог благословляет, да и люди они умные. Бедняки – это глупцы и делами они управлять не смогут» [4, 16]. На юго-западе России в одном из сел на окнах были вывешены рукописные прокламации: «Не выбирайте лодырей-бедняков в Совет, а выбирайте зажиточных» [23, 133]. Беднота не обладала необходимым авторитетом, уважением со стороны односельчан и даже если попадала в сельсоветы, то оставалась в их глазах «лодырями» и «глупцами». Однако, как отмечал Г. Рыклин, председатели многих волисполкомов происходили из бедняков, включившихся в советскую работу еще во время Гражданской войны [27, 64]. Бедняки «во власти» вступали в партию и довольно прочно закреплялись в системе местного управления. Многие из них даже «привыкли быть персонально несменяемыми руководителями» [31, 27].

Основными источниками пополнения рядов деревенской бедноты можно считать распад крупных дворов и различные недостатки деревенской повседневности – пожары, конокрадство и др. Способность хозяйства к выходу из бедственного положения во многом определялась отношением крестьянина к труду. Наиболее оправданным критерием для отнесения хозяйства к бедняцкому, по нашему мнению, является размер семьи и число работников в ней. Его можно использовать по отношению и к промышленным, и к земледельческим районам. Но государственные органы зачастую оперировали собственными критериями: инвентарность, площадь посева и т.д. Маломощные крестьяне обычно исключались из внутридеревенского самоуправления, хотя часть их оказалась в органах советского управления – сельсоветах, волисполкомах и т.д.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Т. 2. Д. 127.
2. ГАТО. Ф. Р-345. Оп. 2. Д. 7.
3. ГАТО. Ф. Р-345. Оп. 2. Д. 12.
4. ГАТО. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАТО. Ф. Р-1851. Оп. 1. Д. 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

6. Борисов Ю.С. Эти трудные 20-30-е годы // Страницы

- истории советского общества: факты, проблемы, люди / Под общ. ред. А.Т. Кинкулькина; Сост.: Г.В. Клокова и др. – М.: Политиздат, 1989. 447 с. С. 121-157.
7. Брике С. Западно-сибирская деревня // На аграрном фронте. 1927. № 7. С. 124.
 8. Булгакова Н.И. Сельское население Ставрополя во II половине 20-х–начале 30-х гг. XX в.: изменения в демографическом, хозяйственном и культурном облике: Дисс. ... к. и. н.: 07.00.02. – Ставрополь, 2003.
 9. Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. – Тула: ТО ИРО, 1999. 153 с.
 10. Гайстер А. Соотношение классов и групп в деревне // На аграрном фронте. – 1927. № 10. – С. 25-28.
 11. Голос народа: письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. / Ин-т рос. истории РАН; Сост. вступ. ст. А.К. Соколов. – М.: РОССПЭН, 1998. 326 с.
 12. Гуров П. О семейных разделах // Новая деревня. – 1922. № 10. – С. 1-11.
 13. Дегтев С.И. Крестьянство и формирование низовых властных структур деревни в 20 гг. // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия / Отв. ред. А.Ф. Киселев. – М.: Магистр, 1993. 159 с. – С. 128-134.
 14. Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927-1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. – М.: Политиздат, 1989. – 526 с.
 15. Дубровский С. Расслоение крестьянства и задачи партии в деревне // На аграрном фронте. 1927. № 11-12. – С. 25-32.
 16. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929: Пер. с англ. Л.А. Черняховской. – М.: Интер-Версо, 1990. – 208 с.
 17. Климин И.И. Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921-1927). Часть первая. – СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2007. – 428 с.
 18. Крицман Л.Н. Классовое расслоение в советской деревне. По данным волостных обследований. – М.: Изд-во Ком. акад., 1926. – 190 с.
 19. Кузнецов И.А. Письма в «Крестьянскую газету» как источник для изучения менталитета российского крестьянства 1920-х гг. Дисс. к.и.н.: 07.00.02. – М., 1992.
 20. Ларин Ю. Советская деревня. – М.: Экон. жизнь, 1925. – 384 с.
 21. Мамонов П. Сельскохозяйственная компания 1922 года и работа РКП(б) в ней // Трудовое хозяйство [Орган Тульских: Губземуправления, Губпродкома и Губсоюза]. 1922. № 2. – С. 1-11.
 22. Мамонтова Э.А. Социально-экономические аспекты новой экономической политики в деревне Тамбовской губернии 1921-1929 гг. / Автореферат дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Воронеж, 2004.
 23. Мищенко Т.А. Образ жизни крестьянства юго-западных губерний Центра России в 1921-1927 гг.: Традиции и новации. Дис. к.и.н.: 07.00.02. – Брянск, 2004.
 24. Мостяева Л.В. Крестьянские комитеты общественной взаимопомощи в 1921-1932 гг. (на материалах Рязанской, Тульской и Московской губерний): Дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Рязань, 2002.
 25. Отчет о деятельности Тульского губернского исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов за 1922 г. – Тула, 1922. 132 с.
 26. Росницкий Н. Лицо деревни. По материалам обследования 28 волостей и 32 730 крестьянских хозяйств Пензенской губернии. – М.: Гос. изд-во, 1926. – 126 с.
 27. Рыклин Г. Волостные и районные исполкомы // Сельсоветы и волисполкомы: Сб. статей / Под ред. Я. Яковлева, М. Хатаевича. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 127 с. – С. 55-68.
 28. Спутник агитатора. – 1928. № 5. – С. 12-13.
 29. Тяжесть обложения в СССР. (Социальный состав, доходы и налоговые платежи населения Союза ССР в 1924-1927 гг.). Доклад комиссии СНК СССР по изучению тяжести обложения населения Союза. – М., 1929.
 30. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 422 с.
 31. Хатаевич М. Итоги перевыборов // Сельсоветы и волисполкомы: Сб. статей / Под ред. Я. Яковлева, М. Хатаевича. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. 127 с. – С. 13-42.
 32. Чемоданов И.В. Вятское крестьянство в период НЭПа (1921-1929 гг.): Дисс. к.и.н.: 07.00.02. – Киров, 2005.

A. Fedotov

THE POOR IN THE PRE-KOLKHOZ VILLAGE: WHO ARE THEY? (THE EXPERIENCE OF REGIONAL RESEARCH BASED ON TULA PROVINCE'S MATERIALS)

Abstract. The article is based on the documents of the State Archive of Tula Region. The work focuses basically on analyzing the criteria for identification of the poor in the Soviet pre-kolkhoz village: the poverty measures generally accepted such as acres of crops, availability of draft cattle, etc. receive reasoned criticism. The author analyses intra-peasant types of the poor: a poor of necessity and a loafer poor; considers co-existence of the poor with the villagers from other property groups.

Key words: the poor man, criteria of the poor, diligence, agricultural stock, the crops area.

СТАНОВЛЕНИЕ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ВЕРХНЕКАМЬЕ НА ПРИМЕРЕ БЕРЕЗНИКОВСКОГО ХИМИЧЕСКОГО КОМБИНАТА*

Аннотация. Решительная смена парадигм, происшедшая на историческом пути Российского государства на рубеже XX - XXI вв., осложненная необходимостью глубокой модернизации всех его сторон, поставила вопрос о поисках оптимальных способов решения стоящих перед страной задач. В соответствии с этим актуальным становится вопрос изучения процессов модернизации, происходивших в Советской России в 1920-е 1930-е годы на региональном уровне. В статье на основе исследовательских данных в контексте теории модернизации рассматривается история создания Березниковского химического комбината. Статья является составной частью научной работы, посвященной становлению химической промышленности в Верхнекамье, в частности строительству Березниковского химического комбината, заложившего основы мощного индустриального центра на Западном Урале. По теме диссертации опубликовано 10 научных статей.

Ключевые слова: Верхнекамье, Березниковский химический комбинат, химическая промышленность, индустриализация, модернизация, пятилетний план.

Развитие Верхнекамского региона как одного из ведущих центров химической промышленности СССР связано в первую очередь со строительством Березниковского химического комбината в 1920–30-е годы. «Гигант химии», как называли тогда строящийся комбинат, по своим масштабам и техническому оснащению поражал воображение даже иностранных специалистов, выдавших самые смелые технологические проекты в странах с куда более развитой экономикой, чем в СССР.

Решение о строительстве Березниковского химического комбината было связано с планами индустриальной модернизации народного хозяйства, принятыми руководством СССР в середине 1920-х годов. На XIV (декабрь 1925 г.) и XV (декабрь 1927 г.) съездах ВКП(б) был утвержден курс «...на скорейшее осуществление плана электрификации..., развитие химических производств, в особенности в части производства искусственных удобрений...» [1, 38] и приняты Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

В планах первой пятилетки предусматрива-

лось создание «модельных» предприятий нового типа – мощных промышленных комбинатов, по размерам и технической оснащенности не уступавших лучшим образцам Запада. Значительная часть проектов была заказана за границей – в Америке, Германии и других развитых странах. На долю 50–60 крупнейших строек должно было приходиться около 45% всех капиталовложений [3, 129].

В эти же годы развернулось изучение недр Верхнекамья. Поисковыми работами, которые должны были подтвердить догадки о залегании между Соликамском и Березниками калийных солей, необходимых для повышения плодородия почвы, руководил профессор Пермского университета П.И. Преображенский. Под слоями речных наносов, глинисто-мергелистых почв, гипса и каменной соли геологи обнаружили громадные толщи калийных солей. «Было подсчитано, что залежи калийных солей здесь намного превышают месторождения калия во всех странах, вместе взятых» [6, 18].

В рамках выбранного руководством страны курса индустриализации в 1929 году в Верхнекамье началось строительство корпусов химического гиганта. Березниковский комбинат первоначально мыслился как туковый, выпускающий высококонцентрированные удобрения с содержанием как необходимых почве питательных веществ (фосфор, азот, калий), так и парных комбинаций и, наконец, высококонцентрированных одианарных туков.

Березниковская площадка была выбрана без принципиальных споров из числа других вариантов (гг. Пермь, Губаха, поселок Чуртан, вблизи Березников). Решающим в выборе места будущего комбината стало постановление ЦК ВКП(б) от 29 августа 1929 г. «О деятельности Северного химического треста» в резолюции которого указывалось на необходимость максимального приближения химической промышленности к источникам сырья [2, 112].

В пользу Березников говорила близость месторождений поваренной и калийных солей, губахинского кокса, кизеловского угля, среднеуральского серного колчедана и транспортных артерий. Сомнения были вызваны некоторыми недостатками березниковской площадки. Затопляемая в большей части внешними водами Камы территория требовала дополнительных затрат на

* © Сидорова И.Т.

искусственную подсыпку на высоту от двух до четырех метров, а также на устройство особых фундаментов, способных обеспечить устойчивость зданий на болотистой почве и слабом насыпном грунте [4, 19]. Тем не менее, проанализировав источники всех имеющихся в крае ресурсов, необходимых для основного производства, ученые сделали вывод о целесообразности строительства химического комбината именно в Березниках.

24 апреля 1929 г. коллегия Главхима утвердила промышленное задание по БХК. Товарная продукция комбината намечалась в виде: полного (тройного) удобрения – нитрофоски, калий-аммиачной селитры и преципитата. При этом выполнение работ было разбито на две очереди. Строительство первой очереди должно быть закончено к 1 октября 1930 г., второй – к 1 октября 1931 г. [8, л. 5].

Однако в процессе проектирования и на начальном этапе строительства в состав производств Березниковского химического комбината начали вноситься изменения. Это было связано с тем, что научное обоснование – «Сводная экономическая записка к проекту Березниковского комбината» технико-экономического отдела Химпроекта ВСНХ СССР ВСЕХИМПРОМа было составлено лишь в августе 1930 г. В это время в Березниках уже в течение года шли подготовительные работы и началось возведение первых корпусов химического комбината. При обсуждении оптимальной группы производств учеными, уже с учетом строящихся объектов, были рассмотрены пять вариантов выхода продукции БХК. К окончательному варианту состав производств Березниковского комбината состоял из двух групп [10, л.7].

1. Содово-хлорной группы, состоявшей из хлорного завода и заводов кальцинированной каустической соды, и связанной наличием единого технологического процесса с группой калийных производств и заводом бертолетовой соли.

2. Азотно-туковой группы, включающей в себя аммиачный завод, заводы азотной кислоты, натровой, калиевой и аммиачной селитры сульфата аммония, серной кислоты, лейна-селитры и ряда вспомогательных цехов.

Стоимость заводов БХК первой очереди (IV вариант), согласно экономическим расчетам, должна была составлять около 32 млн. руб., заводов второй очереди (V вариант) – 110 млн. рублей. При этом экономия средств за счет комбинирования производств должна была составить около 25 млн. рублей [10, л.45].

С осени 1929 г. начались подготовительные работы по сооружению части промышленных объектов и некоторых вспомогательных цехов. Строительные работы по существу начинались по эскизам, в условиях отсутствия четкого Генераль-

ного плана всего химического комбината. «Генеральный план составлен и утвержден Главхимом в общем, но в отдельных своих частях все время уточняется с изменениями мест для строящихся объектов...» [6, л. 28]. Однако и эскизы также были представлены не в полном объеме, без обоснованных чертежей на строящиеся объекты и при фактическом отсутствии сметных проектов. В отчетном докладе начальника строительства М.А. Грановского за 1929-1930 гг. отмечается, что примеры несвоевременного поступления и переделок рабочих чертежей, получаемых от Химпроекта и Энергостроя, имели место практически по всем заводам и важнейшим сооружениям комбината. Так, например, работы по теплоцентрали начались в конце июня 1930 г., а чертежи по строящемуся объекту поступали до апреля 1931 года. В результате работы по целому ряду строительных объектов были начаты намного позднее запланированных сроков.

Однако не только опозданием чертежей характеризуются ненормальные условия строительства Березниковского химического комбината. Практически все время, пока велись строительные работы 1-й очереди комбината, имели место значительные исправления в проектах, а то и просто просчеты, что приводило к необходимости производить переделы уже законченных работ. Так, много раз проектировалась и переносилась с места на место водонасосная станция. Во многих проектах не было увязки в размещении фундаментов под аппаратуру с фундаментами стен строящихся объектов, вследствие чего эти фундаменты налегали друг на друга. В результате требовалось изменять конструкции и делать обходы.

Из отчетного доклада начальника строительства: «...Железобетонные площадки и фундаменты для аппаратуры на заводе аммиачной селитры, очистке и др. объектов сделаны по проекту чрезмерно громоздкими по сравнению с той аппаратурой, которая на них поставлена» [7, л. 193]. С другой стороны, приходилось укреплять площадки и перекрытия, оказавшиеся недостаточными. Совершенно очевидно, что подобное проектирование не могло не отразиться на ходе строительства. Значительный объем работ пришлось перенести на последние месяцы осеннего и зимнего периода, что в условиях Березников создало ряд дополнительных трудностей и привело к нарушению сроков окончания строительных работ и их удорожанию.

Вопрос о приближении проектирования к условиям стройки не раз поднимался руководством Управления Березникхимстрой. «...Строительству приходилось с большим трудом, путем специальных приказов Председателя ВХП (ВСЕХИМПРОМа) добиваться посылки на строитель-

ство проектировщиков для увязки трасс сложнейшей коммуникации...» [7, л. 175]. Однако, как свидетельствуют документы, вопрос о грамотном и своевременном проектировании так и не был до конца решен на протяжении всего строительства Березниковского химкомбината. «К сожалению, приходится отметить, что опыт строительства первой очереди комбината не учтен Химпроектом. Со второй очередью повторяется то же, что и с первой. Строительство уже приступило к работам второй очереди. Однако нет чертежей по ряду заводов (азотная кислота, аммиачная селитра и др.), вследствие чего нет возможности дать заключение по проектам в целом» [7, л. 175 (об.)].

Слабость технологической составляющей проекта подкреплялась и недостаточной подготовленностью и продуманностью экономического обоснования строительства БХК.

Строительство первой очереди Березниковского химического комбината началось, по существу, без смет. На 1 января 1930 г. сметы имелись только на 3 из 26 намеченных объектов к строительству первой очереди комбината [7, л. 174]. При этом качество смет было таким, что требовалось их коренное пересоставление. Так, «Смета на завод сульфата аммония не предусматривала земляных работ по рытью котлованов под фундаменты, во всех первоначальных сметах глубина закладки фундамента не превышала 2-х метров, тогда как по условиям грунта, фактическая закладка составляла до 5-6 метров» [7, л. 175].

В результате становится очевидным несоответствие первоначальной расчетной стоимости строительства, представленной ВСЕХИМПРОМом с окончательным результатом смет, пересчитанных Березникхимстроем по факту затрат. При этом разница в цифрах достигает значительных показателей. Так, например, стоимость строительства завода Синтеза увеличилась в 2 раза; Компрессии – в 1,5 раза. Кроме того, нужно отметить и некорректное их составление. «Сметы были составлены очень небрежно, с массой арифметических погрешностей» [7, л. 175].

Судя по всему, выделение средств на строительство комбината исходило из возможностей ВСЕХИМПРОМа, которые на начальном этапе индустриализации были весьма невелики из-за отсутствия надежного источника финансирования, а также опыта в составлении таких крупных и сложных проектов. Но даже и выделенные средства поступали на строительство не в полном объеме: «Ассигнования на 1928-29 гг. – 7 млн. руб.; выполнено на 70%. Стоимость строительства недопустимо высокая...» [6, л. 33].

Крайне тяжелая ситуация создавалась и со снабжением стройматериалами, слесарно-монтажным инструментарием, такелажными приспособ-

лениями и пр. «...Не хватает подъемных механизмов и тросов. Такелажные работы не могут быть развернуты надлежащим образом из-за отсутствия талей-лебедок и реечных домкратов...» [11, л. 33].

Острейшей проблемой с первых дней начала строительства стал вопрос снабжения рабочей силой. «Наряду с крайне неудовлетворительным состоянием проектирования, березниковское строительство на своих плечах испытало совершенно неудовлетворительную работу органов Вербовки труда и неорганизованность рынка труда. Нельзя назвать ни одного периода когда бы не чувствовался недостаток в рабочей силе» [9, л.180].

Постановление Народного комиссариата труда о переброске на Березниковское строительство рабочих с других строительств (в частности из Сталинграда, Москвы) давало ничтожные результаты. Из крупных центров рабочие ехали неохотно. Неэффективной оказалась и система вербовки рабочей силы. Затраты на одного завербованного доходили до 2000 рублей за человека [11, л. 194]. Кроме того, люди, прибывшие из отдаленных или более благополучных природно-климатических районов, с трудом приживались на стройке, и большинство из них уезжали, не проработав на строительстве и месяца. Таким образом, к проблеме нехватки рабочей силы прибавилась и проблема текучести кадров.

Проблему с кадрами решили традиционным для 30-х гг. способом – использованием труда заключенных. Летом 1930 года в Березниках III отделением управления Вишерских исправительных лагерей (УВИТЛ) был построен перевалочный лагерь для заключенных на десять тысяч человек. Руководство УВИТЛ обеспечивало выход на работу 80-ти процентов от списочного состава, то есть примерно восьми тысяч человек. Если учесть, что общее число рабочих на комбинате в 1932 году приближалось к 15 тыс. работающих, следовательно, более половины строителей химкомбината составляли осужденные и спецпереселенцы.

Слабым звеном на начальном этапе строительства Березниковского химкомбината явилась и организация аппарата управления строительством. Как отмечается в документе, «строительство Березниковского химического комбината все время производилось без Главного инженера. Исполняющий обязанности Главного инженера – строитель, не знакомый с технологией производства и монтажа, а потому и не вмешивавшийся в вопросы монтажа и наладки производственных процессов» [7, л. 194 (об.)]. Усугубляла ситуацию с управленческим звеном строительства и острая нехватка инженерно-технического персонала, занятого непосредственно на строительстве объ-

ектов. Отсюда просчеты, простои, срывы запланированных заданий. Первоначальные сроки пуска 1-ой очереди (октябрь 1930 г.) и 2-й очереди (1 октября 1931 г.) были пересмотрены. Заводы 1-й очереди БХК вступили в строй лишь в апреле 1932 г. Строительство 2-й очереди заводов химкомбината закончилось в июле 1935 г.

Ко всему, ошибки, некомпетентность, нехватка квалифицированных кадров, недостаточный уровень образованности и культуры приводили к нарушениям технологических режимов и тяжелейшим авариям. Так, например, взрыв газгольдера в июне 1932 г., пожар на конверсии в декабре 1934 г. привели не только к значительным разрушениям на комбинате, но и к гибели людей. Не было конца мелким авариям, в которых люди теряли свое здоровье. «Ведение монтажа при 40-50 градусных морозах..., двое суток в ледяной воде...» [5, 5], примеры беспримерного трудового подвига первостроителей вызывают восхищение и глубокое сочувствие. «Подъемные мачты, краны, лебедки, стародавняя «дубинушка» и новый народившийся на стройке энтузиазм – все было использовано для достижения большевистских темпов» [5, 6].

Тем не менее, к концу 1930-х гг. в Верхнекамье был создан мощный индустриальный узел химической промышленности. В 1940 г. с окончанием строительства 3-й очереди Березниковского химкомбината было принято решение правительства СССР о его разукрупнении. В самостоятельные предприятия выделились: азотно-туковый завод им К. Ворошилова, Березниковская ТЭЦ-4; содовый, анилино-красочный (химический) заводы.

Это была величайшая победа березниковских строителей. Комбинат и город с населением в 78 тысяч жителей были построены в кратчайшие сроки. Однако цена этой великой стройки была чрезвычайно высока. Возведение «флагмана» отечественной химической промышленности, потребовало колоссальнейшего напряжения сил и мобилизации всех имеющихся ресурсов. На десятилетия люди были обречены на тяжелейшие условия труда и быта. Форсированный характер индустриализации заложил в советской экономике традиции авралов, рисков и непродуманности модернизационных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1971. – М.: Политиздат, 1971. – Т. 4. – 582 с.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5-ти т. 1917-1967. – М.: Политиздат, 1967. – Т. 1. – 782 с.
3. Развитие химической промышленности в СССР 1917-1980: в 2 т. / под общ. ред. Л.А. Костандова, Н.М. Жаворонкова. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 657 с.
4. Жданов А.Ф. Березники – город Уральских химиков / А.Ф. Жданов. Молотов. 2-я книжная типография. – 1956. – 65 с.
5. Березниковский химкомбинат // СССР на стройке. – М., 1932. № 5.
6. Выводы комиссии ОК РКИ В-Камского округа по обследованию степени проведения в жизнь постановления ЦК ВКП (б) по докладу Севхимстроя, Химкомбината и Химстроя от 25.12.1929 г. // Государственный общественно-политический архив Пермской области (далее ГОПАПО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 28.
7. Доклад начальника строительства М.А. Грановского «О положении дел на стройке от 01.01.1931 г.» // ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 28.
8. Краткое обоснование строительства 2-ой очереди Березниковского Тукового комбината и уточнение номенклатуры и масштаба производства 1-ой очереди. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 8124. Оп. 2. Д. 66.
9. Краткая общая характеристика строительства // ГОПАПО. Ф. 59 Оп. 1 Д. 28.
10. Пояснительная записка к эскизному проекту генерального плана Березниковского химкомбината 1930 г. // РГАЭ. Ф. 8124. Оп. 2. Д. 63.
11. Сводка в РК ВКП(б) г. Березники о ходе строительства Березниковского комбината по состоянию на 1-е апреля 1931 г. // ГОПАПО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 28.

I. Sidorova

FORMATION OF CHEMICAL INDUSTRY IN VERCHNEKAMYE BY THE EXAMPLE OF BEREZNIKICHEMICAL PLANTS

Abstract. Resolute change of paradigms which took place on the historical path of the Russian state on the border between the XXth and the XXIst centuries, complicated by the necessity of profound modernization, has put a question about the search for optimal ways to solve problems facing the country. In this connection, the problem of the study of modernization processes which took part in Soviet Russia in the 1920s – 1930s on the regional level is of current importance. In the article the history of creation of Berzniki chemical plants is examined on the bases of research data in the context of the theory of modernization. The article is a constituent part of a research work devoted to the formation of chemical industry in Verchnekamye, in particular the construction of Berzniki chemical plants which laid the foundation of a powerful industrial centre in Western Ural.

Key words: Verchnekamye, Berzniki chemical plants, chemical industry, industrialization, modernization, five-year plan.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ АРЗАМАССКОГО ПРИБОРОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х – 60-е ГОДЫ XX ВЕКА*

Аннотация. В статье исследуются проблемы развития производственной базы вновь созданного приборостроительного завода в условиях гонки вооружений периода «холодной войны».

Ключевые слова: отечественное приборостроение, Арзамасский приборостроительный завод, оборонная продукция, датчики, приборы.

Период середины 1950-1960-х гг. – своеобразный период в истории отечественного приборостроения. В это время, согласно принятым Директивам по пятому и шестому 5-летним планам развития народного хозяйства СССР, предусматривалось дальнейшее развитие быстрыми темпами различных отраслей промышленности, рост машиностроения, особенно производство технически совершенных станков, кузнечно-прессовых машин, средств автоматики и приборов [1, 429]. По темпам роста в послевоенные годы производство приборов значительно превосходило показатели роста всего машиностроения и металлообработки, промышленной продукции страны в целом.

В феврале 1957 г. была преобразована система управления промышленностью и строительством – созданы Совнархозы [2, 70]. 1 июня 1957 г. было принято постановление Совета Министров РСФСР № 385 «Об образовании Совета народного хозяйства Горьковского экономического административного района (ГСНХ)» и утверждена его структура [3, 2].

Следует учесть еще одно обстоятельство, которое повлияло на развитие отечественного приборостроения. С начала 1958 г. вместо упраздненного Министерства авиационной промышленности в стране начал действовать Государственный комитет по авиационной технике при Совете Министров СССР (ГКАТ), который возглавил П. В. Дементьев. С появлением новой структуры управления авиационной промышленностью был взят курс на преобладающее производство гражданских самолетов, что также оказало благоприятное воздействие на развитие отечественной приборостроительной отрасли.

В связи с данными преобразованиями промышленность как в целом по стране, так и на местном уровне получила мощный толчок к своему дальнейшему развитию. Примером этому служит развитие промышленности в середине 1950-1960-

х гг. в г. Арзамасе Нижегородской области.

К этому времени относится и строительство Арзамасского приборостроительного завода (вначале завод называли «имени 50-летия СССР», затем – «п/я 15», горожане до сих пор называют его «пятнадцатым», потом – Арзамасский приборостроительный завод) [4, 25].

Строительство Арзамасского приборостроительного завода (далее – АПЗ) стало «неожиданным» для самого города Арзамаса. Первоначально строительство завода планировалось в Новосибирске.

Но, поскольку Арзамас в 1940-1950 гг. насчитывал свыше 50 тысяч человек населения, стало более целесообразным строительство современного, крупного промышленного предприятия, которое могло бы быть обеспечено необходимым количеством рабочих из местных жителей [5, 3].

Поскольку АПЗ строился для выпуска авиационной продукции по заданию Министерства, то пуск завода необходимо было обеспечить в самые сжатые сроки. Необходимо отметить, что развитие и становление Арзамасского приборостроительного завода происходило последовательно и постепенно. Не было ни готового здания, ни производственной базы, ни подготовленных рабочих. Завод возводили на пустыре, поэтому и начинать приходилось все буквально с нуля. Н. В. Хряпов, главный инженер предприятия, вспоминал, что когда они впервые прибыли на место расположения будущего завода, то увидели идиллическую сельскую картинку – паслось стадо коров, пастух играл на рожке...

Долгое время никаких заборов вокруг территории новых корпусов не было, и горожане сажали рядом с предприятием сельскохозяйственную продукцию. А. Г. Ратц, ветеран предприятия, вспоминает: «В 1958 году я был назначен главным технологом на строящийся завод, куда приехал после десяти лет конструкторской и технологической работы на Горьковском авиазаводе. Инженерных служб здесь не существовало, все пришлось начинать с нуля. С приходом П. И. Пландина строительство завода пошло быстрее. В районе бывшей тюрьмы создали инструментальный ремонтно-механический участок ОГМ и сборочный цех. Появляются новые корпуса» [6, 5].

Кроме того, если в городе в то время еще существовало несколько предприятий, то район

* © Парамонова Е.И.

полностью был сельскохозяйственным, и почти никакой промышленности в нем не было, что также делало целесообразным строительство АПЗ.

На АПЗ одновременно проектировали, строили и выпускали продукцию, поэтому строительство корпусов завода продолжилось и в последующие годы (вплоть до 1964 г.).

ОАО «АПЗ» образовано в 1957 г. для выпуска различных датчиков расхода и давления жидкостей и газов, прецизионных авиационных датчиков, приборов, систем для гражданской и военнотранспортной авиации [7, 53].

По словам бывшего директора Арзамасского приборостроительного завода Ю. П. Старцева, «Завод планировался как предприятие среднего уровня, которое должно было выпускать приборы общепромышленного применения. С ликвидацией Совнархозов он перешел в Министерство авиационной промышленности, перед ним открылись новые возможности – работать на оборону, чем не преминул воспользоваться П. И. Пландин» [8, 2]. Оборонный заказ означал в те годы не только щедрые деньги на развитие производства и социальной сферы, но и огромную ответственность, которую Министерство не спешило разделить с никому не известным новым заводом. Преодолев сомнения Москвы, коллектив под руководством П. И. Пландина осваивал новые виды изделий, решал все более сложные задачи, развивая градообразующее производство [9, 2].

Первое задание, которое поручило Министерство новому предприятию, – освоить выпуск датчиков первичной информации. Это была принципиально новая продукция для завода п/я 15, довольно высокого по тем временам технологического уровня. Для ее выпуска потребовалось в срочном порядке готовить кадры. Готовили их на смежных заводах в Москве, Ленинграде и других городах [10, 1].

Вот что вспоминает В. С. Кунгурцев, ветеран предприятия: «Первая встреча с заводом меня разочаровала. Цеха размещались в «казармах» на улице Кирова и в бывшей тюрьме возле кладбища. А главное – продукция. После самолета МиГ-21, который мы делали в Горьком, – какой-то фонарик – «жужжалка», но, оказалось, что это только на первый взгляд так. Решение о строительстве завода было продиктовано неудержимым прогрессом в авиастроении. Рабочим приходилось и строить, и учиться, и осваивать новую технику» [11, 180].

Поэтому с момента своего развития АПЗ столкнулся с рядом трудностей: нехватка мощностей тогда еще молодого предприятия, отсутствие опыта работы, острая нехватка специалистов, квалифицированных рабочих кадров (что впоследствии станет одной из главных причин открытия заводом учебных заведений для под-

готовки специалистов в своей отрасли). Рабочие направлялись на другие смежные предприятия для ознакомления с новыми производственными процессами. Нередко изготовленные приборы снабженцы выменивали на дефицитные для производства материалы, чем решалась еще одна важная для завода проблема.

Московский завод «Манометр» передал приборостроителям технологию изготовления стеклянных ротаметров нескольких видов и газопоршневого манометра, причем данные изделия пользовались большим спросом у заказчиков, что способствовало дальнейшему развитию и укреплению АПЗ (создавались лаборатории, новые отделы, например, отдел главного метролога) [12, 17].

Развитие АПЗ происходило быстрыми темпами, например, за 1960 г. мощность только инструментального цеха выросла почти в 2 раза. Выпуск газовых счетчиков ГKF-6 в 1958 г. составил 55 тысяч штук в год, в конце 1960 г. – 5-6 тысяч штук в месяц [13, 5]. В 1961 г. был создан специальный участок по сборке УСП, позволивший без специальной подготовки производства быстро осваивать новые изделия. Создана техническая база для широкого применения УСП в 1962 г.

О качестве выпускаемой на заводе продукции свидетельствует тот факт, что продукция экспортировалась в различные страны, например, арзамасские промышленные счетчики газа экспортировались в 24 страны мира и были необходимы для различных отраслей промышленности [14, 7].

Одновременно с выпуском продукции завод решал и новые задачи: появился специальный термин «изготовить в тропическом исполнении», т. е. с учетом влияния высокой температуры, влажности, бактериальной среды, характерных для стран с тропическим климатом, что, в свою очередь требовало введения ряда специальных мероприятий и нововведений [15, 97].

В 1962-1965 гг. завод освоил производство приборов для авиационной промышленности. Были созданы механическое, литейное, гальваническое производства [16, 1].

Строительство Арзамасского приборостроительного завода открыло новую веху в развитии города Арзамаса и слова, сказанные министром авиационной промышленности П. В. Дементьевым: «Быть вашему Арзамасу городом авиационным!» обрели реальный смысл [17, 193].

С момента своего создания АПЗ был составной частью ВПК, производя различные приборы для оборонной промышленности. Ни один управляемый летательный аппарат не обходился без приборов АПЗ, продукция «оборонки» занимала 94% объема производства (сейчас не превышает

40% в общем объеме выпускаемой продукции) [18, 4].

На российском рынке энергосберегающих приборов – 70% приборов выпуска Арзамасского приборостроительного завода. Например, теплосчетчики, изготовленные арзамасскими приборостроителями, установлены во всех зданиях Московского Кремля и в правительственной резиденции в Барвихе [19, 25].

В настоящее время ОАО « Арзамасский приборостроительный завод» - одно из ведущих в отрасли предприятий, обеспечивающих авиационную промышленность датчиками и системами различного назначения [20, 236]. Основным видом деятельности АПЗ является производство контрольно-измерительных приборов и систем. Предприятие осуществляет серийное производство измерительного и диагностического оборудования, приборы системы противообледенения, конверсионную продукцию [21, 2].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подробнее см.: Советский Союз. Политико-экономический справочник / Сост. В. А. Голиков. – М.: Политиздат, 1982. – С. 429-431.
2. Подробнее см.: Механизм хозяйствования социалистического предприятия. – Горький, 1976. – С. 70-74.
3. ГУ ЦАНО. Ф. 6101. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
4. Город Арзамас / Сост. Г. А. Зимова, И. А. Гордеевцев. – Н. Новгород: Штрих, 1999. – С. 25-26.
5. Города нашей области / Сост. Павлов А.А. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1969. – С. 3-4.
6. «Они были первыми» // Новатор. 2006. 14 августа. – С. 5.
7. Балакин М. Ф., Балакина М. А. Арзамас в XX веке. Кн. 2. Нижегородское отделение Академии социальных и гуманитарных наук РФ. – 2003. – С. 53-84.
8. Михайличенко А. Генерал обороны // Нижегородские новости. – 1998. 30 октября. – С. 2.
9. Там же. – С. 2.
10. Голубев Г. Приборостроительному заводу – 40 лет // Арзамасская правда. 1997. 6 мая. – С. 1-2.
11. ГУ ЦАНО. Ф. 6252. Оп. 2. Д. 5. Л. 180.
12. Полушкина С. И., Жадобов А. В. Арзамасский приборостроительный: дела и люди. – Н. Новгород: Литера, 1998. – С. 17-18.
13. ГУ ЦАНО. Ф. 6252. Оп. 2. Д. 91. Л. 5.
14. ГУ ЦАНО. Ф. 6252. Оп. 2. Д. 5. Л. 7-8.
15. ГУ ЦАНО. Ф. 6252. Оп. 2. Д. 17. Л. 97.
16. ГУ ЦАНО. Ф. 6252. Оп. 2. Д. 225. ЛЛ. 1-2.
17. Остапенко Ю. А. Петр Дементьев: преодоление невозможного. – М.: АЭРОСФЕРА, 2008. – С. 193-196.
18. Долгодворов, В. Равный среди лучших // Труд. Газета автономной некоммерческой организации «Редакция газеты «Труд». – 2002. 27 апреля. – С. 4.
19. Полвека роста // АиФ. Газета ЗАО «Аргументы и факты». 2007. 30 мая – 5 июня. – С. 25.
20. Балакин М. Ф., Балакина М. А. Арзамас в XX веке. Кн. 2. – Нижегородское отделение Академии социальных и гуманитарных наук РФ. – 2003. – С. 236-241.
21. Арзамасские новости. 2007. 30 ноября. Спецвыпуск. – С. 2-3.

E. Paramonova

DEVELOPMENT AND STRENGTHENING OF THE PRODUCTION BASE OF ARZAMAS INSTRUMENT PLANT IN THE LATE 1950-1960

Abstract. The article is devoted to the development of the production base of the newly established instrument plant in the armaments race conditions during the Cold War.

Key words: domestic instrument making industry, Arzamas Instrument Plant, defense production, sensors, instruments.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА*

Аннотация. Анализ большого количества документов и архивных материалов позволил автору рассмотреть формирование общественных связей в начале XX века (1900-1917 гг.); в советский период (1917-1985 гг.); в постсоветский период (1985-2000 гг.).

В статье рассмотрена политика советского руководства, направленная на структурирование общественных связей; а также концепция перехода к рынку и демократии, в контекст которой включена идея перестройки деятельности общественных организаций.

Ключевые слова: общественные связи, политика.

Анализ множества документов, архивных материалов позволил констатировать, что политико-правовое развитие Российского государства в направлении к установлению конституционного строя начало осуществляться как раз во второй половине XIX века. Об этом говорят многочисленные примеры социальных трансформаций того периода: отмена крепостного права; судебная реформа – введение суда присяжных, создание прокуратуры и адвокатуры; общественное признание сословия юристов и адвокатов; изменения в гражданском законодательстве, земская реформа 1864 г. о земских собраниях и уездах; финансовая реформа; реформа в области народного образования, в том числе принятие нового устава университетов, предоставлявшего им широкую автономию; военная реформа. Все перечисленное сыграло существенную роль в расширении и укреплении связей государства с общественностью, их образованиями.

Анализ документальных источников показывает, что земство выступало субъектом общественно-политической жизни, объединявшим сторонников постепенного развития России в либеральном направлении.

Начало установлению связей государственной власти с обществом было положено в середине 60-х годов XIX века, когда в правительственных кругах начали обсуждать возможность привлечения представителей земства и городских самоуправлений к обсуждению законопроектов.

Новая технология связей с общественностью была предложена в 1880-1881 годах министром внутренних дел М.Т. Лорис-Меликовым.

В начале XX века первая и вторая революции (1905 и февраль 1917 года) сопровождались процессом постепенного конституирования буржуазной республики: утверждалась определенная система прав и свобод граждан, структурировалась многопартийная система, шел постепенный процесс формирования органов и структур, характерных для гражданского общества.

Таким образом, анализ государственных решений и документальных источников, позволяет сделать вывод о том, что на этапе 1900-1917 годов гражданское общество в Российской империи находилось на стадии формирования. Его развитие стимулировалось ростом промышленного производства, многообразием рыночных отношений. Однако становление гражданского общества во многом зависело от политики государства. Сотрудничество между различными группами гражданского общества осложняло политический и социальный контроль.

Формирование и развитие общественных связей как технологии гражданского общества сдерживалось следующими факторами: авторитарной политической системой, не заинтересованной в развитии общественной инициативы; высокой степенью бюрократизации власти; неграмотностью населения, высокой степенью зависимости граждан от государства; неразвитостью института прав и свобод личности.

Революция 1917 г. в России положила начало созданию качественно новой, социалистической модели общества. Социализм появился на исторической арене с двумя великими целями, пробудившими надежды широких масс. Первая цель – обещание достижения демократии, более широкой и содержательной, чем все предшествующие. Вторая – заключалась в обещании добиться удовлетворения человеческих потребностей, осуществлять распределение по труду, обеспечить равенство и благосостояние.

Политика советского руководства была направлена на структурирование общественных связей как технологии осуществления идеологического влияния на широкие массы населения. Обозначенная позиция просматривается в различных партийных документах и в социальной практике.

Деятельность других общественных организаций как субъектов политической жизни также регламентировалась партией. Их перечень был невелик: комсомол, несколько творческих союзов.

* © Рогачева Л.И.

Нет основания утверждать, что на этапе 1917 - начала 30-х годов в России функционировало гражданское общество. Отсутствие гражданского общества не позволяет проанализировать механизм функционирования общественных связей как его неотъемлемой технологии. Вместе с тем государственная власть была заинтересована в поддержке со стороны населения и развитии связей с общественностью. Изученная библиография, документальные источники дают основание считать, что цели связей органов государственной власти и ВКП(б) как партийно-государственной структуры с обществом были детерминированы авторитарным типом политической системы. ЦК партии было заинтересовано в связях с общественностью для достижения следующих целей: идеологического воздействия на массовое сознание и осуществления коммунистического воспитания масс; искоренения инакомыслия; создания формально-декларативной «демократической» оболочки действующего механизма государственного управления.

Достижению этих целей на этапе 1917 - начала 30-х годов применялись следующие технологии: постановка под партийный контроль ведущих общественных организаций, профсоюзов и комсомола; установление партийно-государственного контроля над печатью.

Период 30-х - начала 50-х годов характеризуется дальнейшим укреплением централизованной власти и отчуждением населения от политики и управления государством.

После свертывания НЭПа в стране продолжается процесс сужения роли общественных организаций. Была снижена общественная роль профсоюзов.

Середина 50-х - конец 60-х годов характеризуется как период смягчения политического режима, отхода от жесткой регламентации всех сфер экономической и социальной жизни. На этом этапе в СССР осуществляется процесс разложения тоталитарных структур, осуществляется переход к авторитарному режиму.

Политика Н.С. Хрущева предполагала активизацию деятельности общественных организаций: профсоюзов, комсомола, женских советов, Комитета защиты мира, Совета ветеранов, творческих союзов.

Таким образом, на протяжении 1917-1985 годов социализм создал жесткую авторитарную систему социально-экономического и политического контроля и регулирования, основной ориентацией которой стало установление контроля над обществом.

Общественные связи как форма функционирования квазигражданского общества также носили формальный характер. Можно сделать вы-

вод, что в условиях тоталитарной и авторитарной политических систем средствами общественных связей не оказывается сколько-либо заметного воздействия на государство.

Тоталитарный режим снимал проблему общественных связей как взаимодействия «народ - политическая власть». Государство идентифицировало себя с обществом, лишая его функции саморегуляции и автономности.

Апрель 1985 г. положил начало историческому периоду в жизни Российского государства, который получил название «перестройка», и определенному конкретно-историческим условиям: провозглашением Коммунистической партией курса на перестройку в 1985 г. и окончанием процесса реформирования государства и общества в 1991 г., после подписания главами 3-х республик, РСФСР, БССР и УССР, Беловежского соглашения о выходе из СССР.

Можно выделить несколько направлений теоретического переосмысления сложившихся отношений между государством и обществом: во-первых, в партийных документах обоснование идеи о том, что в условиях исторически сложившейся однопартийной системы, а также перехода к демократизации общественной жизни требовался «постоянно действующий механизм сопоставления взглядов, критики и самокритики в партии и обществе» [2, 69]. С этой целью предлагалось вести постоянный конструктивный политический диалог, формировать культуру дискуссии, изучать и учитывать общественные мнения. В докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М.С. Горбачев подчеркнул, что речь идет «о новой роли общественного мнения в стране» [2, 41], когда на всенародное обсуждение должны выдвигаться проблемы, представляющие общественный интерес.

Во-вторых, в концепцию перестройки была включена идея о перестройке деятельности общественных организаций применительно к новым условиям. Это означало передачу общественным организациям, в частности профсоюзам, некоторых функций, выполняемых государственными органами. КПСС стремилась возродить женские организации, ограничивая при этом круг решаемых ими проблем лишь теми, которые затрагивают интересы женщин. В целом ставилась задача поддержать любые «проявления народной самостоятельности» [2, 69].

В-третьих, новый тип взаимоотношений между государством и обществом предполагал создание обстановки гласности, компонентами которой являлись: признание после десятилетий умолчаний наличия проблем, общего кризиса системы: кризиса в экономике, в партии, в идеологической системе; смягчение цензуры; расширение доступа к информации.

Структурирование общественных организаций как субъекта общественных связей прошло несколько этапов. Первый – 1985-1987 гг. характеризуется возникновением неформальных движений, которые представляли собой многочисленные организации, объединенные задачей слома административно-командной системы. В полулегальном и неинституционализированном виде движение существовало до 1987 года. Затем начался переход к организационному и политическому оформлению протопартий. Второй – 1988-1989 гг. возрастает роль народных фронтов, нарастает политизация самодеятельного движения (новых профсоюзов, стачечных комитетов, рабочих клубов).

Третий – 1989-1990 гг. разворачивается процесс образования политических партий и политизированных общественных движений.

Правовые основы деятельности общественных организаций были заложены в Законе СССР «Об общественных объединениях», вступившем в силу 1 января 1991 г. [1, 29].

Таким образом, в период перестройки в общественных связях нуждались и государство, и общество. С точки зрения интересов гражданского общества субъектом общественных связей выступали многочисленные общественные движения, демократически настроенная творческая интеллигенция, профессиональные союзы. Объектом общественных связей гражданского общества выступали властные структуры: ЦК КПСС, партийные комитеты в регионах, органы исполнительной и законодательной власти.

Процесс становления общественных связей на протяжении 1900-1991 годов позволяет сформулировать вывод о том, что ни на одном из рассмотренных этапов институт общественных связей не получил полноценного развития. Россия традиционно принадлежит к тем странам, которые в большей степени ориентированы на

укрепление государства, чем на демократическое развитие общества.

В постсоветский период гражданское общество находилось в первичном, аморфном состоянии. Общественные связи как форма его функционирования также проходили период становления, исследование истории социального феномена «Общественные связи» позволило сформулировать следующие направления, в следующей хронологии:

- формирование общественных связей в начале XX века (1900-1917);
- формирование общественных связей в советский период (1917-1985);
- общественные связи в период перестройки (1985-1991);
- общественные связи в Российской Федерации (1991-2000).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон СССР об общественных объединениях // Россия сегодня. Политический портрет в документах. М., 1991.
2. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М., 1988.

L. Rogacheva

A FORMATION AND A DEVELOPMENT OF PUBLIC COMMUNICATIONS AS A SOCIAL PHENOMENA

Abstract. The analysis of the great deal of documents and archives let the author examine the formation of the public communications at the beginning of XX cen. (1900-1917); in the reorganization (1985-2000). The author examined the policy of the soviet government purposeful on the structuring of the public communications the conception of the reorganization including the idea of the reorganization of the activity of the public associations.

Key words: social communications, policy.

Всеобщая история

История Средних веков и Нового времени

УДК 94 (410) «1066/1154»

Фурцев Р.В.

ФРИДРИХ I БАРБАРОССА И ЕГО ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НОРМАННСКОГО ГОСУДАРСТВА В ИТАЛИИ*

Аннотация. В статье анализируется политика императора Священной Римской империи Фридриха Барбароссы в отношении Сицилийского королевства-государства, созданного в конце XI века норманнами, которым в упорной борьбе удалось отстоять свои права на южноитальянские земли. Империя, папство и Византия традиционно претендовали на эти территории, что не раз приводило к вооруженным конфликтам. В начале своего правления Фридрих Барбаросса продолжил агрессивную антинорманнскую политику германских императоров, но затем, осознав невозможность завоевания и насильственного включения юга Италии в состав империи, он избрал иной путь, сделав ставку на дипломатию и мирное сосуществование с Сицилийской монархией, что в итоге привело к династическому объединению двух держав.

Ключевые слова: геополитика Фридриха Барбароссы, притязания Священной Римской империи, норманны, папство, Сицилийское королевство, Византия.

Фридрих I Барбаросса, германский король с 1152 г. и император Священной Римской империи с 1155 г. из династии Штауфенов, в полной мере воспринял воинственный дух и направленность внешней политики предков. Геополитика империи периода правления Фридриха самым тесным образом была увязана со специфическим положением *regnum Italiae* (Итальянского королевства) в составе Священной Римской империи и ее взаимоотношениями с Сицилийским королевством норманнов – государства, история создания которого восходит к XI в., когда в условиях непрерывных арабских вторжений на юг Апеннинского полуострова и постоянных междоусобных войн южноитальянские правители стали приглашать на военную службу норманнских наемников. В

конце концов норманны стали хозяевами этих территорий, так же как Одоакр, начальник отряда наемников-германцев на службе у римлян, в 476 г. сверг императора Ромула Августула и захватил власть в Риме. Уже во второй половине XI в. один из норманнских конунгов Роберт Гвискар, пользуясь слабостью местной власти, овладел большей частью Южной Италии, отвоевал у арабов Сицилию и настолько укрепил свое господство, что смог бросить вызов германским императорам. Гвискар изгнал из Рима Генриха IV, взял под свое покровительство папу Григория VII и предпринял византийский поход с целью завоевания Константинополя. Авантюра не удалась. Норманнский вождь вернулся в Италию, а значительная часть его войска поступила на службу к византийскому императору Алексею Комнину. После смерти Гвискара в 1085 г. государство норманнов на юге Италии постепенно становится мощной монархией с иерархической феодальной системой и сильным чиновничьим аппаратом.

Уже с Каролингской эпохи ясно наметилось формирование «двух Италий». В последнее время в литературе вновь оживилась дискуссия по поводу разнонаправленного исторического процесса развития обеих частей Италии. С одной стороны – присоединенная Карлом Великим к Франкской империи Северная и Средняя Италия (включая территорию герцогства Сполето), а с другой – Южная Италия, состоящая из лангобардского, политически ориентированного на Византию герцогства Беневент, от включения которого в состав своей империи Карл отказался как по практическим, так по политическим (отношения с Восточным Римом) причинам, и византийских провинций Апулии, Калабрии и Сицилии. Несмотря на то, что Карл Великий довольствовался лишь косвенной зависимостью Беневентского герцогства от Франкской державы и не стремился подчинить своей власти Южную Италию, все же нельзя утверждать, что

* © Фурцев Р.В.

франкские императоры отказались от притязаний на все земли Апеннинского полуострова. Не были забыты древние права империи на Южную Италию и в эпоху Штауфенов.

Вызванные арабским вторжением на юг полуострова попытки Людовика Немецкого и Оттона III присоединить южноитальянские территории к Западной империи провалились, в то время как Византия с конца IX в. добилась большего успеха в отвоевании у арабов Апулии и Калабрии. Новая политическая ситуация сложилась на полуострове в связи установлением власти норманнов над югом Италии и Сицилией, что в немалой степени повлияло и на политическое положение папства. После ряда безрезультатных попыток германских кайзеров вмешаться в южноитальянские дела влияние империи на территории юга Италии утрачивает свое значение. Конрад II и Генрих III вынуждены были признать *de facto* норманнские завоевания. Папство смогло за короткий срок укрепить свои позиции и перейти в наступление. В 1059 г. Николай II инвестировал норманнских князей Ричара Капуанского и Роберта Гвискара в качестве сеньоров Южной Италии в пику немецким императорам [1, 50].

Спор, разгоревшийся из-за оспариваемых империей и папством верховных прав на данные территории, привел в 1137 г. к открытому конфликту между императором Лотарем III и папой Иннокентием II по поводу того, кому из двух владык христианского мира, участвовавших в общем походе против сицилийского короля Рожера, надлежит жаловать в лен герцогство Апулию. В результате стороны пришли к компромиссу, договорившись совместно провести обряд инвеституры, отложив таким образом решение вопроса до лучших времен.

Конрад III также поначалу не отказывался от претензий империи на юг Италии. Тем не менее в конце 1148 г. он заключил с базилевсом Мануилом I Комниным в Фессалониках договор, согласно которому немецкий монарх выражал готовность уступить Восточному Риму часть Сицилийского королевства в качестве приданого византийской императрицы, свояченицы Конрада III. Германский король даже планировал провести в 1151 г. итальянский поход с двойной целью: короноваться императором и вместе с Мануилом I вступить в войну против «узурпатора сицилийского престола Рожера II» [2, 476]. Однако кончина немецкого монарха помешала осуществлению этих замыслов.

Если сравнить данное Фридрихом Барбароссой в Констанцском конкордате 1153 г. обещание папе не уступать византийскому императору никаких земель в Италии с позицией Конрада III [3, 118], то в определенном смысле можно говорить о новых веяниях в политике германского престола,

что совпадает с точкой зрения П. Рассова. Но если рассматривать конкордат с позиций традиционных притязаний Западной империи на всю территорию Италии, то обязательство Барбароссы кажется уже возвратом в обычное русло имперской южноитальянской политики, от которой Конрад III на время отказался.

Следствием новой политической ситуации в центре и на юге полуострова явилось также прописанное в договоре обещание Фридриха не заключать с римской коммуной либо Рожером II ни мира, ни перемирия без согласия папы. Волею неволей Фридрих ради скорейшей коронации в Риме, дипломатической подготовкой которой как раз и служил Констанцкий конкордат, фактически смирился с ленным суверенитетом понтифика над Сицилийским королевством, что явно шло вразрез с геополитическими устремлениями империи. Вероятно, Штауфен надеялся по-новому урегулировать эту проблему уже после приобретения им титула императора.

Когда же папа не получил от коронованного им в июне 1155 г. императором Фридриха ожидаемой помощи в борьбе с норманнами и римской коммуной, он заключил в 1156 г. Беневентский конкордат с сицилийским королем Вильгельмом I, что было истолковано германской стороной как оскорбление чести империи (*honor imperii*), блюсти которую Святой престол обязался по условиям Констанцкого договора. Однако позиция Барбароссы являлась произвольной интерпретацией соглашения, поскольку в нем не было установлено запретов на отношения понтифика с норманнами. Гораздо важнее юридического толкования имел место тот факт, что возлагаемые обеими сторонами на Констанцкий конкордат надежды не оправдались [4, 62]. Папа надеялся «найти у фогта римской церкви защиту против норманнов, византийцев и римского сената, а вместо этого ему пришлось осознать, что Барбаросса, хотя и не по своей вине, не продвинулся дальше планов и намерений». Штауфен же понимал императорскую функцию защитника церкви не как «предоставление помощи по первому требованию римского первосвященника, а скорее как распорядительную власть в духе императоров Салической династии» [4, 63].

Однако Фридрих не учитывал кардинально изменившихся со времен салических монархов политических реалий. Авторитет и имидж папства после спора об инвеститурах значительно выросли. С тех пор как норманны полностью подчинили своей власти юг полуострова и Сицилию, папа нашел в них альтернативу императорской опеке, так как, несмотря на все противоречия и трения между Святым престолом и сицилийскими королями, норманны в принципе не подвергали сом-

нению их вассальную зависимость от Рима. Хотя, заключив Бенеventский конкордат, апостолический князь не нарушил Констанцкий договор, тем не менее его союз с норманнским узурпатором – а таковым сицилийский король оставался в глазах Западного и Восточного императоров – походил на демонстративное прекращение «его сотрудничества с кайзером на традиционной основе, выразителем которой являлся Штауфен» [4, 64].

В 1156 г. на хофтаге в Вюрцбурге Фридрих принял решение о проведении похода против норманнов, однако весной 1157 г. монарх внес коррективы в свои планы, решив на сей раз направить главный удар по Милану и его союзникам. В то время как отношения между императором и Святым престолом после хофтага в Безансоне (ноябрь 1157 г.) стремительно ухудшались, папе в начале 1158 г. удалось посодействовать заключению мирного договора между Византией и норманнской Сицилией сроком на 30 лет, тем самым внутривосточная оппозиция в Сицилийском королевстве лишилась весомой поддержки со стороны базилевса.

Норманнская монархия оказалась в самом выгодном за все время ее существования положении: антисицилийский альянс в составе Священной Римской империи, Византии и папства распался. Теперь только один кайзер сохранял враждебность по отношению к сицилийцам, поэтому Вильгельм II, насколько это было в его силах, поддерживал антиштауфеновские силы, то есть коммуны, Вельфов и антиимперскую партию в коллегии кардиналов. Произошедшая в 1159 г. схизма пришлась очень кстати королевству Сицилии, которое извлекло из нее политические дивиденды, выступив в роли заступника папы Александра III.

Когда после убийства мятежными баронами канцлера королевства Майо в ноябре 1160 г. в Сицилии вспыхнули восстания недовольной знати, Барбаросса решил, что настал благоприятный момент для начала военной интервенции на юг Италии. Он вступил в контакт с базилевсом с целью договориться о совместных действиях [5, 56]. После того как восставшие бароны, которые признали императорского папу Виктора IV, захватили Салерно и Капую, Александр III, опасаясь за свою жизнь, бежал в конце декабря 1161 г. на предоставленном Вильгельмом I судне во Францию. Чтобы гарантировать себе поддержку пизанского флота, Фридрих 6 апреля 1162 г. заключил соглашение, в котором пообещал пизанцам широкие торговые привилегии на всей территории Сицилии в случае разгрома норманнского королевства. Этим соглашением также предусматривалась возможность проведения военной операции против враждебной Пизе Генуи, находившейся к тому же в союзе с Вильгельмом I. Однако данный пункт вскоре поте-

рял актуальность, так как Барбаросса два месяца спустя заключил аналогичный пакт о содействии с самой Генуей, перетянув таким образом на свою сторону сразу обе морские республики. С североитальянскими городами Брешией, Пьяченцей, Кремоной, Равенной и Луккой Штауфен также заключил договоры о поддержке ими императорской кампании против Сицилии.

Но военная операция против норманнов в очередной раз была отложена, поскольку Фридрих посчитал более важным воспользоваться представившимся случаем и, дабы попытаться с помощью французского короля Людовика VII положить конец схизме, ради чего он в конце августа 1162 г. отправился в Бургундию.

Осенью 1163 г. император вновь обратился к проектам антинорманнского похода, ведь согласно договоренностям 1162 г. наступление на Рим и Сицилию должно было начаться 1 мая 1164 г.. Но и в этот раз замысел не удалось осуществить. 20 апреля 1164 г. в Лукке умер императорский папа Виктор IV, а избрание нового антипапы, Пасхалия III, только ослабило позиции Фридриха в Германии, в то время как в Италии росло сопротивление коммун, объединившихся в Веронскую лигу, к которой затем присоединилась Кремонская лига. Осенью 1164 г. Барбаросса вернулся в Германию. Тем не менее кайзер не хотел отказываться от своей южноитальянской программы и в 1165 г. приказал Кристиану Майнцкому нанести удар по Кампании, но в итоге никаких стратегических успехов имперским силам достичь не удалось [6, 301].

После смерти сицилийского короля Вильгельма I 7 мая 1166 г. византийский император Мануил I возобновил проект создания большой антиштауфеновской коалиции. Он предложил в жены несовершеннолетнему Вильгельму II свою дочь, кронпринцессу Марию, а папе высказал идею церковной унии с православным Востоком ценой признания базилевса единственным императором Запада и Востока. Бурная деятельность греческой дипломатии заставила Барбароссу вернуться в Италию с большим войском осенью 1166 г. Кроме изгнания византийцев из Анконы и введения Пасхалия III в Рим, третьим пунктом на повестке дня Фридриха значилось завоевание норманнского королевства.

Начало военной операции против сицилийцев было назначено на лето 1167 г. Поддержка пизанского флота была гарантирована. В группировке императорской армии, шедшей на Рим под командованием Райнальда Дассельского и Кристиана Майнцского, находился также отряд Роберта Бассавиллы – одного из лидеров баронской оппозиции в Сицилийском королевстве. Другие представители южноитальянской мятежной знати, например изгнанные из норманнско-

го государства графы Андреа ди Рупеканина и Риккардо ди Фонди, еще осенью 1166 г. с территории империи напали со своими контингентами на северную границу владений Вильгельма II, но, натолкнувшись на ожесточенное сопротивление, вынуждены были повернуть назад. После того как Фридрих в мае 1167 г. осадил Анкону, а в июле уже вошел в Рим, вынудив Александра III бежать в норманнский Беневент, ничто более не мешало кайзеру перейти к прямым военным действиям против норманнов. Однако внезапная вспышка эпидемии малярии в немецком лагере под Римом, которая в августе-сентябре 1167 г. буквально выкосила весь цвет германского рыцарства, разрушила эти планы. Поэтому и на сей раз Барбароссе пришлось ни с чем уйти в Германию.

Римская катастрофа 1167 г., охарактеризованная Одило Энгельсом как «имеющий самые большие последствия перелом в политике Фридриха I» [7, 75], привела в долгосрочной перспективе к переориентации южноитальянской политики империи. Ввиду практической невозможности утвердить традиционные претензии Западной империи на господство в Южной Италии военными средствами и изгнать «норманнских узурпаторов», у Барбароссы не осталось иного выбора, кроме как смириться с существованием Сицилийского королевства и принять это как данность.

Коренные изменения в южноитальянской политике Штауфена произошли не сразу, а лишь постепенно, вызревая в течение десятилетия с 1167 г. до 1177 г. Важным доказательством намерения Фридриха достичь соглашения с норманнами является его предложение о брачном союзе: в 1174 г. канцлер империи Кристиан Майнцский предложил Вильгельму II руку старшей дочери Барбароссы Беатрикс. Но король отказался, не желая портить отношения с Александром III, которому штауфено-норманнский альянс казался крайне опасным, особенно с учетом продолжения схизмы.

Примерно за два года до этого события Вильгельм II уже принял высказанное ранее предложение Мануила I жениться на его дочери Марии, которая между тем перестала считаться наследницей греческого престола, так как у базилевса в 1169 г. родился сын Алексей. Однако в условленный момент, весной 1172 г., 18-летний жених напрасно прождал прибытия своей невесты в порту Тарента. Базилевс просто передумал, вероятно, решив теперь обручить свою дочь с одним из сыновей Барбароссы как с более выгодной партией [8, 371]. Норманнский монарх воспринял такое поведение как афронт, и, возможно, предложение, сделанное Вильгельму II Кристианом Майнцским, являлось попыткой штауфеновской дипломатии сыграть на возникших противоречиях между Си-

цилией и Византией.

Свидетельством того, что после катастрофы 1167 г. в окружении императора начинает постепенно созреть осознание безуспешности военных операций против норманнского королевства и неизбежного в среднесрочной перспективе признания возникшего на юге Италии нового государственного образования, служит письмо Фридриха соборному капитулу Вюрцбурга, написанное в конце 1175 г. После того как император напомнил адресату о «махинациях» ломбардцев», которым почти удалось «разрушить его славу и превосходство Римской империи и сделать их равными нулю», он обосновывает необходимость новой военной интервенции в Италию тем, что в противном случае «чума коварства и предательства», захватившая уже весь север полуострова, перекинется на Южную Италию и Византию и «будет своими лживыми инсинуациями вредить императорской короне» [9, 146]. В отличие от письменных свидетельств до 1167 г., норманнский король в этом послании не предстает в образе тирана или узурпатора Сицилии либо агрессора империи, изгнание которого служило целью нескольких итальянских кампаний Барбароссы. В пятом итальянском походе, на который и ссылается автор письма, заклятый враг империи один – Ломбардская лига, которая пытается заразить «чумой коварства и предательства» Византию и юг Италии. Сицилийское же королевство здесь упоминается лишь мимоходом.

После того как потерпела неудачу попытка Фридриха дипломатическими средствами заставить Вильгельма II покинуть ряды антиимперской коалиции во главе с папой, Барбаросса под конец пятой итальянской экспедиции еще раз попробовал применить силу и отправил на юг воинский контингент под командованием Кристиана Майнцкого. Хотя этот имперский отряд и одержал 10 марта 1176 г. победу под Карзоли в Аbruцци над норманнами во главе с графами Танкредом ди Лечче и Рожером ди Адриа, но понесенное кайзером 29 мая 1176 г. поражение от коммун при Леньяно вынудило Кристиана Майнцкого оставить завоеванные позиции и отступить [10, 375]. Таким образом, последняя силовая акция, предпринятая Штауфеном в отношении Сицилийского королевства, окончательно потерпела фиаско.

Как следствие радикального поворота в политике Фридриха на полуострове, осенью 1176 г. начались переговоры с папой о заключении всеобъемлющего мирного договора, включающего и Сицилию. В том же году Александр III, который крайне болезненно воспринял идею династической связи между домами Штауфенов и Альтавилла, поспособствовал помолвке Вильгельма II с Иоанной, дочерью английского короля Генриха II

Плантагенета, а сама процедура бракосочетания состоялась 13 февраля 1177 г. [10, 376].

На переговорах, предшествовавших заключению в Венеции мирного договора с империей в 1177 г., сицилийскую сторону представляли граф Рожер ди Адриа и архиепископ Салернский Ромуальд, о чем последний подробно повествует в своей хронике. Показателем перемен в позиции норманнской монархии, произошедших в царствование Вильгельма II, служит речь Ромуальда, произнесенная им в присутствии Барбароссы по случаю подписания Венецианского мира. Среди прочего в ней говорится, что король Сицилии любит христианских королей и хочет жить с ними в мире и согласии; только врагов креста Иисуса он с непреклонной ненавистью повсюду преследует; ради этого он не стесняется никаких средств и ежегодно высылает свой флот, чтобы уничтожать врагов христианской веры и гарантировать безопасность паломников, отправляющихся ко Гробу Господню; некоторые же христианские суверены ради собственной выгоды даже заключают союзы с сарацинами; и только король Сицилии с верой в сердце сражается за правое дело Христа. Затем Ромуальд напрямую обращается к Фридриху с напутствием, чтобы он в качестве «особого сына и заступника Божьей Церкви» оценивал бы выше заслуги норманнского короля в деле защиты веры, утверждая далее, что Вильгельм II глубоко убежден в том, что мир между императорским величеством (*maiestas*) и королевским величием (*magnificentia*) принесет огромную пользу церкви и всему миру [11, 297].

Заключенное в Венеции 15-летнее перемирие (на практике это означало мирный договор) позволило Вильгельму II пойти по стопам деда и продолжить его активную средиземноморскую политику. Прежний отказ Вильгельма I и его канцлера Майо от преемственности в экспансивной политике Рожера II в средиземноморском бассейне обуславливался внутри- и внешнеполитическими трудностями, с которыми столкнулось норманнское королевство после смерти своего основателя. Внутри страны росло сопротивление центральной власти со стороны знати, в то время как африканские завоевания Рожера II на тунисском побережье пали жертвой берберских Альмохадов. И возобновление деятельной средиземноморской политики стало возможным лишь после того, как ликвидировалась угроза норманнскому государству, исходящая с севера Апеннинского полуострова, т.е. после заключения Венецианского мира.

Во внешней политике Вильгельма II после 1177 г. четко различимы два основных направления: с одной стороны, поддержка христиан на Святой земле, а с другой – борьба с Византией. В отличие от Рожера II, который явно дистанциро-

вался от участия во втором крестовом походе, Вильгельм II стремился играть роль защитника христиан в Средиземноморье. Помимо его активных приготовлений к Третьему крестовому походу здесь стоит упомянуть также отправку флота под командованием Танкреда ди Лечче против Александрии по просьбе иерусалимского короля Амальриха. Ведь с момента замужества Аделаиды, вдовы Рожера I, с королем Иерусалима Балдуином I между Сицилией и Святой землей сохранялись тесные отношения, а духовно-рыцарские ордена и монастыри Латинского Востока были широко представлены в норманнском королевстве.

Пока Альмохады теряли власть в Магрибе (в 1180 г. они даже заключили 10-летнее перемирие с Вильгельмом II, обязавшись уплачивать ему ежегодную дань), в Египте зародилась гораздо более серьезная угроза в лице Аюбидов под предводительством Саладина. В 1182 г. норманнский флот атаковал арабские Балеары, однако безуспешно. На 1185 г. была намечена повторная экспедиция на острова. Но этому плану не суждено было осуществиться, так как по причине внутренних пертурбаций в Византии все внимание сицилийского двора временно переключилось на Восточный Рим.

Дело в том, что после кончины Мануила I в 1180 г. регентшей вместо малолетнего Алексея II стала его мать, Мария Антиохийская, но вскоре она была свергнута с престола двоюродным братом покойного базилевса Андроником Комниным, объявившего себя в сентябре 1183 г. соправителем Алексея II. Однако произошедшее два месяца спустя убийство юного императора (вероятно по приказу Андроника) и последовавшие за этим беспорядки ввергли страну в хаос, чем не замедлил воспользоваться Вильгельм II для активизации наступательных действий против Византии, которая так и не оправилась от страшного поражения при Мириокефалоне 1176 г. и была крайне ослаблена в военном плане.

Политическими соображениями объясняется удовлетворение Вильгельмом II просьбы Фридриха о браке его сына и наследника германского престола Генриха VI с Констанцией, дочерью Рожера II и теткой правящего монарха Сицилии. К сожалению, точное время штауфеновского запроса и норманнского согласия не отражено в дошедших до нас источниках. Известно только, что 29 октября 1184 г. в Аугсбурге состоялся торжественный акт помолвки [12, 55]. Несмотря на то, что Вильгельму II тогда шел лишь 31 год, а его супруге Иоанне было 18 лет, так что их бездетность на тот момент нельзя было рассматривать как окончательную, все же в брачный договор Генриха и Констанции был вставлен пункт о возможной бездетной смерти Вильгельма II. До церемонии

бракосочетания, состоявшейся 27 января 1186 г. в Милане, норманнский король собрал своих вассалов на хoftаг в апулийской Трое и взял с них клятву в случае его бездетной кончины признать Констанцию законной наследницей сицилийского трона. Пока в Сицилии все громче звучали голоса противников этого брачного союза, опасавшихся возможной унии королевства и империи, роль папы, которому подобная перспектива должна была показаться крайне опасной, остается на удивление нейтральной. Скорее всего, дряхлый Луций III был слишком слаб, чтобы оказывать активное сопротивление Барбароссе, позиции которого после Констанцкого мира 1183 г. были достаточно сильны.

Обезопасив свои тылы в результате заключения династического союза с Фридрихом, Вильгельм II получил полную свободу действий на византийском фронте, и в июне 1185 г. его флот атаковал Константинополь. Целью этой операции являлось не только изгнание узурпатора Андроника и возведение на греческий престол норманнского ставленника, но и, по возможности, самый настоящий захват Ромейской державы, замысел, вынашиваемый норманнами уже свыше ста лет со времен Роберта Гвискара. Несмотря на первоначальные успехи сицилийцев, такие, как овладение Дураццо и Фессалониками, их наступление в дальнейшем захлебнулось, и уже в сентябре 1185 г. они вынуждены были начать отступление. Спорадические военные акции против Византии, где тем временем на престоле утвердился Исаак Ангел, были в последующие годы продолжены флотоводцем Вильгельма II, адмиралом Маргаритусом ди Бриндизи, а норманнский флот, доминировавший в Эгейском море, в тот период значительно превосходил военно-морские силы Византии.

Однако после взятия Йерусалима Саладином в октябре 1187 г. антивизантийский вектор в политике норманнов отошел на второй план, а приоритет был отдан борьбе за освобождение Святой земли. В Европе снова оживилось крестовое движение. Сам сицилийский монарх был глубоко потрясен известием о захвате Святого города сарацинами и полон решимости взять на себя ведущую роль в организации объявленного Григорием VIII Третьего крестового похода. Весной 1188 г. он выслал флотилию к берегам Палестины, чтобы нападать на Саладина с моря. В крестовом порыве Вильгельм II призвал европейских монархов-участников похода избрать морской путь через Сицилию, обещая им всестороннюю поддержку в переправе на Ближний Восток. Но когда английский и французский короли прибыли в сентябре 1190 г. на остров, норманнский государь уже скончался (18 ноября 1189 г.).

Внезапная смерть 36-летнего монарха

привела к коренному изменению политической обстановки в Европе и средиземноморском пространстве. Поскольку Вильгельм II умер бездетным, Сицилийское королевство досталось Констанции, супруге Генриха VI, ставшего в свою очередь преемником Фридриха Барбароссы в 1190 г. Рассматриваемый в 1184 г. весьма абстрактно вопрос объединения обеих монархий теперь наступил в реальности и стал свершившимся фактом. Характерно, что, отправляясь в 1191 г. в свои новые владения для участия в церемонии коронации Констанции, Генрих VI сослался не только на наследственные права своей жены, но и на древнее право империи [13, 288].

Подводя итоги, можно констатировать, что Фридрих в начале своего правления, т.е. до римской катастрофы 1167 г., попытался силой оружия добиться осуществления традиционных притязаний империи на всю территорию Италии. Но проблемы, вставшие на пути кайзера в Северной и Центральной Италии из-за действий коммун и Святого престола, и достаточно стабильная военно-политическая ситуация в Сицилийском королевстве норманнов не позволили Барбароссе реализовать свои замыслы. Первые признаки начинающегося с 1167 г. переосмысления имперской южноитальянской политики четко проявились в 1174 г.: император предложил королю Сицилии брачный союз, что, однако, было еще преждевременным. После же того как в Венеции оба монарха скрепили клятвами 15-летнее перемирие, что, по тогдашним понятиям, было равносильным миру между империей и норманнским государством, то сложились реальные предпосылки для заключения матримониального союза между двумя династиями. А среди главных причин такого развития событий, помимо инициированной Фридрихом перестройки в отношениях с норманнами, следует указать новую средиземноморскую политику Вильгельма II, а также окрепнувшее положение империи после мира с коммунарами 1183 г. и, наоборот, крайне ослабленную позицию папства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Deer J. Papstum und Normannen. Untersuchungen zu ihren lehnsrechtlichen und kirchenpolitischen Beziehungen. Hamburg, 1972.
2. Jaffe Ph. Bibliotheca rerum Germanicarum 1, №343. Berlin, 1864.
3. Rassow P. Honor imperii. Darmstadt, 1961.
4. Engels O. Die Staufer. Stuttgart, 1972.
5. Lamma P. Comneni e Staufer. Ricerche sui rapporti fra bizanzio e Occidente nel secolo XII. Roma, 1957.
6. Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907.
7. Engels O. Die Staufer. Stuttgart, 1972.
8. Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907.
9. Monumenta Germanie historica (MGH). Die Urkunden

- Friedrichs I. 1168-1180, №645. Hannover, 1984.
10. Chalandon F. Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile. Paris, 1907.
11. Romualdi Salernitani Chronicon//Rerum Italicarum Scriptores. Nuova edizione 7/1. Citta di Castello, 1935.
12. Annales Marbacenses qui dicuntur, ed. Hermann Bloch, MGH, SS rer. Germ. 9. Hannover, 1907.
13. Baaken G. Unio regni ad imperium. Wien, 1972.

R. Furtsev

FRIEDRICH I BARBAROSSA AND ITS POLICY IN THE RELATION OF THE NORMAN STATE IN ITALY

Abstract. In the article the policy of the emperor of Holy Roman Empire Friedrich Barbarossa in the relation of Sicily Kingdom is analyzed. Sicily Kingdom was formed by the Norman in the end of XI century.

And they defended in persistent struggle the rights to the South Italian earths. The empire, papacy and Byzantium traditionally applied for these territories that time and it led to confrontations. In the beginning of board Friedrich Barbarossa has continued aggressive anti-Norman policy of German emperors, but then having realized impossibility of a conquest and violent inclusion of the south of Italy in empire structure, he took other way, having counted on diplomacy and peaceful co-existence with the Sicilian monarchy that as a result has led to dynastic association of two powers.

Key words: Geopolitics of Friedrich Barbarossa, ambitions of Holy Roman Empire, Norman, papacy, Sicily Kingdom, Byzantium.

УДК 94 (560) "14/19"

Мамедов И.

ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ ГАРЕМА ОСМАНСКИХ СУЛТАНОВ*

Аннотация. В рамках данной статьи сделана попытка изучения источников пополнения гарема османских султанов. Гарем османских султанов не был предметом специального изучения отечественных историков. Османские султаны были не единственными среди мусульманских правителей, кто имел связь с невольницами без заключения официальных браков. Проживание с наложницами без заключения официального брака было широко распространено на Востоке. Невольниц брали в качестве военной добычи, или покупали у работорговцев на невольничьих рынках. По-прошествии определенного времени служения своему хозяину они отпускались на свободу, поскольку освобождение раба или невольницы считалось богоугодным делом. Карьера невольницы могла завершаться одним из трех альтернатив: она могла войти в состав семьи османской династии в качестве матери одного из принцев; достигнуть одной из высшей должности в иерархии султанского гарема; и получив свое освобождение войти в состав административной или военной элиты, выйдя по велению султана замуж за одного из их представителей.

Ключевые слова: Валиде Султан, Гарем, Джарийе, Калфа, Уста, Хасеки.

У большинства людей гарем османских султанов ассоциируется с местом, где собраны мно-

гочисленные красивые женщины для ублажения своего господина. Такое отношение к гарему у западного читателя выработалось в результате прочтения многочисленных книг, посвященных гарему султанов. Однако предположения, выдвинутые в этих книгах, и факты, изложенные в них, не отражают действительности того времени.

Гарем был не только местом, где султаны имели интимную близость с невольницами, в нем формировалась семейная политика, решались вопросы наследования престола. Гарем был одним из общественно-социальных институтов, который имел свою специфическую структуру, очень похожую на структуру школы «эндерун», где оторванные от своих семей мальчики, обслуживая самого султана, готовились к государственной службе.

Османские султаны были не единственными среди мусульманских правителей, кто имел связь с невольницами без заключения официальных браков. Подобная практика — проживание с наложницами без заключения официального брака — была широко распространена на Востоке. Еще аббасидские халифы (750–1258 гг.) имели внебрачные связи с наложницами [2, 151]. Однако Османы, в отличие от своих предшественников, традицию проживания с наложницами без заключения с ними официальных браков сделали одним из важных элементов государственной политики.

По мусульманским законам, хозяин невольницы имел право на интимные отношения с ней. При этом должны были соблюдаться некоторые законы шариата: во-первых, невольница не долж-

* ©Мамедов И.

Работа представлена кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета.

на была состоять в браке; во-вторых, соблюдался определенный срок — три месяца; в-третьих, необходимо было согласие невольницы на то, что ее хозяин оплачивает ее михр и может вступать в интимную связь с ней [11, 65-74; 15, 10; 4, 151-165]. Михр купленных в качестве одалык невольниц принадлежал хозяину данной невольницы. По словам жены английского посла в Стамбуле леди Монтагью, «если жена была дочерью высокопоставленного человека или привозила с собой много приданого, будущий муж давал обещание, что он не будет брать вторую жену или мустефрише и сохранит верность своей жене. Не существует закона, который запретил бы турецкому мужчине взять в качестве жены или наложницы такое количество женщин, какое он захочет» [10, 148-149]. Таким образом, каждая незамужняя невольница потенциально могла стать законным интимным партнером своего хозяина. Невольница, принявшая ислам и родившая ребенка от своего господина, по законам шариата переходила в более высокую категорию по своему общественному статусу. Она становилась «матерью ребенка» («умм-и валад») [2, 159; 13, 110-113; 14, 362-363]. Отныне хозяин не мог ее продать или изгнать из своего дома. После смерти хозяина она получала свободу. Каждый мусульманин наряду с официальными женами, количество которых по законам шариата ограничивалось четырьмя, мог также иметь связь с неограниченным количеством невольниц [6, 110-114; 9, 154-155].

Невольниц брали в качестве военной добычи или покупали у работоторговцев на невольничьих рынках. Красивые невольницы, которые изначально предназначались для домов богатых и знатных людей, обучались игре на различных музыкальных инструментах, пению или какому-либо ремеслу. От продажи таких невольниц работоторговцы получали большой доход [2, 159-165].

Законами шариата запрещалось превращение мусульман в рабов или невольниц. Поэтому практически все невольницы, попадавшие в гарем султанов, по своему происхождению не были мусульманками. Исключение составляли невольницы из некоторых мест Кавказа, по той или иной причине оказавшиеся в гареме османских султанов. Среди них иногда были мусульманки, которые обманым путем попадали в руки работоторговцев. Черкешенками назывались все невольницы, привезенные в столицу Османского государства, хотя они могли принадлежать к разным народностям, заселявшим Кавказ, и их соседям. В XIX веке самыми распространенными были невольницы из народностей убыхи, шапсуги, убыхахи, кабартай, беслинай, абхазы и многие другие. Среди них самыми известными и желанными были невольницы убыхи, шапсуги и абызахи. По своим физи-

ческим данным и по характеру они отличались от невольниц других народностей и считались более ценными. Невольницы убыхи, шапсуги и абызахи различались также между собой. Невольницы убыхи были строгими и правдивыми, шапсуги — преданными, способными, с хорошим нравом и мягким характером, абызахи отличались умом и воинственностью [3, 314-315].

Для членов султанской семьи гарем был местом жительства. Молодые невольницы обучались и воспитывались в гареме под руководством опытных женщин — с целью подготовки их к обслуживанию султана и женщин семьи Османов. Большинство невольниц, служивших в гареме, становилось женами высокопоставленных должностных лиц. Их воспитывали и обучали, чтобы в будущем выдать замуж за представителей административной и военной элиты, которые воспитывались в Эндеруне султанского гарема. Эндерун готовил мальчиков к службе Османской династии путем личного обслуживания султана в мужской части дворца, так же, как гарем готовил невольниц — они обслуживали султана и Валиде Султан — к их грядущему служению Османской династии. Если невольницы, попадавшие в гарем султана, в течение своей службы, которая составляла около 9 лет, не привлекали внимания султана или принцев, а также не могли занять должности в иерархии гарема, они получали свое освобождение.

Гарем османских султанов как общественно-социальный институт претерпел существенные изменения с начала своего образования. В эпоху расширения османского государства во дворец принимали невольниц из тех районов, где османы вели военные действия. Во время победоносных военных походов против соседних, в основном европейских, государств большое количество женщин попадались в плен. Из них самых красивых девушек брали в гарем султана. Остальные либо попадали в гаремы высокопоставленных военных и государственных лиц, либо продавались на невольничьих рынках.

В XVIII и XIX веках основным поставщиком невольниц в гарем был начальник таможни. Также невольниц в Стамбул поставляли торговцы рабами. Однако красивых и подготовленных невольниц дарили султану его сестры и люди, получившие высокую должность в столице и провинциях.

При принятии во Дворец всех невольниц осматривали специально обученные женщины-повитухи. В XIX веке обследование невольниц стали проводить повитухи и врачи [8, 398; 16, 40-41]. Если они обнаруживали физический дефект на теле невольницы или какие-нибудь другие изъяны, то невольницу возвращали бывшему хозяину [15, 15]. Для людей, которые преподносили такую невольницу в качестве подарка, возврат ее

означал крах карьеры. Поэтому, прежде чем предложить невольницу во дворец, человек, намеревавшийся сделать такой подарок, поручал своим людям тщательно осмотреть ее.

Невольницы, прошедшие подобный осмотр, представлялись Валиде Султан, которая вместе со специалистом, определяющим будущее невольницы по ее лицу и по рукам, распределяла их по различным службам в гареме. Сама Валиде Султан или кто-либо из Кадын и сестер султана иногда брали красивых невольниц на воспитание. Иногда эти маленькие девочки играли и росли вместе с дочерьми султана. Однако девочки такого возраста были исключением.

Принятые во дворец рабыни или подаренные султану невольницы после необходимого обследования попадали в категорию «аджеми», что означало «новички» [4, 276]. По истечении определенного времени обучения и воспитания эти невольницы распределялись среди существующих в гареме служб. Самые красивые и способные попадали в апартаменты матери султана или хазинедар уста. На этом этапе их называли калфа. Их обучали правилам хорошего тона и уважению к старшим. Султаны своих наложниц (интимных партнерш) выбирали среди таких невольниц.

После переезда султанского гарема в Новый дворец в конце XVI века принятых во дворец невольниц размещали вместе с их сверстницами в общих комнатах гарема, которые были предназначены для невольниц. Некоторые из этих комнат были настолько велики, что в них могли поместиться до 100 человек. Невольницы спали на матрасах, которые днем убирались и складывались в специальных местах. Чтобы предупредить нежелательные отношения между молодыми невольницами ночью, через каждый десять невольниц укладывалась спать женщины в возрасте, которая приматривала за ними. Матрасы изготавливались из шерсти и были жесткими. Всю ночь в комнатах горели свечи [12, 71; 16, 40-41].

Невольницы, которые жили в гареме, делились на три категории «аджеми», «калфа» и «уста». Аджеми (новички) сначала обучались дворцовому этикету и той работе, которую они должны были выполнять. После такого обучения, которое иногда длилось несколько лет, невольницы, исходя из их способностей, распределялись среди различных служб, существующих в гареме. В этих службах они становились помощницами калфа, которые находились под руководством уста, возглавлявшей данную службу в гареме. По завершении определенного этапа обучения джарийе переходили в ранг «калфа». В соответствии со своими деловыми качествами и красотой они распределялись в апартаменты султана, Кадын Эфенди, Валиде Султан, принцев, Икбал. Калфа,

исходя из срока службы, делились на Старших, Средних и Младших [15, 143]. Служившая дольше всех в указанных апартаментах калфа считалась Старшей («комнатной») калфа. Другие ортанджа (средняя) и кучук (младшая) калфа подчинялись ей. Калфа апартаментов Кадын и Икбал были рангом выше, чем другие. Их выбирал сам султан среди обслуживающих его невольниц. Калфа других апартаментов были ниже рангом, чем калфа султанских апартаментов. Калфа выполняли все необходимые работы в апартаментах с помощью других калфа и джарийе. В XIX веке самая опытная и старшая калфа в апартаментах Валиде Султана, Кадын и Икбалов, а также в апартаментах принцев стали называться «комнатная калфа». В годы правления султана Абдильмежида следующие калфа возглавляли некоторые апартаменты во дворце: в апартаментах Мурад Эфенди — Теллалнур Калфа, Кемалеттин Эфенди — Мурветсеза Калфа, у Бурханеттин Эфенди — Мелекпер Калфа, Нуреттин Эфенди — Хуснугюл Калфа, у Сенихи Султан — Мураддил Калфа, у Серфираз Ханум — Фелексу Калфа, у Баш Кадын — Сервер Калфа, у 3-й Кадын — Чешмидженан Калфа [15, 143].

После вступления в интимные отношения с султаном, по желанию султана наложнице выделяли отдельные помещения и давали ей служанок. Если она оставалась беременной и рожала ребенка, то она переходила в более высокую ступень по существующей в гареме иерархической лестнице. Если султану она не нравилась, то выдавали ее замуж за кого-нибудь из государственных чиновников [5, 131-134].

Султаны не вступали в половые отношения со всеми одалык, которые покупались в детском возрасте и готовились специально с этой целью. Если кто-нибудь из одалык, с которыми султаны вступали в половые отношения, рожала ребенка, то она переходила в категорию «икбал» или «кадын». Некоторые одалык попадали в эти категории до того, как у них появлялись дети.

Функциональным назначением гарема было обслуживание султана, когда он находился в этой части дворца. Как уже было сказано, в конце XVI века султаны свои апартаменты перевели в гарем. Естественно, они больше времени проводили в этой части дворца, а не в эндеруне, это различные службы для обслуживания султана. Эти службы являлись копиями служб, находившихся в эндеруне, где султана обслуживали обучавшиеся там юноши. Службы назывались исходя из их рода деятельности, а главы служб выбирались султанами среди опытных невольниц.

Термином «должностные лица» можно обозначать тех женщин в гареме, которые имели титулы и, соответственно, определенный статус, получали более высокое ежедневное жалование

по сравнению с простыми невольницами, а также имели другие привилегии.

Должностные лица имели высокий статус в гареме и занимали определенные посты или должности [15, 143]. Они не являлись членами султанской семьи. Самой значительной должностью в гареме, до которой могли возвыситься попадавшие туда невольницы, за исключением некоторых, относительно более удачливых невольниц, которые делили ложе с султаном и могли иметь детей от него, была должность «уста». Термин «уста» появился в XVIII веке. До этой должности могли дослужиться только самые прилежные, терпеливые и подготовленные невольницы. Они непосредственно обслуживали султана. Первоначально в гареме было 7 уст, исходя из различных служб, которые они возглавляли. Им помогало определенное количество женщин, которые назывались калфа. В каждой службе были невольницы, которые поступали разными способами в гарем султана. Согласно статусу и рангу эти службы следовали таким образом: хазинедар уста, чешнигир уста, ибриктар уста, кахведжи уста, килерджи уста, джамашырджы уста и кутуджу уста. Позже к ним добавились некоторые другие уста. Их главы, в соответствии со своим рангом, присутствовали на дворцовых торжествах и церемониях. Им были выделены отдельные апартаменты в гареме и под их руководством находились невольницы, которые должны были также обслуживать их. Уста получали достаточно высокое денежное содержание и обладали некоторыми привилегиями. Из султанской казны им выделялись деньги и ткани на одежду.

Карьера невольницы могла завершаться одной из трех альтернатив: она могла войти в состав семьи османской династии в качестве матери одного из принцев; достигнуть одной из высших должностей в иерархии султанского гарема; и, получив свое освобождение, войти в состав административной или военной элиты, выйдя по велению султана замуж за одного из их представителей. Несмотря на то, что нам неизвестно, на каком этапе своей карьеры в гареме невольница становилась между таким выбором, известно, что султаны выбирали себе наложницу, которая была на вершине своего обучения. Для того, чтобы делать успешную карьеру в гареме, так же как и в эnderуне, наряду с физической красотой необходимы были также характер, ум и успех.

Как школа в эnderуне была местом подготовки государственных служащих [1, 77-78], так и гарем был местом обучения для красивых и способных девушек. Эти девушки, попадавшие во дворец как одалык, могли стать «женами» или матерями будущих султанов, должны были соблюдать обычаи дворца. Хазинедар Уста с особым вниманием воспитывала таких девочек [1, 47]. В

гареме османских султанов бывшая невольница могла достигать самой высшей ступени иерархической лестницы в гареме. В качестве матери султана в ее руках оказывалась огромная сила, которая способна была воздействовать на общую политику османского государства.

Объединение султанского гарема в конце XVI века, система назначения на престол самого старшего члена османской династии по мужской линии и отмена порядка умерщвления султанами своих братьев при вступлении на престол привели к возвышению роли матери султанов. Это, в свою очередь, наряду с многочисленными другими причинами, привело к появлению строгой иерархии между женщинами, проживающими в султанском гареме. В качестве матери действующего султана Валиде султаны стали возглавлять гарем. Такая иерархия продолжалась до ликвидации гарема в 1909 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Левашов П.А. «Цереградские письма...» (Подготовка текста, предисловие и примечания А.А. Вигасина). с. 6-101 // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН; Школа-Пресс, 1995. – 336 с.: ил. (Библиотека журнала «Преподавание истории в школе»).
2. Мец А. Мусульманский ренессанс. Пер. с нем., предисл., библиогр., и указатель Д. Е. Бертельса. – М., Издательство «ВиМ», 1996. – 544 с.
3. Abdülaziz Bey. Osmanlı Adet, Merasim ve Tabirleri: Adat ve Merasim-i Kadime, Tabirat ve Muamelat-i Kavmiye-i Osmaniye. 2 kitap. – İstanbul, 1995. – 609 s.
4. Akgündüz A. İslam Hukukunda Kölelik-Cariyelik Müessesesi ve Osmanlı'da Harem. – İstanbul, OSAV, 1995. – 478 s.
5. Alderson A.D. The Structure of the Ottoman Dynasty. – Oxford, 1956, // Çeviri, Severcan S.- İstanbul, İz Yayıncılık, 1998. – 312 s.
6. Juynboll Th. W. "Abid". İA, Cilt 1. – Eskişehir, 2001. – s. 110-114.
7. İslam Ansiklopedisi. 13 Cilt. – Eskişehir, 2001.
8. Leyla Saz. Saray ve Harem Hatıraları // Yeni Tarih Dergisi II. – İstanbul, 1958. – s. 412-442.
9. Mantran R. XVI.-XVII. Yüzyıl'da İstanbul'da Gündelik Hayat. // Çeviri, Kılıçbay M.A. – İstanbul, Eren, 1991. – 257 s.
10. Montagu Lady M. W. Şark mektupları // Çeviri Refik A. – İstanbul, 1933. – 128 s.
11. Ortaylı İ. Osmanlı Toplumunda Aile. – İstanbul, Pan Yayıncılık, 2000. – 184 s.
12. Rycout P. The Present State of the Ottoman Empire. – London, 1686. – 411 p.
13. Schacht H. "Umm Walad". İA, Cilt 13. – Eskişehir, 2001, s. 110-113.
14. Ubiçini J.-H.A. Osmanlı'da Modernleşme sancısı. // Çeviri, Aydın C. – İstanbul, 1998. – 400 s.
15. Uluçay M.Ç. Harem II. – Ankara, TTK Basımevi, 1992. – 189 s.
16. Withers R. The Grand Signiors Serraglio. // Çeviri Kayra C. – İstanbul, 1996, – 178 s.

I. Mamedov

SOURCES OF REPLENISHMENT OF THE HAREM OF THE OTTOMAN SULTANS

Abstract. As part of this article attempts to study sources of replenishment of the Harem of the Ottoman Sultans was done. Harem of the Ottoman sultans had not been the subject of special study of Russian historians. The Ottoman sultans were not only among the Muslim rulers, who had a sexual relationship with the slave girl -without a formal marriage. Living with concubines without a formal marriage was widespread in the East. Slaves were taken as war booty, or bought from slave traders in the slave mar-

kets. There after a certain time of service to his master, they were allowed to freedom, since the release of a servant or slave was considered pious deeds. Career slave girl could end in one of three alternatives: she can enter into the family of the Ottoman dynasty as the mother of one of the princes, to achieve one of the highest positions in the hierarchy of the sultan's harem; and received his release to join the administrative and military elite, coming on command of the Sultan to marry one of their representatives.

Key words: Cariye, Harem, Haseki, Kalfa, Usta, Valide Sultan.

УДК 663.25(479.24)–IV/III"

Самедова Севда Тофик кызы

РАЗВИТИЕ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД (IV в. до н.э. - III в. н.э.)*

Аннотация. Археологические раскопки и ботаническое исследование свидетельствуют о том, что Азербайджан является древнейшим очагом виноградарства и виноделия. Обнаружение в исследуемый период древних сортов винограда, некоторых орудий труда – секачей, садовых ножиц, винодельческих ванн свидетельствуют о развитии виноградарства и виноделия. Наличие водных ресурсов и мощных ирригационных систем, благоприятные климатические условия, о чем свидетельствуют античные источники, давали возможность населению культивировать и собирать большой виноградный урожай. Ныне в генофонде Азербайджана сохраняется более 450 местных аборигенных сортов винограда. Ежегодно 23 сентября в Азербайджане отмечают древний праздник «Мехриган», посвященный окончанию сбора виноградного урожая.

Ключевые слова: Кавказская Албания, Азербайджан, развитие виноградарства, античные источники, археология.

Издревле благоприятные природно-географические условия Азербайджана наряду с посевом хлебных злаков, садоводством, бахчеводством и огородничеством позволяли населению заниматься также виноградарством и виноделием. Наличие мощных ирригационных систем в Албании, о которых сообщает Страбон [16, IX, 4, 3], обнаружение в античном пласте остатков древних каналов в Мильско-Муганской степях, кягризов и колодцев также способствовали широкому

развитию указанных хозяйств [2, 22]. Еще из сообщений ассирийского царя Саргона II известно, что в Манне (Южный Азербайджан) получили развитие виноградарство и виноделие, а также были обнаружены винные амбары, где были найдены закопанные в земляной пол винные кувшины [11, 80]. По сообщению Страбона, в Албании наряду с плодами, «выращенными человеком», собирали также урожай «диких» плодов» [16, IX, 4, 3]. Современный ботанический материал Азербайджана подтверждает это сведение: в Мингечауре, Торпаккале (Кахский район), а также на берегу реки Алазань имеются заросли дикого винограда со сладкими ягодами размером не более горошины [1, 95].

Страбон описывает обработку почвы из-под виноградных лоз так: «...Виноградные лозы там (в Албании - авт.) никогда не окапывают до конца, а только раз в пять лет подрезают. Молодые лозы плодоносят уже на второй год, а достигнув зрелости, дают так много гроздей, что значительную часть их приходится оставлять на ветвях» [16, IX, 4, 3]. Современные виноградари также, стараясь не повредить корни виноградных лоз, очень аккуратно, не глубоко переворачивают лопатой землю вокруг них. В народе этот способ обработки почвы называется «беллеме» (бель-лопата), совершают его обычно в феврале или марте. При археологических раскопках на территории Атропатены была обнаружена железная лопата – бель [1, 89].

Во втором тысячелетии до н.э. в селе Узерликтепе (Агдамский район, Карабах) в одном из кувшинных погребений (III - I вв. до н.э.) был об-

* © Самедова Севда Тофик кызы

наружен сосуд, на дне которого также имелись семена древних сортов винограда [12, 134]. Семена культивированного винограда были обнаружены в культурном слое Каратепе (с. Бейлаган) (V - III вв. до н.э.) [8, 171], в Ханларском районе и других местах [18, 167; 14, 115].

В исследуемое время, помимо лопаты в виноградарстве, вероятно, использовали также секачи. Как отмечает исследователь О.Ш. Исмизаде, секачи, садовые ножницы, обнаруженные на территории Азербайджана в античном пласте, по форме ничем не отличаются от типа секача, используемого ныне в садоводстве и виноградарстве [9, 26]. Его, как правило, применяют для рубки кустарников, камышей и прутьев. В материалах Государственного архива Азербайджана начала XX века имеются сведения о виноградарстве и виноделии и используемых в этом хозяйстве орудиях труда, схожих с орудиями труда далекого прошлого [6].

Согласно археологическим раскопкам на территории древнего Азербайджана сок выжимали в каменных ванночках [17, 94]. Об этом свидетельствует обнаруженная в с. Хыныслы (Шемахинский район) каменная ванна. Она имела ребристые выступы на дне для выжимания ягод и сток для виноградного сока. Археологом Р.М. Вайдовым в Мингечауре (III - VII вв.) была обнаружена винодельческая ванна длиной в 104 см и шириной 48-55 см [4, 76]. О развитии виноделия издревле свидетельствует также давящий камень, обнаруженный в Нахчыване в Шарурском районе (I тыс. до н.э.) [1, 94].

Логично предположить, что вино из виноградного сока в исследуемый период получали известным традиционным способом: собрав урожай и тщательно промыв его, виноград укладывают в давящую, затем в нее забираются один или несколько человек и босыми ногами давят на ягоды. Полученный сок стекает в резервуар. Сок разливают по сосудам с помощью черпака. Для получения вина готовый сок оставляют бродить. В результате брожения виноградный сок постепенно превращается в сахар и спирт. Как отражают археологические раскопки, большие кувшины (кюпы), помимо хранения в них зерна и муки, также служили емкостью для обработки винограда и хранения вина. В значительном количестве кюпы с остатками винограда и винных отложений были обнаружены в с. Сарытепе (Казахский район, I тыс. до н.э.) [13, 33]. Остатки вина были обнаружены также в сосудах из античной Шемахи. О виноделии говорят также сосуды с длинными желобчатыми сливами, расположенными влево от ручки, обнаруженные в кувшинных и грунтовых погребениях в Шемахе. Подобные сосуды были выявлены также в кувшинных и ванночных погребениях в Мин-

гечауре [17, 117]. У основания слива этих сосудов имеется ситечко, которое, вероятно, предназначалось для сбора виноградных осадков. У некоторых таких сосудов имеется невысокий кольцевидный поддон. Многочисленные находки пиал для приема вина также свидетельствуют о развитии виноделия. Вино в античную эпоху, возможно, как и в средневековье [4, 42], содержали также в тулуках.

Сегодня во многих районах Азербайджана населением собирается богатый урожай винограда. Что же касается качества выращиваемых сортов винограда, как известно, это зависело, прежде всего, от почвенного состояния и количества солнечных дней в году. Так, преобладание солнечных дней в сезон созревания плодов винограда на Апшероне способствует произрастанию винограда с повышенным содержанием глюкозы.

Предположительно, исходя из сообщения Страбона о заготовках населением различных сухофруктов, древнее население занималось, возможно, получением изюма [16, IX, 13, 11]. Из ягод винограда в настоящее время в Азербайджане готовят различные напитки, продукты – сок, вино, уксус и приправы. Так, обтиранием винограда через сито вместе с соком получают его мякоть. При варке виноградного сока с мякотью получают вкусную лечебную приправу, называемую в народе «бекмез» или «дошаб». Из незрелых ягод винограда готовят кислый, весьма полезный для диабетиков напиток – «абгора». Сок незрелых, еще зеленых ягод винограда после отжима разливают в бутылки, закупоривают их, затем закапывают до середины в песок. Когда напиток приобретает золотистый оттенок, он считается пригодным к употреблению. Из листьев винограда с использованием мясного фарша в азербайджанской кулинарии готовят блюдо, называемое в народе «долма» (от слова «долдурма», что означает на азербайджанском языке, да и у многих тюркоязычных народов мира – заполнять, начинять).

По сообщению Страбона, как в Гиркании, так и в Матиане, Сакамене (Атропатена) и в других областях «лоза винограда дает один метрет вина» [16, IX, 7, 2]. В Древней Греции один метрет – это мера жидкой массы, равная 40 литрам [5, 681]. По утверждению исследователя К. Алиева, это реальная цифра, если учитывать лозы, поднятые на навес или лозы, вьющиеся по дереву [1, 94].

Виноград издревле является культовым растением как на Востоке, так и на Западе. Виноградная лоза считалась священной также у зороастрийцев [7, 94]. В произведении Низами «Искендер-намэ» сообщается о том, что маги владели большими винными погребами, и что в праздники они вино распивали как воду [15, 99]. У древних эллинов с культом виноградной лозы был связан бог Дионисий. В Риме же устраивались празднес-

тва, связанные с культом Юпитера и Венеры, восходящие к виноделию и сбору винограда [1, 94]. В народном эпосе «Деде Коркут» отмечается, что у огузов (древнетюркское племя) мужчины пьют выжатое из белого винограда вино [10, 28]. Ежегодно 23 сентября в Азербайджане отмечают древний праздник «Мехриган», посвященный окончанию сбора виноградного урожая.

Сообщение античных источников об обилии винограда в Албании и Атропатене, археологические находки листьев винограда, семян плодов винограда, остатков вина в сосудах дают основание считать Азербайджан древнейшим очагом виноградарства и виноделия. Это утверждение находит подтверждение также специальным ботаническим исследованием: сегодня в генофонде Азербайджана сохраняется более 450 местных аборигенных сортов винограда. По утверждению академика Н.И. Вавилова, сосредоточение сортов в определенном регионе служит доказательством того, что этот регион являлся первичным очагом винограда [3, 290]. Символично, что ныне на гербе Азербайджанской Республики имеется изображение виноградных листьев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Алиев К.Г. Античная Кавказская Албания. – Баку: Азернешр, 1992.
- Бунятов Т.А. К истории развития земледелия в Азербайджане. – Баку: Элм, 1964.
- Вавилов Н.И. Центры происхождения культурных растений // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. – Т. XX. – 1926.
- Вайдов К.М. Мингечаур в III-VIII вв. (по материалам археологических раскопок). – Баку: изд.-во АН Азерб. ССР, 1961.
- Геродот. История в IX томах (Пер. Г.А. Стратановского). Научный издательский центр. – М.: Наука, 1982.
- Государственный архив Азербайджана. Ф. 905. Оп. 102.
- Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографические очерки). – М.: Наука, 1982.
- Исми-заде О.Ш. О раскопках на холме Каратепе в 1957 году / Материальная культура Азербайджана. –1962. – Т. IV.
- Исми-заде О.Ш. Ялойлутепинская культура. – Баку: Изв. АН Азерб. ССР, 1956.
- Источники по истории Азербайджана / Под ред. С.С. Алиярова. Баку: изд.-во Азербайджанского государственного университета, 1987 (на азерб. языке).
- Кашкай С. Государство Манна. – Баку: Азернешр, 1993 (на азерб. языке).
- Кушнараева К.Х. Раскопки на холме Узерликтепе около Агдама. КСИИМК, 1957. – Вып. 60.
- Нариманов И.Д. Археологические раскопки в Сарытепе. – Баку: Известия АН Азербайджана, 1959. № 2.
- Негруль Л.М. Археологические находки семян винограда // СА, 1960. № 1.
- Низами Гянджеви. Искендер-намэ, ч. 1, «Шараф-намэ» (пер. Е.А. Бертельс). – Баку: АЗФат, 1940.
- Страбон. География в 17 книгах (пер. Г.А. Стратановского). – М.: Наука, 1964.
- Халилов Дж. А. Материальная культура Кавказской Албании (IV в. до н.э.- III в. н.э.). –Баку: Элм, 1984.
- Этнография Азербайджана. – Т. 1. – Баку: Азернешр, 1988 (на азерб. языке).

S. Samadova

DEVELOPMENT OF VINE- GROWING AND WIN-
EMAKING IN TERRITORY OF AZERBAIJAN DURING THE
ANTIQUÉ PERIOD (IV century B.C. - III century of our
era)

Abstract. Archeological excavations, botanical researches and also ethnographic data show that Azerbaijan is the most ancient center of vine- growing and winemaking. A finding of very old sorts of grapestones, such tools of work as a shovel, knives, garden scissors, wine trays testify to the fact that development of vine- growing and winemaking in territory of Azerbaijan took place in antique period. Existence of natural water resources, including a wide network of irrigation canals and a favourable climatic conditions made it possible for population to gather the big crop of wine. Nowadays in Azerbaijan exists over 400 native grades of grapes. In Azerbaijan September 23 is the holiday which celebrates of gathering of a grape crop.

Key words: The Caucasian Albania, Azerbaijan, wine growing development, antique sources, archeology.

Новейшая история

УДК 94(456.31)«20»

свят. Крысов А.Г.

КОНКЛАВ 1903 г. И КАРДИНАЛ РАФАЭЛЬ МЕРРИ-ДЕЛЬ-ВАЛЬ*

Аннотация. Статья подробно освещает конклав 1903 г. и сопутствующие выборам Папы события. Привлечение архивных данных, официальных церковных отчётов и мемуаров позволяет впервые проанализировать индивидуальные мотивы поведения участников и фактор случайности в событиях, определивших, во многом, не только Понтификат Пия X, но и последующую историю Католической Церкви.

Ключевые слова: конклав, кардинал, Папа, Понтификат, Пий X, Государственный секретарь, Мерри-дель-Валь

Первому конклаву XX века, состоявшемуся с 31 июля по 4 августа 1903 г., Католическая Церковь обязана не только появлением нового Папы (св. Пия X), что хорошо известно, но, что совершенно необычно, и появлением нового кардинала, государственного секретаря – Рафаэля Мерри-дель-Валя, ставшего одной из наиболее значимых фигур всего начавшегося в 1903 г. одиннадцатилетнего Понтификата, самым близким помощником нового Папы и человеком, во многом благодаря которому время правления Пия X обрело ключевое значение в формировании современного облика Римско-Католической Церкви.

Согласно принятым в Католической Церкви нормам, кардинал государственный секретарь утрачивает свои полномочия с кончиной Папы, и новый Папа назначает, как правило, нового государственного секретаря, реже – подтверждает полномочия прежнего. Должность государственного секретаря, заменившая в XVII в. функции кардинала-непота, подразумевает, что её будет занимать кардинал, облечённый наибольшим папским доверием, главный проводник внутрицерковной и внешней политики Понтифика. Не было бы ничего необычного, если бы не искушённый в политике Пий X назначил в 1903 г., после своего избрания, на пост государственного секретаря одного из курiales кардиналов, отвечавших за церковную политику в предыдущий Понтификат. Не было бы удивительно, если бы он, далёкий от Римской курии диоцезиальный иерарх, предпочёл бы видеть

на этом посту близкого человека, с которым так или иначе был связан по службе и которого хорошо знал. Но в 1903 г. на посту государственного секретаря, рядом с уже пожилым Папой (родившимся в бедной деревенской семье; бывшим всю свою жизнь на пастырской работе, начиная от деревенского викария; не имевшим никаких связей в дипломатических кругах; не владевшим ни одним иностранным языком и никогда не покидавшим Италии) оказался молодой дипломат из высших аристократических кругов, годящийся ему в сыновья и, тем не менее, не только ставший с самых первых часов Понтификата проводником всей его внешней и внутренней церковной политики, но и её вдохновителем. Это тем более удивительно, что менее чем за сутки до того, как Мерри-дель-Валь стал фактически вторым после Пия X человеком в Церкви, они вообще не были знакомы, не только ни разу не встречались, но и вообще ничего друг о друге не знали. Конечно, архиепископ Мерри-дель-Валь знал, что есть такой кардинал Дж. Сарто, но кардиналу Дж. Сарто просто неоткуда было знать об архиепископе Мерри-дель-Вале. Вся случайность этой ситуации усугублялась ещё и тем, что архиепископ Мерри-дель-Валь никоим образом не должен был присутствовать на конклаве 1903 г. и, следовательно, сама его встреча с кардиналом Дж. Сарто, прибывшим в Рим только на конклав, – дело необыкновенного случая. Более того, даже присутствие Р. Мерри-дель-Валя на конклаве вовсе не подразумевало его личного знакомства с кардиналом Дж. Сарто.

Таким образом, конклав 1903 г. не только дал Церкви нового Папу, но дал новому Папе его государственного секретаря – случай в истории Церкви беспрецедентный и до сих пор специально не рассмотренный в посвящённой Понтификату Пия X исторической литературе, где ни разу ещё полностью не прослеживалась вся череда событий, приведших к встрече Р. Мерри-дель-Валя с Дж. Сарто и не выявлялось определяющее значение индивидуальных мотивов при назначении госсекретаря в 1903 г.

После кончины 20 июля 1903 г. 93-летнего Папы Льва XIII в прессе не прекращались разгово-

* © свят. Крысов А.Г.

ры о его преемнике. Наиболее часто упоминалось имя кардинала Мариано Рамполлы – государственного секретаря и ближайшего сотрудника почившего Понтифика. Кандидатуру кардинала Рамполлы поддерживали французские епископы, от голосов которых много зависело на начинающемся конклаве. В противовес кардиналу Рамполле называли имя другого итальянского кардинала, Джироламо Готти, тоже служившего на ключевых постах в Римской курии и бывшего, по мнению многих, противником «французской» партии в Священной коллегии кардиналов [1].

Разумеется, что светская пресса обсуждала кандидатуры на Престол св. Петра лишь с точки зрения политической ориентации кардиналов, совершенно упуская из виду тот факт, что выборы могут проходить и совершенно по другому принципу – по причастности или непричастности кандидата к какой-либо вообще политической платформе, то есть выбор между кандидатом-политиком и кандидатом-пастырем. И именно такая ситуация сложилась на конклаве 1903 г.

Ещё в XVII веке на конклаве 1676 г. среди кардиналов впервые определилась «партия», получившая название *zelanti* (т.е. ревностные), выступавшая за избрание Папы-пастыря, свободного от каких бы то ни было политических пристрастий и намеренного сосредоточиться на решении сугубо внутрицерковных вопросов [2, 92]. Время от времени эта «партия», постоянно пополнявшаяся новыми кардиналами, определяла на конклавах выбор между Папой-политиком и Папой-пастырем. Так было и в 1903 г., когда в Церкви накопилось множество нерешённых внутренних задач, а внешнеполитическая ситуация зашла в тупик с неразрешённым «Римским вопросом» (как в церковных кругах называли проблему лишения Папы светской власти), перед которым оказался бессильным и прекрасный дипломат Папа Лев XIII. Именно поэтому многие члены Священной коллегии полагали, что во внешней активности следует сделать паузу и сосредоточиться на решении внутренних задач, что поможет впоследствии привести и к решению проблем внешнеполитических. Так что постановка вопроса о выборе между Папой-политиком и Папой-пастырем не случайна, как не случайно и избрание кардинала Джузеппе Сарто, мало известного за пределами своей епархии и никаким образом не принимавшего участия в большой церковной политике.

В марте 1903 г. Папа Лев XIII отметил свой 93-й день рождения. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал активно руководить Церковью, что требовало от него решения, в том числе, и многочисленных кадровых вопросов. 22 июня 1903 г., менее чем за месяц до кончины, Папа нашёл силы провести очередную тайную консисторию [3, 130],

на которой несколько человек были возведены в кардинальское достоинство, что было вызвано появившимися в Священной коллегии вакансиями. Среди вновь возведённых кардиналов был Карло Ночелла, титулярный патриарх Константинопольский, занимавший пост секретаря Священной консисториальной конгрегации и секретаря Священной коллегии кардиналов [4, 42]. В связи с этим назначением посты секретаря конгрегации и секретаря коллегии оказались вакантными.

Несмотря на ухудшившееся в начале июля состояние здоровья, Папа Лев XIII ещё решал кадровые вопросы и назначил 6 июля [3, 198] на обе эти, традиционно совмещаемые, должности одного из своих близких помощников, апостольского протонотария Алессандро Вольпини [5, 465], занимавшего до этого должность секретаря Папских бреве к правителям [5, 408, 555].

В последующие дни состояние здоровья Папы резко ухудшилось. Многие из прелатов, входивших в ближайшее папское окружение, постоянно присутствовали в покоях, примыкающих к Папским. В один из таких дней – 9 июля 1903 г. – среди собравшихся прелатов были новый секретарь Священной коллегии А. Вольпини и его друг, президент Папской Академии Церковной знати [6, 821] архиепископ Рафаэль Мерри-дель-Валь [4, 411]. Внезапно А. Вольпини рухнул без сознания. Его друг успел дать ему абсолюцию, и через несколько минут А. Вольпини скончался [3, 198]. Находящемуся при смерти Льву XIII не стали докладывать о случившемся, не желая отягощать вестью о смерти близкого сотрудника последние дни Папы. 20 июля 1903 г. Лев XIII умер. Некоторые иерархи грустно шутили: «Первым сюрпризом в Царствии Божием для Льва XIII станет то, что и там его встретит его верный А. Вольпини» [7, 24].

21 июля кардинал-камерленго официально объявил о конце Понтификата, и сразу возникла проблема: следовало готовить конклав, но организовывать его должен был секретарь коллегии кардиналов, становившийся автоматически секретарём конклава [8, 46], а такого человека не было. Назначить его мог только Папа, но Папы тоже не было.

В этот же день кардинал-камерленго и декан Священной коллегии Луиджи Орелья-ди-Санто-Стефано сообщил архиепископу Р. Мерри-дель-Валю, что на собирающемся совете кардиналов, предшествующем конклаву, он намерен предложить двух кандидатов – его (Мерри-дель-Валья) и архиепископа Пьетро Гаспарри, – из которых кардиналы изберут, в силу необходимости, просекретаря (т.е. исполняющего обязанности секретаря) конклава [9, 80]. Возражений Р. Мерри-дель-Валья кардинал-декан не принял, указав, что, будучи долгое время куриальным прелатом, прекрасно

знающим все нюансы функционирования высшего церковного управления, архиепископ обязан подчиниться, если выбор падёт на него [9, 81]. На состоявшемся 21 июля совете кардиналов был внесён ещё и третий кандидат на должность просекретаря конклава – монсеньёр Джакомо делла Кьеза [6, 117], ближайший помощник кардинала М. Рамполлы, считавшегося фаворитом грядущих выборов. Но декан коллегии настоял на своём кандидате, и Р. Мерри-дель-Валь стал просекретарём собравшегося 31 июля конклава (о достоинствах арх. Р. Мерри-дель-Валя, определивших его избрание просекретарём, свидетельствует В. Симес, см. рукопись конверта Н, 4 [10]).

Утром 1-го августа 1903 г. все кардиналы собрались в Сикстинской капелле. К моменту смерти Льва XIII в Священной коллегии кардиналов было 64 человека (шесть мест были вакантными). На конклав собралось 62 кардинала. Двое не приехали – архиепископ Палермо Пьетро Челезия был тяжело болен, а Фрэнсис Морэн, архиепископ Сиднея, не успевал добраться до Рима из Австралии [1]. После Св. Мессы началось голосование. Голоса в 1 туре распределились так: М. Рамполла – 24, Дж. Готти – 17, Дж. Сарто – 5, Серафино Ваннутелли – 4, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 2, Альфонсо Капечелатро-ди-Кастельпагано – 2, Анджело ди Пьетро – 2, Антонио Альярди – 1, Доменико Феррата – 1, Агостино Рикельми – 1, Дженнаро Портанова – 1, Франческо ди Паоло Кассетта – 1, Франческо Сенья – 1 [3, 123].

Кардинал Рамполла лидировал. Все шло, как и предсказывалось. Кардинал Сарто воспринял своё третье место как шутку, о которой весело будет вспомнить [1].

Вечером состоялся второй тур, и голоса распределились: М. Рамполла – 29, Дж. Готти – 16, Дж. Сарто – 10, А. Рикельми – 3, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 2, С. Ваннутелли – 1, Ф. Сенья – 1 [3, 123].

Рамполла лидировал уверенно, и от тиары его отделяло только 13 голосов, так как необходимо было набрать 2/3 плюс один голос, что на тот момент значило 42 голоса. Кардинал же Сарто считал десять поданных за него голосов уже откровенно несерьёзным походом к выборам и уверял всех, что завтра об этом надо просто забыть. Но утром 2 августа третий тур дал следующее: М. Рамполла – 29, Дж. Сарто – 21, Дж. Готти – 9, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 1, А. ди Пьетро – 1, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1 [3, 123].

Но тут произошло то, чего не ожидал никто. Архиепископ Краковский кардинал Ян Пузына объявил волю императора Австро-Венгрии (Краков – город в Австро-Венгрии) – на кардинала М. Рамполлу император накладывает veto и исключает его из списка кандидатов на Папский престол

[11, 67]. Это было сделано, так как в Вене опасались усиления французского влияния на Святой Престол в случае избрания Рамполлы.

Несмотря на наличие у облечённого сакральной светской властью императора права veto, кардиналы проигнорировали этот демарш, и на следующем голосовании кандидатура Рамполлы по-прежнему рассматривалась как наиболее вероятная. Вот результаты четвёртого тура: М. Рамполла – 30, Дж. Сарто – 24, Дж. Готти – 3, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 2, А. ди Пьетро – 2, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1 [3, 123].

Кардинал Рамполла получил даже на один голос больше, но, по всем признакам, он достиг максимума. И тут кардинал Сарто заявил, чтобы прекратили рассматривать его кандидатуру, так как он недостоин и всё равно откажется принять избрание. Дело принимало плохой оборот: Рамполла не проходил, Готти потерял все голоса, Сарто считал себя недостойным [1].

Результаты пятого тура: Дж. Сарто – 27, М. Рамполла – 24, Дж. Готти – 6, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 1, А. ди Пьетро – 1, Джузеппе Приско – 1, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1, пустых бюллетеней – 1 [3, 124].

Дж. Сарто стал лидером голосования в пятом туре, так как его заявления о недостойности кардиналы также проигнорировали, как и veto императора. Но в случае с кардиналом Дж. Сарто ситуация была более сложной, так как оказывалось недостаточным его избрание – необходимо было его согласие на принятие избрания, а кардинал заявлял об отказе.

Руководящий проведением конклава кардинал Орелья попросил просекретаря конклава Р. Мерри-дель-Валя найти кардинала Сарто и попробовать поговорить с ним по душам [8, 47]. Мерри-дель-Валь, разумеется, подчинился. Так, в силу многочисленных, в том числе и непредсказуемых, обстоятельств, днём 3 августа, в период между пятым и шестым турами голосования на конклаве, кардинал Дж. Сарто впервые встретился и говорил с архиепископом Мерри-дель-Валем. Благодаря этой встрече один из них станет на следующий день первым человеком в Церкви, а другой – вторым.

Много лет спустя в своих мемуарах Р. Мерри-дель-Валь вспоминал, как он отправился на поиски кардинала Сарто и нашел патриарха Венеции на коленях перед Алтарём в часовне св. Павла, в слезах, закрывшего руками лицо. Молодой прелат опустился на колени рядом с пожилым кардиналом. Он просил его только довериться воле Божией и не переживать. Добиться архиепископ смог лишь молчания кардинала, уже, по крайней мере, открыто не настаивавшего на отказе от избрания [12, 19-21].

Вечерний (шестой) тур голосования 3 августа дал следующие результаты: Дж. Сарто – 35, М. Рамполла – 16, Дж. Готти – 7, Л. Орелья-ди-Санто-Стефано – 2, А. Капечелатро-ди-Кастельпагано – 1, пустых бюллетеней – 1 [3, 124].

От папского престола Сарто отделяли только семь голосов, и седьмой тур, состоявшийся утром 4 августа, стал последним: Дж. Сарто – 50, М. Рамполла – 10, Дж. Готти – 2 [3, 124].

Вечером того же дня, по окончании всех связанных с избранием нового Папы церемоний [3, 124], архиепископ Р. Мерри-дель-Валь, направился к Пию X, чтобы, завершая свои обязанности секретаря конклава, передать для подписи послания монархам и прочим главам государств, в которых вновь избранный Верховный Понтифик уведомлял о восшествии на Престол св. Петра.

В своих мемуарах Р. Мерри-дель-Валь вспоминал, что пришёл в личную келью Папы в восемь тридцать вечера и застал его за чтением бревиария. Будучи секретарём конклава, Р. Мерри-дель-Валь был рад, как он вспоминал, праву получить эту первую личную аудиенцию у Папы и рассчитывал также получить личное благословение, прежде чем покинуть Ватикан.

Когда архиепископ объяснил Папе всё необходимое, связанное с отправкой посланий, когда Пий X впервые подписал документы своим новым именем и все обязанности секретаря завершившегося конклава были исполнены, Р. Мерри-дель-Валь попросил Папу о благословении, так как собирался вернуться к своим обязанностям президента Папской Академии. Каково же было его удивление и смущение, когда Пий X спросил: «Неужели Вы так стремитесь меня покинуть?» И тут же попросил остаться его в качестве государственного просекретаря, то есть в должности исполняющего обязанности кардинала государственного секретаря [12, 24-27].

По многочисленным воспоминаниям, именно в эти часы кардиналы оживлённо обсуждали не только избрание нового Папы, но и второй по значимости вопрос – кого из них он выберет в качестве нового кардинала государственного секретаря [13, 45], не зная, что выбор уже сделан, и что ни один из них не стал госсекретарём, так как Папа отдал предпочтение 38-летнему прелату, которого, для того, чтобы он занял пост госсекретаря, ещё предстояло возвести в кардинальское достоинство (что, впрочем, и было сделано на ближайшей тайной консистории [3, 190]).

Выбор кардиналами Дж. Сарто в качестве Папы-пастыря, в противовес кандидатам-политикам, в общем, объясним сложившейся в Церкви объективной обстановкой, требующей перво-степенного решения накопившихся внутренних проблем, пусть даже в ущерб внешней активнос-

ти. Выбор же Папой архиепископа Р. Мерри-дель-Валь в качестве своего ближайшего помощника, не может быть объяснён ничем, кроме субъективного восприятия Пием X этого иерарха, о котором он до конклава вообще ничего не знал. Здесь не может быть свойственного, в первую очередь, естественным наукам объяснения, но лишь присущее гуманитарным отраслям знания понимание индивидуальных мотивов поведения. Всего несколько минут совместной молитвы в часовне св. Павла хватило будущему Папе, человеку с почти полувековым опытом пастырского служения, чтобы разглядеть в относительно молодом прелате не эрудита и дипломата (что практически сделать невозможно), но близкого себе по духу человека и иерарха, способного творчески воплотить все начинания грядущего Понтификата, которые диктовались насущными церковными проблемами. Это был исключительный дар умения видеть другого человека, которым обладали лишь редкие пастыри и понимание которого приводит к пониманию мотивов принятия решений, к пониманию столь неожиданных результатов первого конклава XX столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крысов А.Г. Первый конклав XX века / Страницы истории // М., «Свет Евангелия». № 14 (498), 2005.
2. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse; Paris, 1917.
3. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse; Paris, 1904.
4. *Hierarchia Catholica Medii et Recentioris Aevi*. Volumen VIII (1846-1903); Patavii, MCMLXXVIII.
5. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse, Paris, 1902.
6. *Annuaire Pontifical Catholique*. Maison de la Bonne Presse; Paris, 1915.
7. Anonymus. *Petites Histoires du Vatican*. Editions Saint-Augustin, Sainte-Maurice (Suisse), 2000.
8. Dal-Gal R.P.; Le Cardinal Merry del Val. *Nouvelles Editions Latines*, Paris, 1955.
9. Buehrle M.C. *Rafael Cardinal Merry del Val*. London, Sands and Co., 1957.
10. *Archivum Secretum Apostolicum Vaticanum; Sacra Congregatio Sacrorum Rituum; Archives de la Postulation de la Cause de Beatification et Canonisation du Cardinal R. Merry del Val // Memoires manuscripts sur la vie, les oeuvres et les vertus du Cardinal R. Merry del Val; 80 fascicules dans des enveloppes marquées avec les lettres de l'alphabet*.
11. Forbes F.A. *Rafael Cardinal Merry Del Val: A Character Sketch*. Longmans, Green & Co, London/New-York/Toronto, 1932.
12. *Merry del Val Cardinal; Pie X - Impressions et souvenirs*. Editions de L'oeuvre St. Augustin, St-Maurice (Suisse), 1951.
13. Mitchell Hary. *Le Cardinal R. Merry del Val, secrétaire d'Etat de Saint Pie X*. Paris, Paris-Livres, 1956.

fr. A. Kryssov

CONCLAVE OF 1903 AND CARDINAL RAFAEL MERRY-DEL-VAL

Abstract. Article reveals the details of the conclave 1903 and the events, accompanying this election. Raising the archival data, the official church records and memoirs, allows for the first time to ana-

lyze the individual motives of the participants and the factor of chance, that determined, largely, not only the Pontificate of Pius X, but also the subsequent history of the Catholic Church.

Key words: conclave, cardinal, Pope, Pontificate, Pius X, Stat's Secretary, Merry-del-Val.

УДК 929 Сукарно

Воронин С.А.

СУКАРНО. ОРЁЛ, ПАРЯЩИЙ В ОДИНОЧЕСТВЕ (ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ТРЕТЬЕГО ПУТИ»)*

Аннотация. Идеализация патриархальных устоев, синкретизм взглядов, утопизм, ощущение мессианской богоизбранности, персонификация государства в личности лидера – вот столпы политического лидерства Сукарно, под руководством которого Индонезия стала независимым государством.

Ключевые слова: Бунг Карно, третий путь, готонг-ройонг, функциональные группы, НАСАКОМ.

К концу 50-х годов в Индонезии у власти за 12 лет сменилось 16 правительств, причем бразды правления государством побывали в руках у представителей всех сколь-либо значительных политических партий [1]. Каждый кабинет находился у власти менее года. Правительственная чехарда усиливала тенденцию к формированию общественного мнения в сторону утверждения власти харизматической личности либо расширения полномочий такой личности, уже осуществляющей лидерство. Проблемы парламентской демократии в Индонезии начались с момента её рождения, после принятия Конституции 1950 г. Первые всеобщие парламентские выборы лишь усилили политический хаос. Политическая культура разобщенных слоев индонезийского общества наглядно проявилась в их результатах. Г. Фит поясняет, что раскол между политическими силами был связан с отличиями культуры яванской аристократии и культуры исламских бизнес-кругов Внешних островов Архипелага [2]. Конец 1956 г. продемонстрировал назревающий кризис парламентских институтов в Индонезии. Достаточно монолитной структурой отличалась лишь КПИ (Компартия Индонезии), лагерь некоммунистических

сил трещал от противоречий. Н.А. Симония пишет: «Динамичное развитие событий... с объективной неизбежностью шло к утверждению авторитарного режима. Вопрос состоял лишь в том, каким общественным силам удастся взять инициативу в свои руки и ... каков будет социально-политический характер этого режима» [3]. В соответствии с традициями яванской политической культуры, смещающей акцент с поиска компромисса между противоборствующими силами на идею их подчинения личности лидера, правителя, обладающего всей полнотой власти, концентрирующему власть, персонифицирующему нацию, расширение властных полномочий Сукарно вписывалось в менталитет мархаэнов и других слоев индонезийского общества.

Сукарно осознавал, что наступило время действовать и активно развернул кампанию по демонтажу системы парламентской демократии. В октябре 1956 г., по возвращению из очередного зарубежного турне он призвал «похоронить все партии» и выступил с резкой критикой «либеральной западной демократии» как несоответствующей духу национальной самобытности. Он обратился к парламенту с требованием действовать на основе «реальной индонезийской демократии», отвергая западную модель демократии, когда выигрывают и всегда правы «50+1» [4].

Таким образом, по его мнению, основная причина разразившегося кризиса, грозящего национальному единству, скрывается в использовании в государственной практике административно-политической системы, импортированной с Запада. Решительно отвергая либеральную демократию западного образца, Сукарно предлагал свой рецепт санации политической системы Индонезии, обнаруженный им якобы в анналах индонезийской самобытности и традиционной культуры: «Нам нет необходимости заимствовать

* © Воронин С.А.

Продолжение статьи «Сукарно. Орёл, парящий в одиночестве», опубликованной в «Вестнике МГОУ» серия «История и политические науки» №1 - 2010.

иностранные модели демократии, мы имеем свои собственные» [5] ... «То, что я хотел бы предложить..., – это «направляемая демократия» [6], которая соответствует национальной самоидентичности. В феврале 1957 г. индонезийский лидер продолжил развитие своей концепции, заявив: «Некоторые утверждают, будто Бунг Карно выдвинул эту идею с целью сдвинуть правительство влево. Нет, братья, для меня нет термина «левый», нет термина «правый» [7]. А в июне того же года Сукарно заметил, что предлагаемая им политическая идеология и её практическое воплощение на практике представляет собой «средний путь между западной и коммунистическими системами» [8]. Так, впервые после достижения Индонезией независимости, была сформулирована концепция развития по «третьему пути», некоей средней парадигме между капитализмом А. Смита и коммунизмом К. Маркса. Следует отметить, что новизна концепции «направляемой демократии» в конце 50-х гг. заключалась лишь в том, что её впервые удалось воплотить на практике, поскольку в теории основные постулаты были сформулированы Сукарно в 30-е гг. и явились своеобразным ренессансом его политических взглядов периода формирования концепции мархаэнизма и социodemократии.

В 1930 г. Сукарно выступил с резкой критикой капитализма – как «системы общественных отношений, возникших из ... способа производства, который отделяет рабочего от орудий производства» [9]. При капитализме прибавочная стоимость присваивается предпринимателями. В силу этого, как отмечал Сукарно, в целом следуя марксистским установкам, капитализм приводит к концентрации капитала и обнищанию рабочего класса [10]. Анализируя труды видных историков, социологов, экономистов – К. Каутского, Д. Шефера, К. Реннера, О. Бауэра и др., Сукарно осуществляет исторический бэкграунд, отсылая аудиторию ко временам Великих географических открытий и зарождения капитализма в Европе, замечая: «Именно страсть к обогащению ... заставила Колумба пересечь широкий Атлантический океан, руководила Бартоломеу Диасом и Васко да Гамой, когда они боролись с водами Индийского океана» [11]. В 1933 г., продолжая исследование природы капитализма и его новейшей модификации – империализма, Сукарно писал о том, что развитие капитализма в Западной Европе привело к тому, что материк стал узок для роста его деятельности и торговли. Начался поиск нового поля деятельности на Востоке» [12]. Прежний капитализм превратился в империализм, «когда современный капитализм повзрослел, его избыточный капитал потянулся в Индонезию. «Способ эксплуатации ресурсов, основывавшийся на монополии и принуждении, все более уступал

место способу эксплуатации ресурсов, в основе которого лежали свободная конкуренция, свобода рабочих рук, способ эксплуатации ресурсов, приносивший доходы государству» [13].

В эти же годы Сукарно решительно выступал против одного из столпов марксизма – концепции классовой борьбы: «Классовая борьба? Разве я выдвигаю на первый план классовую борьбу? Я не выдвигаю борьбу классов на первое место внутри индонезийской нации, хотя я уже сейчас враждебно настроен по отношению к любому проявлению страсти накопления капитала в нашем обществе... Я повторяю: 1) Целью борьбы Мархаэна должно быть построение общества без капитализма и империализма; 2) Мостом к этому обществу является независимость Индонезии; 3) Мархаэн должен быть бдительным..., именно он должен взять в свои руки политическую власть...» [14].

От критики капитализма и классовой борьбы как неприемлемых аспектов политико-экономического развития Индонезии Сукарно переходит к критике концепции либеральной западной демократии, напоминая об «истории обмана во Франции». «Во время Французской революции люди тоже кричали о демократии..., но разве в конце концов эта демократия не ударила по простому народу?» [15]. Демократические лозунги, по мнению Сукарно, обман, фасад, за которым скрываются сословия и партии, манипулирующие общественным мнением и жаждущие власти лишь для осуществления собственных интересов [16].

Сукарно, рассматривая генезис и эволюцию парламентаризма, приходит к выводу, что во всех «цивилизованных странах имеются парламенты, существует демократическая система... Буржуазия, завоевав с помощью простого народа «демократию», превратила её в лживую капиталистическую демократию», которая стала лишь политической демократией при отсутствии экономического равноправия» [17]. Сукарно называет либеральную демократию западного образца лишь «маской, за которой скрывается диктатура капитализма» [18]. Основным противоречием западной или капиталистической демократии, по мнению Сукарно, является несоответствие декларируемого и реального, политических свобод и экономического неравенства, таким образом дискредитируется само понятие демократии как власти народа. Он призывает к формированию истинной демократии, при которой власть будет действительно принадлежать народу. Идеалом Сукарно является государство, в котором народная власть на 100% действует и в сфере политики, и в области экономики. «Политическая и экономическая демократия – вот та единственная демократия.... Истинную демократию я называю

социо-демократией. Это та истинная демократия, которая может возникнуть только из национализма Мархаэна, из национализма, который в самой своей сущности несёт истинную народность, из социо-национализма» [19].

В 30-е гг. либеральный парламентаризм постоянно был в фокусе критики будущего индонезийского президента. Он писал о невозможности осуществления демократических принципов в обществе, где существует имущественное расслоение, о том, что те, кому принадлежит власть и финансы, всегда будут манипулировать мнением толпы, оказывать на него давление, о том, что западная демократия превратила принцип свободы печати лишь в пустую болтовню, свободу мысли – в путы для мысли [20].

Претворение концепции социodemократии на практике являлось абсолютно органичным и для лидера, и для простых индонезийцев, поскольку отвечало основным параметрам яванской политической культуры и позволяло лидеру осуществлять режим личной власти. Увлечение самобытностью было перенесено Сукарно и на политическую систему. В результате критика парламентской демократии Запада как инородного института, который не может быть инкорпорирован в индонезийскую политическую систему, стала первым шагом к захвату власти Сукарно и формированию авторитарно-патриархального лидерства спустя десятилетия в конце 50-х гг. Подобные методы и сходную риторику использовал М. Каддафи, обрушиваясь в «Зеленой книге» на институт парламентской демократии, поднимаясь по авторитарной лестнице единоличной власти в Ливии в 70-е гг. XX в.

Сукарно уже в конце 40-х гг. ощущал себя отцом-основателем индонезийского государства, вождем нации. Однако время для претворения его амбиций в жизнь ещё не наступило. К середине 50-х гг. сложилась уникальная ситуация, которая могла бы повлечь за собой политическую гибель Сукарно, если бы ситуация была перенесена из Индонезии на другую национальную почву. Харизмат, революционный романтик, ставящий идеологию выше экономики – Сукарно, в общем-то, исчерпал свой созидательный лидерский потенциал, его харизма, пройдя стадию рутинизации, приближалась к фазе полураспада. Индонезии был необходим другой лидер. Было необходимо перейти от героики антиколониальной борьбы к прозе экономического развития. Казалось, что он растратил свою космическую энергию – секти в ходе длительных зарубежных поездок и многочисленных любовных походов. Парламентский кризис середины 50-х гг. стал для Сукарно спасательным кругом для оживления его харизмы. К этому времени индонезийское общество было

готово к трансформации политической системы, видя плачевные результаты функционирования многопартийной системы. Сукарно методично шел к демонтажу парламентской демократии, понимая, что это путь ко второму политическому рождению уже в образе великого вождя, лидера, обладающего всей полнотой власти в стране.

Выступая с речью, посвященной 10-летию провозглашения независимости, в августе 1955 г. он предупреждал об опасности парламентской демократии, подразумевающей плюрализм мнений и многопартийную систему: «Моя партия – должна победить на всеобщих выборах!» Такой лозунг довольно обычное явление на любых всеобщих выборах. Но разве мы забыли о трагедиях, которые имели место в других странах? ... Демократия – это только средство, всеобщие выборы – только средство, и в этом смысле государство – тоже только средство... Конечной целью является процветание народа, справедливое и процветающее общество... Нельзя допустить, чтобы средства уничтожали цель! ... Нельзя допустить, чтобы ... индонезийская нация была совершенно расколота ...» [21]. Таким образом, парламентская демократия объявлялась орудием раскола единства нации.

Мятежи на Внешних островах в конце 1956 г. свидетельствовали, что политический кризис вошел в острую фазу. После волнений на Суматре Сукарно пришел к выводу, что созрели предпосылки для обнародования своей концепции. Он исподволь готовил общественное мнение к принятию своей новой доктрины. Накануне парламентских выборов в 1955 г. он предупреждал, что никакие всеобщие выборы не преодолению всех разногласий. Существуют разногласия, которые никогда не будут устранены, которые будут разъедать, разрушать душу народа, которые приведут к нарушению целостности нашей нации. В духе яванских традиций, опирающихся на магическое сознание средневековья, он вопрошал: «Для чего нам нужны десятки партий?.. Следуйте ритму Вселенной! Не нужно большого количества мелких политических потоков, из которых каждый стремится проложить свой путь... Сделайте нашу политическую систему более простой! ... Сократите число партий» [22]. В январе 1957 г., выступая на митинге в Бандунге, Сукарно заметил: «Одиннадцать лет я занимался тем, что сидел и подписывал бумаги. Я сыт этим по горло!» [23]. Эта фраза означала, что президент перешёл Рубикон. Пробил час «Х», настало время воплотить теорию на практике. В феврале Сукарно выступил с программной речью в государственном дворце Индонезии. Сукарно изложил программу трансформации политической системы Индонезии, в сущности означавшую на практике осуществление государственного переворота под

его эгидой. Основным требованием Сукарно был роспуск парламента и запрет деятельности политических партий. Встретив единодушное несогласие с подобной максимальной программой, Сукарно отступил, заметив, что реформы возможны и без роспуска парламента [24].

В 1957-58 гг. индонезийский президент изложил основные тезисы своей концепции изменения политического строя страны. Прежде всего Сукарно, апеллируя к индонезийской старине и самобытности, требовал приведения парламентской процедуры в соответствие с традициями политической культуры этносов Архипелага, ощущающих себя единой нацией. Представительные органы должны были строиться на принципах сотрудничества и взаимопомощи, т.е. «готонг-ройонг», о чем писал ещё Деванторо. Из их деятельности необходимо было исключить дух конкуренции и соперничества, имплантированный в индонезийское общество институтом парламентской демократии. В результате должно быть сформировано правительство, также основанное на принципе сотрудничества и взаимопомощи. Вся политическая вертикаль «направляемой демократии» должна была быть проникнутой духом индонезийской средневековой общины, принципом «готонг-ройонг».

Взаимоотношения индивидов в рамках предлагаемой Сукарно модели должны были базироваться на семейных ценностях, в основе которых лежат сплоченность и коллективизм членов семьи, клана, т.е. «кекелуарган». Сукарно, нащупывая контуры срединного, «третьего пути» развития, опирался на традиционные ценности индонезийского общества, решительно протестуя против чужеродного индивидуализма, лежащего в основе протестантской этики капитализма Запада.

Сукарно выступал с призывом отринуть процедуру индивидуального голосования и принятия решений большинством (т.е. «50+1»%). По его мнению, это приводило к нарушению социального консенсуса и в деревенской общине, и в стране. Большинство неизбежно навязывает свои решения меньшинству и отрицает его интересы. Значит, необходимо вернуться к основным принципам социodemократии – коллективному обсуждению проблем («мушаваррах») и формированию единого решения на основе компромисса («муфакат») [25]. Правительство необходимо было лишить духа конкуренции, и поэтому в его состав должны были войти представители всех политических партий. Сукарно видел перспективу национального согласия и примирения в создании Национального Совета. Национальный Совет должен был быть союзом представителей так называемых, «функциональных групп». Председателем

Совета Сукарно назначил себя [26]. В целом создание подобной неконституционной структуры во главе с самоназначенным лидером, по сути, и являлось началом государственного переворота в стране. Задачей Национального Совета было формирование рекомендаций для правительства. Сукарно говорил, что в силу создания прочной связи между кабинетом министров и Национальным Советом создается «величественный мост», соединяющий парламент (через правительство) и индонезийский народ (через Национальный Совет). Он полагал, что обязательное, не зависящее от соотношения сил представительство в парламенте всех основных партий приведет к ликвидации оппозиции. Как отмечает В.В. Сумский: «Партии утратят возможность оказывать непосредственное влияние на политику правительства. Если право управлять в равной степени получают все, то в действительности никто не будет править, кроме него самого» [27].

Под функциональными группами он понимал общности людей, связанные друг с другом цеховыми, конфессиональными и возрастными признаками, сообщества индивидов с непротиворечивыми интересами. Всё индонезийское общество разбивалось на элементы из «функциональных групп», типа «рабочие», «молодёжь», «интеллигенция», «католики» и т.п. [28]. Сукарно рассматривал индонезийский социум как сообщество функциональных групп, а «направляемую демократию» как систему, построенную на фундаменте профессионально-функционального представительства. Сукарно усмотрел в функциональных группах путь к обществу, носящему гармоничный, внеклассовый характер.

В конце 50-х гг. Сукарно завершил формирование доктрины «третьего пути». В концепции развития социально-экономической модели общества по некоему среднему пути, противопоставляемому капитализму и социализму, Индонезия, да и весь постколониальный Восток искали свою самоидентичность, пытаясь занять нишу в биполярном мире. Анализируя действующие политические модели, Сукарно апеллировал к самобытности, отвергая капитализм, который порождает колониализм и фашизм. Сукарно отвергал, прежде всего, саму психологическую основу либерального капитализма – индивидуализм, ведущий к конкуренции и борьбе и поэтому неприемлемый для Индонезии. В основе советской модели общества, по мнению Сукарно, лежала диктатура, а бытие Мархаэна отвергает любое проявление диктаторских властных институтов. Шведская модель правого социализма отвергалась как система, построенная на манипуляции голосами избирателей [29].

В целом концепция «третьего пути» Сукарно

подразумевала построение социально-экономической модели традиционного, патриархально-эгалитарного общества, в основе которого лежали принципы общинной солидарности и взаимопомощи. Основным элементом социальной модели, по Сукарно, являлась семья как концентр солидаризма, возглавляемая патриархом, главой семьи. Принцип семьи был перенесен Сукарно на всё индонезийское общество. Сам Сукарно становился отцом нации, принимающим решения за всех, во имя всех. Отсюда и тезис этого периода: «Главное в нашей демократии – это руководство!»

Анализируя трансформацию политической системы Индонезии от парламентской к «направляемой демократии», следует избегать метода автоматического исторического параллелизма при анализе политических систем Запада и Востока. Как справедливо пишет Г. Бенда, «концепция модернизации общества в духе западных политических ценностей не имела большого количества сторонников в Индонезии, не пустила глубоких корней» [30]. К середине 50-х гг. социально-экономическое развитие Индонезии захлебнулось, возникло разочарование, ощущение эйфории конца 40-х гг. сменилось осознанием того, что независимость не стала лекарством от всех политических недугов. «Золотой мост» в процветающее и гармоничное общество не был построен. Одной из основных причин неудач была объявлена демократия, мешающая модернизации. Поэтому изменения политической системы Индонезии, которые западные исследователи зачастую расценивали как государственный переворот (а де-юре так оно и было), для индонезийского общества означали гармоничную эволюцию политического курса лидера. Массы выступали в виде стороннего наблюдателя политических баталий. Это не было пассивностью, а являлось продолжением следования историческим традициям. Та же легкость восприятия политических изменений обществом наблюдалась в 1969 г. в Ливии, когда Каддафи осуществил свою социокосметическую операцию на теле бедуинского общества, свергнув Идриса I и провозгласив конец монархии и начало республиканского периода. В этом видится общая закономерность развития традиционных социумов. Индийский ученый С. Сумарджан отмечает: «Индонезийская история до предела насыщена абсолютными правителями – султанами, раджами, королями. В них общество видело посредников, осуществляющих связь между миром и космической энергией Вселенной, патронирующих и регламентирующих жизнь индивида и социума. Традиционное общество отдавало им все полномочия во всех сферах с тем, чтобы они использовали дарованную им власть во имя общественного блага. Любые ограничения полномочий правителя

воспринимались как вызов космическим силам. Последствием нарушения баланса неизбежно становились бедствия общества, как наказание за посягательство на власть лидера» [31].

К лету 1959 г. фундамент под здание «направляемой демократии» был подведен. 17 августа (нельзя не заметить пристрастия президента к магии чисел) 1959 г. Сукарно огласил свой политический манифест, произнеся речь «Возвращение к нашей революции»: «Конституция 1945 г. воистину отражает индивидуальность индонезийской нации, которая издревле основывала систему управления на консультациях и консенсусе при сосредоточении всей полноты власти в руках одного лидера, старейшины. При этом лидер не диктует свою волю, но выступает в роли руководителя, наставника. Индонезийская демократия с незапамятных времен была направляемой» [32]. В рамках концепции бытия, основанной на принципе «готонг-ройонг», индонезийский лидер эластично внедрял в массовое сознание населения тезис о расширении собственных властных полномочий и лидерских амбиций. Он заявлял: «Главное в направляемой демократии» – руководство. Взвесив все «за» и «против», лидер находит компромиссное решение для всех политических партий. Никто не выигрывает за счет другого. Лишь сильное (читай «авторитарное» – С.В.) руководство способно выработать окончательное решение, в противном случае система не будет работать» [33]. Однако за апелляцией к индонезийской старине скрывалось личное стремление Сукарно к власти. Сущностью политической концепции «направляемой демократии» был не столько поиск компромисса и согласия между оппозиционными фракциями, сколько желание лидера подчинить их действия единому координационному центру в лице лидера, наделённого всей полнотой власти.

Основными причинами воплощения в политическую практику теоретических постулатов Сукарно стали готовность общественного сознания к принятию таких изменений, осуществляемых в духе яванской политической культуры и, по замечанию А.Ю. Другова и А.Б. Резникова, «фактический компромисс основных политических сил страны, по разным причинам заинтересованных в нём» [34].

В соответствии с яванской политической традицией, Сукарно изымал вопрос о концентрации власти из сферы политики и переносил его в социокультурную, психологическую плоскость. Ключевым моментом его доктрины был объявлен возврат к индонезийской самоидентичности. Это отвечало политической культуре и этнопсихологии населения Архипелага. Сукарно вновь приобрел харизматический лоск и ореол всесильного, могущественного правителя. Помимо этого, апел-

лируя к патриархальной самобытности, Сукарно устранял своих политических оппонентов, поскольку с их стороны выступать против возвращения к индонезийской самоидентичности было бы политическим самоубийством. Президент, будучи мастером политического компромисса, умело играл на противоречиях различных фракций и партий. Те же, в свою очередь, пытались использовать в своих целях политическое одиночество Сукарно, стремясь привлечь его на свою сторону, не понимая иллюзорность таких маневров. Индонезийский лидер не нуждался в союзниках (это будет одной из причин его политического фиаско и личной трагедией в конце 60-х гг.) и уверенным курсом продвигался к созданию в стране режима личной власти.

В декрете № 7 от 1959 г. «Об условиях деятельности политических партий и упрощении партийной системы» говорилось, что президент обладает правом запретить деятельность партии или распустить её, если её деятельность противоречит принципам и целям государства [35]. Подобные шаги вели к тому, что власть становилась единственным источником в сфере формирования политического курса государства. Избранный властью политический курс становился безальтернативным [36].

Последним всплеском плюрализма в политической системе Индонезии стал отказ ряда крупных партий проголосовать за принятие проекта бюджета. 5 марта 1960 г. Сукарно распустил парламент и объявил о формировании «парламента сотрудничества», в котором было 261 место, из которых 130 принадлежало 9 политическим партиям, 131 отдавалось 21 «функциональной группе» [37], в том числе и вооруженным силам. Уже в этот период армия начинает открыто претендовать на политическую и экономическую автономию в стране. Генерал А. Насутион выдвигает концепцию «самостоятельной социальной функции армии» [38].

16 августа 1960 г. Сукарно распустил Машуми и Социалистическую партию, обвинив их лидеров в том, что они не осудили организаторов мятежей, направленных против правительства [39]. Статус соответствия партии конституционным нормам всецело зависел от субъективной оценки президента, ставшего вершиной военно – гражданского бюрократического аппарата. В этом, по мнению А.Ю. Другова, «органическая слабость режима личной власти вообще и сукарновского, в частности, всевластие лидера становится всевластием аппарата» [40].

В рамках одновременного развития концепции «третьего пути», поиска индонезийской самобытной модели развития и дальнейшего движения по пути усиления авторитарного лидерства, Сукар-

но выдвинул в качестве основы для компромисса всех действующих политических сил доктрину НАСАКОМ, предполагающую сотрудничество трёх ведущих общественных течений – националистического (NASionalis), религиозного (Agama) и коммунистического (KOMunis). Рождение очередного акронима преподносилось как путь к решению проблем индонезийского общества на основе компромисса всех сил под всепримиряющим лидерством правителя. Сукарно активно внедрял в массовое сознание индонезийцев тезис о том, что нет различных интересов, а есть разные пути решения проблем и разные подходы, но единый интерес. Значит, необходимо с помощью процедур «мушаварах» и «муфакат» выработать компромиссное коллективное решение под его руководством как отца семьи индонезийских этносов и вождя нации [41].

Критически оценивая концепцию НАСАКОМ, Б. Андерсон видит её абсолютное соответствие духу и традициям яванской политической культуры. Он полагает, что в основе этой доктрины Сукарно лежал не столько призыв к сотрудничеству и компромиссу различных политических сил, сколько идея их подчинения одной точке властного центра, т.е. режиму личной власти президента [42].

В результате социально-экономических экспериментов в стране родилась модель «индонезийского социализма» как продолжение формирования концепции «третьего пути», суть которой выразил сам индонезийский лидер в виде политического «кулинарного» рецепта: «Наш социализм это смесь. Мы берём политическое равенство из американской Декларации независимости. У ислама и христианства мы заимствуем духовное равенство. Научно обоснованному равенству мы учимся у Маркса. Ко всему этому мы добавляем индонезийскую самобытность – мархаэнизм. Всё это мы посыпаем готонг-ройонгом... Смешайте всё это и в результате вы получите индонезийский социализм» [43]. В целом концепция «направляемой демократии» базировалась на следующих источниках. Центром идеологических реминисценций являлись принципы Панча сила, из которых логически следовала теория «индонезийского социализма»; радикально-националистического учения о «простом человеке» – мархаэнизме и доктрины НАСАКОМ, базирующейся на идее единства основных сил общества. Концептуальные постулаты теории воплощались на практике посредством стратификационной доктрины «функциональных групп» и призыва к возврату Конституции 1945 г. [44].

Таковы основные элементы доктрины «направляемой демократии», отличительной чертой которой становится симбиоз неотрадиционализ-

ма и сверхреволюционности. Сукарно пытался с помощью использования акронимов и апелляции к индонезийской патриархальности сформировать у общества иллюзию стремительного прогрессивного развития сугубо по индонезийскому пути [45]. Индонезийский лидер сознательно пытался уйти от решения конкретных социально-экономических задач в сферу революционной фразеологии, видимо, наивно надеясь на то, что экономические проблемы можно решить путём концентрации властной энергии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Republic of Indonesia Cabinets 1945-1965. (Compiled by Susan Finch, D.S.Lev). Ithaca, N-Y, 1965. P. 1-35.
2. Feith H. Dynamics of Guided Democracy // Indonesia Mc Vey R.T. (ed). New Haven, 1963. P. 323.
3. Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965). – М., 1970. – С. 190.
4. Feith H. The decline of constitutional democracy in Indonesia. N-Y, 1963. P. 515-517.
5. Mintz J.S. Mohammed, Marx and Marhaen. The roots of Indonesian socialism. N-Y, 1965. P. 167.
6. Цит. по Капица М.С., Малетин Н.П., Сукарно. Политическая биография. – М., 1980. – С. 142.
7. Kronik Dokumentas, Demokrasi Terpimpin. Djakarta, 1959. P. 10.
8. Ibid. P. 147.
9. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. – М., 1956. – С. 16-17.
10. Там же.
11. Там же. – С. 27.
12. Там же. За свободную Индонезию. – 1933. – С. 181.
13. Там же. – С. 185.
14. Там же. – С. 211.
15. Там же. – С. 239.
16. Там же.
17. Там же. – С. 241-242.
18. Там же. – С. 243.
19. Там же. – С. 245.
20. Там же. – С. 243.
21. Там же. Лети, Раджавали! 17.08.1955. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. – М., 1956. – С. 313.
22. Там же. – С. 326.
23. Indonesian observer. 28.01.1957.
24. Kronik Dokumentas. P. 5-7.
25. Kronik Dokumentas. P. 5-8; Сумский В.В., Цит. соч. – С. 20; Национально-освободительное движение в Индонезии. – С. 196.
26. Там же. – С. 7-8.
27. Сумский В.В. Цит. соч. – С. 197.
28. Там же. – С. 21-22.
29. Цыганов В.А. Сукарно: творец и романтик «идеологии единства» // Сукарно: политик и личность. – М., 2001. – С. 60.
30. Interpreting Indonesian Politics: Thirteen Contributions to the debate. Anderson B. & Kahin A. (Eds), Ithaca. N-Y, 1982. – P. 15.
31. Indonesian Political thinking (1945-1965), Feith H. & Castles L. (Eds), Ithaca. London, 1970. – P. 129.
32. Цит. по Другов А.Ю. Индонезия: Политическая культура и политический режим. – М., 1997. – С. 86.
33. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P. 279.
34. Другов А.Ю., Резников А.Б. Индонезия в период «направляемой демократии». – М., 1969. – С. 16.
35. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. – С. 200-201.
36. Там же. – С. 201.
37. Brackman A. Indonesian Communism. A History. N-Y, 1963. P. 274.
38. См. Подробнее Nasution A.H. Towards Peoples Army. Djakarta, 1964.
39. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. – С. 201-202.
40. Другов А.Ю. Индонезия. Политическая культура и политический режим. – М., 1997. – С. 86.
41. Другов А.Ю., Тюрин В.А. Цит. соч. – С. 203.
42. Culture & Politics in Indonesia. Claire H. (Ed.), Ithaca. London, 1972. P. 15.
43. Sukarno. An Autobiography as Told to Cindy Adams. N-Y, 1965. P. 75.
44. Севортыан Н.Э. Исторический опыт жесткой власти (индонезийский пример) // Авторитаризм и демократия в «третьем мире». – М., 1991. – С. 228.
45. Сумский В.В. Цит. соч. – С. 26.

S. Voronin

SUKARNO. AN EAGLE SOARING IN LONELINESS (CONCEPT FORMATION «THE THIRD WAY»)

Abstract. Idealization of patriarchal foundations, syncretism views, utopianism, a sense of messianic being chosen by God, the personification of the state in the leader's personality, these are the pillars of the political leadership of Sukarno, who led Indonesia to become an independent state.

The basis of Sukarno's political philosophy was the principle of "Unity in diversity", first formulated in the 14th century by poet Mpu Tantular, who lived during the Majapahit Empire. Sukarno consistently opposed the establishment of a theocratic state in Indonesia, knowing that the religions domination of Islam is the path to conflict in society. The unity of all peoples of the Archipelago, regardless of their religious beliefs, is the main objective of the political activity of the Indonesian leader

Key words: Bung Karno, the third way, gotong-rojong, functional groups, NASACOM.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГЕРМАНО-ИНДИЙСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Аннотация. В данной работе автор приводит примеры динамичного развития основных направлений германо-индийского взаимодействия в начале XXI века: политическое, военное, экономическое, культурное сотрудничество между обоими государствами. В условиях глобализации ФРГ и Индия обладают достаточным потенциалом и ресурсами для развития своих двусторонних отношений.

Ключевые слова: основные направления германо-индийского взаимодействия в начале XXI века; германо-индийские проекты в политической, экономической, энергетической, культурной областях; официальные визиты и встречи канцлера Германии Ангелы Меркель с премьер-министром Индии Манмоханом Сингхом; перспективы развития германо-индийских двусторонних отношений.

От глобализации Германия и Индия больше извлекают пользу и выгоду, нежели проигрывают. В настоящее время ФРГ и Индия являются важными геополитическими центрами силы в мире, от внешней политики и взаимодействия которых будет зависеть будущая глобальная конфигурация международных отношений во второй половине XXI века.

В каких же сейчас направлениях осуществляется германо-индийское сотрудничество?

Основные направления сотрудничества между Германией и Индией были оформлены в так называемом германо-индийском плане стратегического партнерства в XXI веке. Германо-индийское стратегическое сотрудничество было официально закреплено в соглашении, которое подписали в мае 2000 г. министры иностранных дел обоих государств – «Программа \ план немецко-индийского сотрудничества в XXI веке» ("Agenda für die Deutsch-Indische Partnerschaft im 21. Jahrhundert"). Затем были подписаны и последующие декларации между Германией и Индией в 2006-2007 гг. Основными задачами «Программы германо-индийского сотрудничества в XXI веке», так называемого **германо-индийского стратегического партнерства в XXI веке**, являются:

- укрепление двусторонних отношений между Германией и Индией посредством регулярных встреч и диалогов между лидерами обоих государств;

- политика безопасности и разоружения;
- торгово-экономические отношения Германии и Индии;
- обмен современными технологиями и новыми разработками, IT специалистами;
- укрепление германо-индийского сотрудничества в области культуры;
- политика по защите окружающей среды;
- совместная разработка политики СМИ, которые, как известно, играют во всем мире важную роль в формировании имиджа страны, распространению информации;
- совместная работа Германии и Индии по реформированию ООН. Важно отметить также, что Германия и Индия задействованы в разработке плана по урегулированию конфликтной ситуации в Афганистане, Ираке, Иране, проблем разоружения, борьбы с терроризмом;
- разработка стратегии по борьбе с терроризмом, наркотрафиком и криминалитетом, нелегальной миграцией. Стороны также договорились «осуществлять обмен информацией и сотрудничать в проведении изысканий по оборонным технологиям и в реализации проектов закупки вооружений».

На деле основным направлением взаимодействия между Германией и Индией стали торгово-экономические отношения. Даже несмотря на разразившийся финансово-экономический кризис, ФРГ и Индия проводят форумы, подписывают взаимовыгодные договоры.

Инвестиции, которые сейчас вкладывает Германия в индийское производство, современные технологии, энергетику и строительство, помогают обоим государствам укреплять свои двусторонние отношения. Согласно официальным статистическим данным Индии, прямые инвестиции ФРГ в течение 2008 \ 2009 фин. г. составили 410 млн. евро. Основные германо-индийские бизнеспроекты и инвестиции сконцентрированы в основном в химическом, фармацевтическом производстве, машиностроении и авиатехнике, а также в современных технологиях. Судя по статистике, товарооборот между Германией и Индией с 2000-2008 гг. возрос примерно на 14 млрд. евро. Что же касается инвестиций, то они возросли более чем на 3 млрд. евро, таким образом делая Германию третьим по величине инвестором после Великобритании и Нидерландов в Европе и седьмым в мире. С самого начала торгово-экономических отношений между

* © Печищева Л.А.

Германией и Индией немецкая промышленность не была ориентирована только на поставку товаров в Индию. В течение долгого времени ФРГ инвестировала в экономику Индии и поставляла технологии (например, **Руркела (Rourkela)**, первый крупный немецкий проект финансовой помощи, который стал зарождением германо-индийского индустриального сотрудничества. И уже с 1991 г. новый виток немецкого экспорта в Индию привел к созданию новых свежих инвестиционных и технических совместных проектов. Среди иностранных индийских инвесторов Германия занимает седьмое место с общим объемом инвестиций в 2,7 млрд. долларов США. Одним из самых значимых институтов, который способствует развитию германо-индийских торгово-экономических отношений, является **индийско-германская Торгово-промышленная палата (IGCC)**. Эта организация была основана в 1956 г., имеет сегодня 7000 сотрудников, и представляет собой крупнейшую немецкую Торговую палату за границей. ТПП имеет головной офис в Мумбаи, а зарубежные офисы в Нью-Дели, Калькутте, Бангалоре и Дюссельдорфе. Торгово-инвестиционное агентство Германии (**GTAI**) сегодня является одним из крупнейших агентств Германии по внешней торговле и внутренним инвестициям. Целью этой организации, созданной путём слияния Министерства внешней торговли Германии и Инвестиционного агентства Германии 01.01.2009, является помощь ФРГ в предоставлении индустриальных и технологических инвестиций, а также выявление и определение инвесторов для немецкого рынка.

Одним из значимых достижений германо-индийского сотрудничества за последние десятилетия является разработка и реализация социальных проектов. Несмотря на то, что Индия благодаря экономическим реформам 1990-х гг. стала экономически развитым государством, по-прежнему Индия сталкивается с внутренними проблемами: большой разрыв между богатыми и бедными слоями населения, нехватка водных ресурсов, различный уровень жизни городских и деревенских жителей, недостаточно развитая энергетическая сфера и т.д. В связи с этим немецкие правительственные и неправительственные организации развивают ряд проектов, целью которых является повышение уровня жизни в Индии.

Приоритетные направления сотрудничества Германии и Индии в социальной сфере: защита окружающей среды и полезных ископаемых; развитие энергетического сектора без ущерба окружающей среде; развитие финансового сектора и социальной безопасности.

За осуществлением этих проектов следит Немецкое общество технического сотрудничества (GTZ GmbH) и КФВ банк Групп (KfW Bank Group)

вместе с Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития (BMZ). Многие германо-индийские проекты осуществляются в тесном сотрудничестве с бизнес- и медиакругами, неправительственными организациями. На протяжении более 50 лет сотрудничество в социальной сфере между Германией и Индией неуклонно развивается.

Германо-индийские отношения за последнее двадцатилетие претерпели значительную трансформацию и сейчас развиваются очень динамично. Благодаря либеральным экономическим реформам Индии в 1990-е гг., немецкие компании смогли внедрить свое производство в Индию, выстроить торгово-экономические отношения, базирующиеся на взаимном доверии и демократических ценностях. Инвестиции, которые сейчас вкладывает Германия в индийское производство, современные технологии, энергетику и строительство, помогают обоим государствам укреплять свои двухсторонние отношения. Индия показывает весьма значимые успехи во многих сферах. Однако, по мнению российского эксперта Ф. Юрлова, Индия все еще по многим показателям отстает от Китая, поскольку много сил уходит на сохранение политической стабильности и безопасности в Индии, также чрезмерно много внимания руководство страны уделяет урегулированию проблем с Пакистаном. Однако, по мнению некоторых индийских ученых, у Индии есть весомые преимущества перед Китаем. К примеру, на макроэкономическом уровне Китай обгоняет Индию, являющуюся на сегодняшний день растущей мировой державой, но на микроэкономическом уровне Индия показывает прогресс и динамику. К тому же Индия всегда старается проводить реформы, а также наращивает экономическую мощь снизу, а Китай – сверху. Индия является самой большой в Азии демократической страной, где сильны современные IT-технологии и программисты, в этом Китай уступает Индии. Германия понимает, что с таким мощным и надежным партнером, как Индия, необходимо укреплять отношения и в политике, и в экономике, и в культуре и других сферах, а также и стратегическое партнерство.

В условиях глобализации Германия и Индия обладают политическими, экономическими, культурными, научно-техническими ресурсами для развития их стратегического партнерства. По мнению канцлера ФРГ Ангелы Меркель, Индия обладает достаточным экономическим потенциалом, чтобы стать для Германии таким же крупным партнером в Азии, как и Китай.

L. Pechishcheva

MAIN DIRECTIONS OF GERMAN-INDIAN COOPERATION AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY

Abstract. In this work the author gives as examples a dynamic development of the main directions of German-Indian cooperation at the beginning of the 21st century: in politics, military area, economics, culture between both states. During globalization Germany and India possess potential and resources enough for the development their bilateral relations.

Key words: main directions of German-Indian cooperation at the beginning of the 21st century; German-Indian projects in political, economic, energy, cultural spheres; official visits and meetings of the German chancellor Angela Merkel and Indian premier-minister Manmohan Singh; perspectives of the development of bilateral German-Indian relations.

УДК 327(091) "20/21"

Каширина Т.В.

АМЕРИКАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА» И АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.*

Аннотация. В статье рассматривается концепция создания «нового мирового порядка», основанного на лидерстве США, ее изменения после террористической атаки 11 сентября 2001 года; показано влияние концепции на американо-российские отношения.

Ключевые слова: «упреждающие действия», «политика противораспространения», антитеррористическая коалиция.

В начале 1990-х гг. американские аналитики и политические деятели стремились глубже осмыслить итоги холодной войны с целью внести коррективы в международную стратегию США для определения устраивающего США устройства мира после холодной войны и пересмотра основы внешней политики США как единственной сверхдержавы.

В 1988 году президентом США был избран республиканец Дж. Буш (старший), выступивший в 1990 году с концепцией создания «нового мирового порядка». В довольно расплывчатой форме он сказал, что происходит рождение нового мира, отличного от того, который существовал и в котором вместо правовых норм действовал закон джунглей, мира, в котором государства признают, что все они несут ответственность за свободу и справедливость, мир, в котором уважаются права слабых [1].

На объединенной сессии Конгресса США 11 сентября 1990 года Дж.Буш объявил, что новая эра будет более свободной от угрозы террора, более безопасной и мирной, в его основе будет более последовательная борьба за справедливость [2]. По мнению американской администрации, новый мировой порядок уже существовал в Америке, поэтому государство процветало. Теперь этот порядок необходимо развить и расширить.

Более детально новая стратегия США была изложена в секретном документе Пентагона «Рекомендации для оборонного планирования» весной 1992 года, в котором говорилось, что США должны продемонстрировать способность к лидерству, чтобы защитить новый порядок и убедить потенциальных оппонентов не претендовать на более высокую роль и не прибегать к агрессивной политике.

В «Рекомендациях» подчеркивалась важность осуществления контроля над событиями в России, чтобы не позволить ей «вариться в собственном соку», так как она по-прежнему оставалась второй ядерной сверхдержавой [3].

Концепция «нового мирового порядка», сформулированная республиканскими стратегами и консервативными идеологами, оказалась непривлекательной для американцев, не желавших расширения внешнеполитической активности государства, что стало одной из причин поражения Буша на президентских выборах 1992 г. [4].

С окончанием периода некоторой растерянности, связанной со стремительным окончанием холодной войны и глобальными изменениями в мире, что выражалось в активных дебатах среди американских политиков и ученых, начали оформляться контуры новой внешнеполитической стратегии США.

Администрация президента Клинтона в июле 1994 года подготовила ежегодный официальный документ «Стратегия национальной безопасности», в котором, отказавшись от прежней стратегии «сдерживания», провозгласила стратегию «расширения» мирового сообщества «свободных рыночных демократических государств» [5]. По сути, прежние американские цели о расширении и укреплении лидерства были облечены в новую форму.

Победа Клинтона на президентских выбо-

* © Каширина Т.В.

рах 1996 года была расценена его администрацией, в частности, как национальное признание выдвинутой ею внешнеполитической стратегии США не только на конец XX века, но и на грядущее столетие. Стратегия расширения была оформлена в «Стратегию национальной безопасности в новом столетии» [6], в которой были изложены основы политики администрации Клинтона на второй срок президентства.

В «Стратегии» США подтверждали свое право на односторонние действия, она предусматривала широкомасштабное регулирование международных отношений на глобальном и региональных уровнях, в том числе в сферах влияния России. США не собирались отказываться ни от одной из заявленных целей, что окончательно развеивало надежды на то, что интересы России будут приниматься во внимание.

В «Стратегии» был существенно «понижен российский фактор». Россия из разряда «приоритетного государства» была переведена в разряд «одного из государств», с которым США придется иметь дело в ходе реализации глобальной стратегии. В документе Россия не была выделена в отдельное региональное направление американской политики, а рассматривалась как одно из новых независимых государств, отношения с которым объявлялись важными для европейской безопасности и бесконфликтного развития Европы. Предполагалось включить Россию, Украину и другие государства в новую систему европейской безопасности.

Политика США в странах СНГ и Балтии наделялась особым статусом. Объявлялось, что независимость, суверенитет и территориальная целостность, а также успех политических и экономических реформ в этих государствах представляли особую важность для американских интересов. Фактически страны СНГ объявлялись зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов.

Но расширение НАТО, бомбардировки Белграда силами НАТО в марте-июне 1999 года без согласования с ООН, свертыwanie программ сотрудничества НАТО и России в 1999-2000 гг. позволили вновь заговорить о кризисе в российско-американских отношениях, о наступлении «холодного мира». Приходилось признать и американской, и российской стороной неизбежность расхождения и столкновения интересов России и США и главенство национальных интересов над любыми формами партнерства с США.

К концу 90-х годов, через десять лет после прекращения холодной войны отношения между двумя бывшими противниками находились в неопределенном состоянии. Идеологический конфликт и геополитическое противостояние между Москвой и Вашингтоном ушли в прошлое. Но

стратегическое партнерство, провозглашенное Клинтон и Ельциным в 1993 году, так и не состоялось. Это было связано с рядом субъективных и объективных причин.

С одной стороны, для стратегического партнерства США и России не хватало совпадения принципиальных интересов, которые обычно возникают у государств при наличии общего врага. Именно наличие общего противника на международной арене скрепило союз двух стран во Второй мировой войне.

С другой стороны, 90-е годы стали периодом беспрецедентно успешного экономического развития США и болезненного и глубокого кризиса в России, не имеющей реальной, продуманной стратегии экономических и политических реформ. В результате возник огромный разрыв в военных потенциалах двух государств, что предопределило асимметрию их положения в новой системе международных отношений. США, исторически претендующая на роль «единственной сверхдержавы», мирового лидера, не были готовы и не собирались признавать Москву равноправным партнером.

В ходе подготовки и проведения президентских выборов в 2000 году американские политологи отмечали, что будущая администрация должна продолжить начатую демократами политику укрепления глобального лидерства США, поскольку она наилучшим образом отвечает интересам Соединенных Штатов.

Либеральные стратеги, работавшие на демократическую администрацию, указывали, что в сложившейся к 2000 году относительно стабильной международной ситуации Соединенные Штаты могли более активно и полно воспользоваться своим уникальным положением, довершить демонтаж старого мирового порядка и сконструировать новый в соответствии с американскими идеалами и исторически сложившимися интересами [7].

Демократы высказали предложение, что такой важный международный институт, как Группа семи, должен быть расширен, и в нее следует включить Россию, Бразилию, Китай и Индию (имелось в виду реальное, а не формальное включение в нее Российской Федерации, которая считалась членом «политической восьмерки» с 1998 года).

Республиканские политики и консервативные аналитики вторили демократам, но в более категорической и амбициозной форме, уделяя основное внимание военным вопросам и проблемам обеспечения безопасности [8].

Дж. У. Буш (младший), претендовавший на пост кандидата в президенты от Республиканской партии, выступил с программной речью по внешней политике 19 ноября 1999 года в Библиотеке Р. Рейгана в Калифорнии; 23 сентября 1999 года он

выступил с докладом по военной политике США. В своих выступлениях Дж. У. Буш заявил о сохранении внешнеполитической активности США и активном участии государства в международных делах. Сокращение международной активности Соединенных Штатов «чревато стагнацией Америки и неуправляемостью мира» [9].

Что касается России, то критика в ее адрес усилилась. Республиканцы объявили о готовности к новому противостоянию и сдерживанию России в зависимости от того, насколько взаимодействие с ней не будет противоречить американским интересам и планам реализации глобальной стратегии, и в зависимости от того, насколько Россия сможет «вписаться» в американскую политику [10].

Придя к власти, республиканская администрация сохранила в качестве основополагающего положения идею о том, что мир однополюсен, США – единственная сверхдержава, американские институты и ценности – самые передовые и наиболее привлекательные для других стран, желающих идти по пути прогресса и рыночной экономики. «Мы собрали лучшую в истории всех администраций команду по национальной безопасности» [11], – заявил президент Буш 4 марта 2001 года. Национальная безопасность была объявлена приоритетным элементом внешней политики американской администрации.

По отношению к России в официальных документах администрации Буша прослеживалась двойственная позиция. В первом доктринальном документе администрации – «Четырехгодичном оборонном обзоре», который был опубликован 1 октября 2001 г., но подготовлен в основном до событий 11 сентября, говорилось о сотрудничестве с Россией в военной сфере и сфере безопасности. Но в то же время отмечалось, что «в ряде вопросов Россия стремится к политическим целям, которые противоречат интересам США» [12].

Итак, на рубеже XX-XXI вв. складывалось впечатление, что у конструктивного взаимодействия двух стран на мировой арене нет будущего. Во всяком случае, именно такой взгляд превалировал в этот период и в Москве, и в Вашингтоне.

После террористического нападения на США 11 сентября 2001 года и объявления американцами войны международному терроризму ситуация в российско-американских отношениях изменилась. Телеобращение В.В. Путина к гражданам России от 24 сентября 2001 г., в котором было заявлено об участии России в антитеррористической операции, было встречено американским руководством с воодушевлением.

Со своей стороны, в Москве надеялись, что угроза новых атак террористов заставит Вашингтон отказаться от программы создания национальной ПРО (НПРО), которая в случае ее раз-

вертывания могла бы через 10-15 лет поставить под сомнение российский потенциал ядерного сдерживания. Но ожидания российской стороны не оправдались. В ноябре 2001 года американцы официально вышли из Договора ПРО 1972 года.

В свете произошедших событий 11 сентября американский и российский президенты подписали целый ряд совместных документов, развивавших стратегические отношения между двумя государствами.

Новые подходы во внешней политике нашли отражение в «Стратегии национальной безопасности США» от 20 сентября 2002 года. Основное внимание в «Стратегии» уделялось борьбе с терроризмом, в контексте которой подчеркивалось, что «в случае необходимости мы, используя право на самозащиту, **без колебаний будем действовать в одиночку и с упреждением против террористов** (выделено мной – Т.К.), чтобы не позволить им нанести урон нашему народу и нашей стране. США всегда сохраняли за собой возможность упреждающих действий при наличии достаточно серьезной угрозы национальной безопасности... – **даже если не вполне ясно, откуда и когда нужно ожидать вражеского удара.** (выделено мной – Т.К.) В интересах исключения и предотвращения такого удара противника США будут применять, если это необходимо, упреждающие действия [13].

В целом «Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. рассматривает отношения с международным сообществом в контексте борьбы с терроризмом, ориентирует администрацию страны на проведение более динамичной внешней политики и взаимодействие с основными глобальными центрами силы, рассматривая Россию и Китай в качестве союзников США в борьбе с международным терроризмом. Ярким проявлением гегемонизма новой стратегии является стремление США действовать самостоятельно, без учета мнения международного сообщества; право на упреждающие (preemption) действия даже в случаях, когда неясно происхождение угрозы; политика нераспространения ОМП представлена как политика противораспространения (counterproliferation) ОМП, что предусматривает изъятие ОМП у «подозреваемых» стран. Эти положения идут в разрез с нормами международного права, нормами ООН, ОБСЕ, иницируют возможность нарушения суверенитета государств, утверждают право США решать международные проблемы при помощи военной силы.

После террористических преступлений 11 сентября сотрудничество в борьбе с терроризмом между Соединенными Штатами и Россией возросло.

Джордж Буш высоко оценил взаимодейс-

твие с партнерами по антитеррористической коалиции. «В этот момент общая опасность стирает старые раздоры. Америка сотрудничает с Россией, Китаем и Индией так, как мы не сотрудничали никогда раньше, ради мира и процветания. В каждом регионе рыночная экономика, свобода торговли и открытое общество доказывают свою способность улучшить качество жизни. Вместе с друзьями и союзниками из Европы и Азии, Африки и Латинской Америки мы покажем, что силы террора не в силах остановить стремление к свободе» [14].

Анализируя послание Дж. Буша, можно сказать, что оно определяет новую реальность, начавшую складываться после распада СССР и окончательно оформившуюся после 11 сентября. Дело в том, что после трагедии 11 сентября психологический шок не позволил многим осознать стратегические выгоды нового положения США и вынудил их отвергать любые попытки трезвого анализа. Однако сегодня очевидно, что теракты не только способствовали мобилизации государства, повысили его эффективность, но усилили как политические, так и экономические позиции и притязания США.

США и Россия являются, бесспорно, ведущими участниками антитеррористической коалиции, созданной после 11 сентября 2001 г. Без российско-американского сотрудничества не удалось бы столь быстро и эффективно ликвидировать режим талибов и базы «Аль-Каиды» в Афганистане (тем самым была существенно снижена угроза со стороны исламского экстремизма южным рубежам СНГ). Новый дух российско-американского сотрудничества позволил Москве и Вашингтону заключить Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, предусматривающий трехкратное сокращение их развернутых стратегических боезарядов в течение ближайших 10 лет. Сближение России с Западом и его лидером – США – дало возможность активизировать деятельность Совета Россия – НАТО, который призван стать, как это говорится в Декларации глав государств и правительств стран-членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г., «механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств-членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в Евроатлантическом регионе» [15]. Не приходится сомневаться в том, что именно позиция, занятая Кремлем 11 сентября 2001 г., во многом способствовала решению США и Евросоюза о признании рыночного статуса российской экономики.

Подводя итог, необходимо отметить, что сотрудничество с Россией стало частью американской концепции нового «мирового порядка». С одной стороны, в «Стратегии национальной бе-

зопасности» Дж. Буша-мл. были определены новые сферы американо-российского сотрудничества. Это предполагало углубление и расширение взаимоотношений двух государств. Но, с другой стороны, США, став наиболее сильной державой, приступили к реализации своих интересов как таковых, предполагая в случае необходимости действовать в одиночку, применяя упреждающие удары, без какой-либо оглядки на интересы других государств и народов.

Таким образом, американский новый «мировой порядок», в основе которого лежит давнее стремление США к установлению однополярного мира, гегемонистские «великодержавные» интересы Соединенных Штатов, является логическим продолжением прежних американских внешнеполитических концепций, но в новых условиях.

Новыми условиями являются: во-первых, окончание холодной войны и распад СССР, что позволило США объявить себя единственным мировым лидером; во-вторых, террористическая атака 11 сентября, которая внесла определенные коррективы в американскую внешнюю политику, вынудив США сотрудничать в борьбе с терроризмом с ведущими государствами, включая Россию. Но, с другой стороны, эти события дали американскому государству как пострадавшей стороне своего рода аванс на проведение односторонних военных мероприятий в любой точке земного шара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. President G. Bush. Toward a New World Order //U.S. Department of State Dispatch. – Vol. 1. №3 (September 17, 1990).
2. Georg Bush. Address Before Joint Session of the Congress. September 11, 1990 //Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 26. № 37 (September 17, 1990).
3. Проект секретного документа Пентагона «1992 Defense Guidance» был опубликован после «утечки» в прессу: The New York Times. March 8, 1992.
4. White J. Still Seeing Red. How the Cold War Shapes the New American Politics. Boulder (Colo.), 1997. – P. 202.
5. Стратегия национальной безопасности США. //США-ЭПИ. 1995. № 1. С. 22; Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США-ЭПИ. 1994. № 3; Maynes Ch. W. A Workable Clinton Doctrine. // Foreign Policy. 1993-1994 – Winter. № 93.
6. A National Security Strategy for a New Century / The White House. Wash., D.C., 1997 (May) / <http://www.whitehouse.gov>.
7. The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace. National Democratic Party Convention. Los Angeles. August 14-18, 2000 / <http://www.democrats.org>
8. Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000 / <http://www.republicans.org>.
9. The Ottawa Citizen. 1999, November 26.
10. Republican Platform 2000. Renewing America's Pur-

- pose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000 / <http://www.republicans.org>.
11. Hatcheson G. U. S. National Security: The Bush Team// Electronic Journals of the U. S. Department of State./ <http://usinfo.state.gov>.
 12. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense, September 30, 2001. P. 4-5.
 13. The National Security Strategy of The United States of America. Washington, 2002.
 14. President Bush's State of the Union Address.-www.whitehouse.gov.
 15. Декларация глав государств и правительств стран - членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 /Под ред. Богату-

рова А.Д. – Т. 4. Документы. 1945-2003 / Сост. Е.Г. Капустян и др. – М., 2004. – С. 565-569.

T. Kashirina

THE AMERICAN CONCEPT OF «A MODERN WORLD ORDER» AND THE AMERICAN - RUSSIAN RELATIONS ON BOUNDARY XX-XXI CENTURIES

Abstract. In article the concept of creation of «the new world(global) order», based on leadership the USA, its changes after terrorist attack on September, 11, 2001 are considered; influence of the concept on the American - Russian relations is shown.

Key words: «preemption actions», «politics of counterproliferation», an antiterrorist coalition.

УДК: 327

Малышев О.С.

ДИНАМИКА ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ*

Аннотация. Исследуется вопрос влияния внешнеполитической концепции государства на вектор развития экономических отношений на примере трансатлантических отношений и динамика взаимоотношений США и ЕС в XXI веке.

Ключевые слова: ЕС и США, трансатлантические отношения, геоэкономика, динамика трансатлантических отношений в XXI веке.

Трансатлантические отношения, внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия ЕС и США играют решающую роль в политическом и геоэкономическом распределении сил в мире. Популярная в кругах международных аналитиков точка зрения о взаимно стабилизирующем характере взаимодействия экономических и военно-политических факторов отношений США–Европейский Союз может оказаться опровергнутой, если военно-политический союз в трансатлантических отношениях будет становиться все более зависимым от торговых и финансовых конфликтов.

Экономические и военно-политические факторы в развитии трансатлантических отношений взаимодействуют сложным образом. Некоторые исследователи, к примеру, рассматривают группы давления, представляющие американский невоенный бизнес, с одной стороны, и военно-промышленный комплекс (включая государственный аппарат, отвечающий за национальную безопасность) с другой, как конкурирующие за влияние на внешнюю политику США, а не реализующие свои интересы совместно, на основе гармонично сочетающихся и взаимодополняющих це-

лей. Видный американский экономист И. Дестлер даже называет "группу интересов безопасности" (security complex) и "группу экономических интересов" (economic complex) двумя "конкурирующими субправительствами" [1, 26-42]. В этой статье рассматривается вариант влияния "комплекса безопасности" и "комплекса экономики" на принятие внешнеполитических решений в период двух президентских сроков Дж. Буша-младшего с 2000 по 2008 гг. В 2000-2004 годах к власти в США пришли "ястребы", активно стремящиеся к мировой гегемонии США. Но сочетание таких событий, как катастрофическая война в Ираке, усиление военной и экономической мощи Азии и глубокая экономическая рецессия на Западе покончили с амбициями США на мировой арене и заставили вновь обратиться к трансатлантическому партнерству в рамках лоббирования "economic complex group".

В начале XXI века трансатлантические отношения представляли собой любопытную смесь выгодного сотрудничества и нарастающего соперничества в различных областях политики, науки, экономики и даже культуры. По целому ряду вопросов позиции США и ЕС расходились: противоракетная оборона, химическое оружие, наземные мины, Киотский протокол. Плюс ко всему еще со времен Б. Клинтона оставались такие проблемы, как генетически измененные продукты, "банановая война", стальной вопрос, а также санкции, наложенные на европейские инвестиционные компании, действующие на Кубе, в Сирии, Ливане и Иране [2, 37-38]. Даже несмотря на сближающие перед лицом общей угрозы международного терроризма события 11 сентября 2001 года, в Евро-

* © Малышев О.С.

пе значительную роль играли антиамериканские настроения. Выбор США внешнеполитической концепции одностороннего решения вопросов международной политики предопределил раскол в трансатлантических отношениях.

Самые продолжительные торговые споры между ЕС и США, получившие название "банановой войны", держали в напряжении мировое сообщество на протяжении шестнадцати лет. Тлеющие и по сей день противоречия между Европейским союзом и Соединенными Штатами, связанные с торговлей бананами, трижды выливались в острейшие противостояния. Но лишь в июле 2008 года страны Латинской Америки – экспортеры фруктов урегулировали с Евросоюзом шестнадцатилетний торговый спор о пошлинах на бананы. В рамках саммита ВТО в Женеве, на котором присутствовали представители 35 участвующих в споре стран, было предложено установить тариф на ввоз бананов в Европу из Латинской Америки к 2016 году на уровне 114 евро за тонну вместо 176 [4].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что закончился самый продолжительный тарифный спор Соединенных Штатов Америки и Европейского союза в рамках Всемирной Торговой организации. Ранее в 2008 году Евросоюз снял введенные в 2005 году антидемпинговые ограничения на ввоз отдельных видов электротехнической стали для американской AK Steel Corp., которые доходили до 31,5 %. Так закончилась "стальная война". В 2010 году в Европейском союзе может начаться полноценный сбыт генетически измененной продукции. Управление по безопасности продуктов питания при Еврокомиссии признало генетически модифицированное молоко и мясо безопасными для здоровья человека. ЕС и США урегулировали детали перехода на IAS – систему международных стандартов финансовой отчетности (включив опционы в расходную часть баланса). В развитии отношений, связанных с решением проблем интеллектуальной собственности, наблюдается массовый процесс взаимного признания патентов. Принятие документа "Общая программа стратегических действий за уважение прав интеллектуальной собственности в мире" подчеркивает стремление совместно защищать права интеллектуальной собственности. Складывается ощущение, что ЕС и США разобрались с новыми вызовами начала XXI века и теперь приступили к унификации международных стандартов в Азии и Латинской Америке. Самые явные изменения в трансатлантических отношениях начала века намечаются в вопросе, связанном с экстерриториальным законодательством США. После прихода к власти в Иране Махмуда Ахмадинежада Франция по вопросу Ирана сблизилась свои позиции с США.

Поразительно, но французской корпорации Total уже дана рекомендация воздержаться от участия в тендерах на территории Ирана, дабы не попасть под ограничения закона Д'Амато – акта санкций против Ирана и Ливии, принятого в США в 1996 году. В 2004 году после многолетних препирательств с крупнейшими государствами-экспортерами Конгресс США под давлением ВТО отменил налоговые льготы для 6000 американских компаний-экспортеров, торгующих через оффшорные зоны. Конец "налоговой войны" ознаменовал начало второго президентского срока Джорджа Буша-младшего, что само по себе является знаменательным событием.

Второй срок Дж. Буша прошел для США и ЕС под знаком конструктивного диалога во всех областях. Важно подчеркнуть, что по всем вопросам – начиная от Ирана, Северной Кореи и заканчивая арабо-израильским конфликтом – акцент Вашингтона на дипломатию, а не на военную мощь и сдвиг от принуждения к убеждению возымели положительный эффект на трансатлантические взаимоотношения. За свои первые девять месяцев администрация Дж. Буша в 2000 году вышла из Киотского процесса, заявила о неприятии Международного уголовного суда и Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия, и начала выход из Договора о противоракетной обороне. Но сочетание таких событий, как катастрофическая война в Ираке, усиление военной и экономической мощи Азии и глубокая рецессия на Западе покончили с гегемонией Америки на мировой арене и заставили США вновь обратиться к европейским союзникам. С имперским высокомерием сверхдержавы, считающей себя выше международного права, покончено. В итоге Администрация президента США Барака Обамы вынуждена признать, что эра американского унитаризма закончена, а партнерство с Европейскими странами – ключевой момент внешней политики [5, 36].

В будущем протекционизм и агрессивное давление со стороны транснациональных корпораций и связанные с этими явлениями современных МО торговые споры могут возобладать в трансатлантических отношениях. Но сейчас все говорит о том, что США и ЕС в условиях мирового финансового кризиса договорились избегать запретительных и ограничительных мер во внешней торговле. Положительная динамика в трансатлантических отношениях обусловлена, прежде всего, отказом Вашингтона от тактики одностороннего принятия решений и создания временных коалиций, что после событий 11 сентября 2001 года расценивалось Европейским союзом как стремление к гегемонии и униполярному миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Destler I. Foreign Policy Making with the Economy at Center Stage // Beyond the Beltway: Engaging the Public in U.S. Foreign Policy / D. Yankelovich, I. Destler (eds.). New York: Norton, 1994. P. 26-42.
2. Roy J. Europe: Cuba, the U.S. Embargo, and the Helms-Burton Law// R. Haass (ed.). Trans-Atlantic Tensions. The United States, Europe, and Problem Countries. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999. P. 37-38.
3. Quinlan, Joseph P. Drifting Apart or Growing Together? The Primacy of the Transatlantic Economy. Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 2003.
4. Thomson Financial 28.07.08. Также <http://lenta.ru/news/2008/07/28/bananas/>
5. James P. Rubin "Building a New Atlantic Alliance. Restoring America's Partnership With Europe". Foreign Affairs, July/August 2008. P. 33-50.

O. Malyshev

DYNAMICS OF TRANSATLANTIC RELATIONS IN THE 21ST CENTURY

Abstract. The author analyzes the influence of foreign policy on the development of economic relations between the United States and the European Union and dynamics of transatlantic relations in the 21st century.

Key words: geoeconomy, transatlantic relations, dynamics of transatlantic relations in the 21st century.

Политические науки

УДК 329.78(470-57)

Каюмова А.Ф.

РОЛЬ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РЕШЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность наиболее крупных и заметных молодежных общественных объединений Республики Башкортостан в решении таких социальных проблем региона как оказание помощи различным категориям населения, социальная защита и трудоустройство своих членов, организация досуга, раскрываются причины недостаточной активности в общественной жизни республики.

Ключевые слова: молодежные общественные объединения, стратегический ресурс, социальные проблемы, студенческие отряды, молодежный парламентаризм.

Молодежным объединениям отводится особая роль, обусловленная статусом молодежи как особой социально-демографической группы. По мнению исследователей, подрастающее поколение представляет собой стратегический ресурс, который важнее сырьевых, топливных и финансовых ресурсов. Следовательно, выполняя традиционные для общественных объединений функции (представительство интересов, политическое участие, социализация граждан), молодежные объединения, включаясь в политику, выступают как важнейший механизм проектирования будущего страны, общества и государства. Однако, чтобы эта роль была реализована, молодежные объединения должны превратиться в реальную, а не формальную силу социальных преобразований.

Анализ уставных документов различных молодежных объединений свидетельствует о приоритете социальных функций большинства из них. Деятельность этих организаций связана с решением насущных проблем молодежи: трудоустройство, организация досуга, образование, здравоохранение. Таким образом, участники общественных объединений одновременно выступают и субъектами жизнедеятельности своего коллектива и участниками процесса социально-культурной, политической жизни.

В Республике Башкортостан в настоящее время существует множество молодежных общественных объединений. Только зарегистрированных в Минюсте РФ по РБ их пятьдесят, которые насчитывают в своих рядах свыше 300 тысяч молодых людей [2, с.19].

Самой крупной по численности организацией, из всех ныне существующих в Башкортостане, является Союз демократической молодежи Башкортостана (СДМБ). В соответствии с Уставом СДМБ главной целью организации является создание условий для всестороннего развития молодого человека в различных сферах общественной жизни, раскрытия и реализации его потенциала, защита интересов и прав членов союза.

СДМБ принадлежит наиболее заметная роль в решении социальных проблем молодежи республики, он начал реализовывать различные социальные проекты и программы с момента своего создания (1990г.). К настоящему времени их количество достигло пятнадцати. Одни направлены на выявление и поддержку талантливых школьников, студентов и молодых ученых («Конкурс научных работ студентов вузов Республики Башкортостан», «Конкурс научно-технических исследований и разработок», «Лучшие выпускники»), другие – на формирование волонтерского движения, благотворительности и здорового образа жизни («Добровольная помощь населению», «Благотворительный десант», «Защищенное детство», программа профилактики асоциальных явлений в молодежной среде «Добровольческий корпус Здоровья»). Также широко развиты мероприятия, содействующие социальной защите молодежи, такие, как участие в международной программе скидок «Молодежная карта EURO < 26». Ежегодно в этих программах участвуют более 30 тысяч человек.

В Республике Башкортостан сравнительно большое число объединений национальной направленности [1, с.39], в том числе молодежных. Заметную роль в социальной защите националь-

* © Каюмова А.Ф.

ной творческой молодежи, реализации творческой инициативы молодежи играют такие объединения как Союз Башкирской молодежи, Союз татарской молодежи «Азатлык», Союз чувашской молодежи РБ, Ассоциация башкирской творческой молодежи (АБТМ) «Айбар», «Республиканский центр реализации творческой инициативы молодежи», Молодежный творческий центр «Сайяр», Культурное наследие Республики Башкортостан», «Независимое объединение музыкантов, авторов и продюсеров» и др.

Для решения своих социальных проблем студенчество создавало свои профсоюзы и объединения. В 1991 году было создано крупнейшее в республике студенческое объединение Лига студентов Республики Башкортостан (Лига студенческих профсоюзов Республики Башкортостан), позже-Республиканская молодежная общественная организация «Союз студентов Башкортостана», затем уже в 2000-х годах - Общественная организация студентов «АЙСЕК – Уфа», Республиканская молодежная общественная организация «Штаб студенческих трудовых отрядов Башкортостана» и Региональная молодежная общественная организация «Ассоциация студентов – юристов «ЭЛЬ-ЗА Башкортостан».

Лига студентов РБ по праву считается одной из влиятельных молодежных объединений республики, а ее лидеры тесно сотрудничают с органами законодательной и исполнительной власти, бизнес-структурами, Башкирским республиканским комитетом профсоюза работников народного образования и науки РФ, Федерацией профсоюзов Республики Башкортостан. В состав Лиги входят 10 первичных профсоюзных организаций студентов вузов, которые объединяют в своих рядах более 70 тысяч человек [7]. Основные цели Лиги - защита законных прав студентов (в том числе, социальная защита), развитие их творческого потенциала, организация быта, досуга и отдыха.

Эффективным механизмом социализации студенчества и развития молодежи является ее участие в движении студенческих отрядов, которые представляют собой сложное явление, сочетающее в себе черты общественного формирования молодежи и одновременно являющееся формой участия студенчества в трудовой и социально-значимой деятельности. Студенческие отряды призваны объединить учащуюся молодежь и, в определенной степени, решить ее материальные проблемы. Работа в летние каникулы более чем для 30 % студентов является единственной возможностью укрепить свое материальное положение.

Студенческие отряды заняты, в основном, в экономической, производственной сфере. Молодые люди трудятся на строительстве и ремон-

те различных объектов, работают проводниками, создаются педагогические, сельскохозяйственные отряды. В последнее время формируются новые отряды, деятельность которых направлена на решение социальных вопросов - патронат пожилых людей и информирование общества по вопросам реформ (жилищной, пенсионной и др.). Таким образом, спектр различных направлений деятельности для приложения сил сегодня значительно шире, чем раньше. Для экономики страны это, безусловно, выгодно, о чем говорит и возрастающий спрос на студенческие отряды со стороны работодателей. Для студентов такие трудовые семестры тоже важны и необходимы, так как являются хорошей профессиональной школой, дополняют полученные в вузе теоретические знания, способствуют подготовке учащейся молодежи к самостоятельному выходу на рынок труда.

С начала 2000-х годов движение студенческих отрядов в республике динамично развивается, о чем свидетельствуют цифры. Если в 1995 году было организовано 75 студенческих отрядов, в составе которых трудилось 1148 человек, в 2004 г. - 179 отрядов общей численностью 8 518 человек, то в 2009 году уже было 200 отрядов, общей численностью 9000 человек. [4, с.26; 5, с.20; 3]

Одним из важнейших социальных проблем в последнее время является ухудшение здоровья детей и молодежи, рост токсикомании, хронического алкоголизма и т.д. В этих условиях особенно важна позитивная роль общественных объединений.

Молодежное общественное добровольческое движение пропагандистов здорового образа жизни «Вместе» приобрело большой размах в республике. В 2005 году движение было зарегистрировано как самостоятельная общественная организация. Это движение стало сразу же успешно развиваться в городах и районах. Активно действуют 62 районных и городских отделения Движения, насчитывающие более 5000 активистов, считая основной своей задачей пропаганду среди молодежи здорового образа жизни. О реальном вкладе РМДД «Вместе» в пропаганду здорового образа жизни говорит тот факт, что программа развития движения неоднократно завоёвывала российские гранты.

С середины 90-х годов на территории Республики Башкортостан довольно активно стало развиваться скаутское движение, как система воспитания юношества, как форма занятия молодежи, ее подготовки в военно-спортивном духе. В 1995 году была образована «Ассоциация объединенных скаутов Республики Башкортостан». Позже были созданы еще две организации: Детско-молодежная организация «Ассоциация скаутов города Белебея» в 2004 году, и Местная детская

и молодежная общественная организация «Лига девочек-скаутов города Уфы», в 2005 году. Среди скаутов развито волонтерское движение, активно организуются палаточные и стационарные лагеря, в том числе международные. Скаутские организации работают по программе, включающей несколько направлений: «Я и общество», «Я и мое здоровье», «Я и природа» и др.

В начале 2006 года в РБ было учреждено региональное отделение «Молодой Гвардии Единой России». Оно активно включилось в общественную жизнь региона. Меньше чем за год представители республиканского отделения «Молодой гвардии Единой России» провели более 20 молодежных массовых мероприятий и приняли участие почти в 50 совместных акциях. Так, например, в канун Нового 2007 года активисты движения вышли на улицы Уфы с целью оказать моральную поддержку авторам законопроекта о запрете деятельности заведений игорного бизнеса в крупных российских городах. «Мы – против одноруких бандитов!» - под таким лозунгом выступили единоросы. Массовых акций такого рода Уфа не видела, наверно, еще с советских времен» [9].

Успех «цветных» революций в Грузии и на Украине, где «локомотивом» выступали оппозиционные молодежные организации, заставил государственные органы, как в центре, так и в республике задуматься об эффективности использования молодежных движений. В целом, пока молодое поколение остается наиболее пассивной категорией населения с точки зрения влияния на институты государственного и общественного управления, лоббирования своих интересов. Поэтому важным направлением государственной политики стало увеличение доли молодежи в структурах представительной и исполнительной власти – с тем, чтобы молодежь, придя во власть со своими заботами, могла сама добиваться принятия и реализации соответствующих законов и государственных решений.

Еще в 2007 году был сделан шаг в отношении привлечения молодежных организаций к участию в законотворческой деятельности. В Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан – была образована Молодежная общественная палата, куда вошли представители молодежных объединений. Цель созданной палаты – привлечение молодежи к государственной деятельности, к решению насущных проблем подрастающего поколения. Это реальная возможность для молодежи участвовать в законотворческом процессе.

В сентябре 2008 года было проведено открытое заседание регионального «Политического клуба Молодой гвардии», темой которой стало развитие молодежных палат при Советах муници-

пальных городов и районов РБ, то есть развитие молодежного парламентаризма, стимулирующего ответственную и социально активную молодежь, которая впоследствии может стать гарантом гражданского общества. В этом плане развитие молодежного парламентаризма в России, в том числе и опыт республики, представляется как нельзя своевременным.

Несмотря на отмеченные позитивные тенденции, включенность молодежи и молодежных общественных объединений в процесс реализации государственной молодежной политики в республике и активности в формировании гражданского общества остается невысокой. Причин этому несколько.

Во-первых, только 15% детей, подростков и молодежи республики охвачены организационными формами детского молодежного движения, причем за счет одной крупной детской организации и двух-трех молодежных. Для большинства молодежных общественных объединений республики характерным является количество членов от 15 до 70 человек, что присуще многим регионам страны [8, с.74].

Во-вторых, большинство объединений ориентировано не столько на работу по привлечению постоянных формальных членов, сколько на расширение категории «лиц, симпатизирующих объединению» через включение их в разнообразные мероприятия и акции.

В-третьих, молодежные объединения часто сталкиваются с недостаточностью финансирования и методического обеспечения социально значимых мероприятий.

В четвертых, социально значимая деятельность молодежных объединений слабо освещается в СМИ (результаты деятельности публикуются, в основном, в специализированных малотиражных изданиях), что приводит к недооценке работы молодежных организаций обществом.

Наконец, в-пятых, органы власти и общественность нередко смотрят на молодежные объединения как на поставщиков добровольцев-исполнителей, отказывая при этом в праве участвовать в выработке целей и содержания соответствующих программ.

Таким образом, молодежные объединения как важный резерв для решения социальных проблем нашего общества пока еще используется не в полной мере.

Нельзя не согласиться с утверждением И.М.Ильинского, отмечающего, что современный российский и зарубежный опыт «однозначно свидетельствуют о невозможности решения проблем общественного развития за счет только государственных и рыночных рычагов, без инновационной деятельности гражданского общества в форме

добровольных инициатив, основанных на самоуправлении, солидарности, социальном участии и ответственности» [6, с.156].

Вот почему социальное становление личности молодого человека через включение его в систему общественных отношений важно для любого государства. Особенно это значимо в нынешний период переориентации ценностей, когда основной задачей России становится формирование гражданского общества, немыслимого без активного участия населения в общественной жизни и без функционирования общественных объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дорожкин Ю.Н., Шкель С.Н., Котова Е.А. Институционализация гражданского общества в Башкортостане: современные реалии и проблемы // Экономика и управление. 2008. №3.
2. Концепция развития духовно-нравственной культуры и гражданской активности детей, подростков и молодежи «Молодежь – стратегический ресурс Республики Башкортостан» на 2006-2015 годы. - Уфа: Госкомитет РБ по молодежной политике, 2007
3. Министерство молодежной политики, спорта и туризма провело «круглый стол». – URL: sm.prosmash-rb.ru/index.php?ELEMENT_ID=2986 (дата обращения: 23.01.2010)
4. Молодежный вестник Башкортостана. 1996. № 5.
5. Молодежный вестник Башкортостана. 2005. № 2.
6. Молодежь: будущее России / Под. ред. И.М. Ильинского. М., 1995.
7. Нас - более семидесяти тысяч // Действие. 2005. № 41.
8. Смирнов В.А. Молодежные общественно-политические объединения и их отношения с органами местного самоуправления / Автореферат дис... канд. полит. наук. - СПб., 2002.
9. Фатыхов А. Молодежь против «одноруких бандитов» // Уфа. 2007. №1.

A. Kayumova

ROLE OF YOUTH PUBLIC ASSOCIATIONS IN SOLVING REGION SOCIAL YOUTH ISSUES (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC BASHKORTOSTAN)

Abstract. In the article there was regarded activity of bigger and more noticeable youth public associations of the Republic Bashkortostan in tackling such social issues of the region as: assisting population of different levels, social security and providing employment for its members, leisure time as well as causes of insufficient activity in the Republic's public life revealed.

Key words: youth public associations, strategic resources, social issues, student groups, youth parliamentarism.

УДК 37.014

Пещеров В.Г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВХОЖДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО*

Аннотация. Статья посвящена исследованию политической составляющей вхождения Российской системы образования в общеевропейское образовательное пространство. Анализ различных вариантов трансформации и выявление основных тенденций сближения с Общеевропейским образовательным пространством на фоне демократизации и развития рыночной экономики в стране.

Ключевые слова: создание единого пространства, европейское измерение в образовании, концепция европейского измерения, система образования, европейское сообщество.

Процессы европейской интеграции продолжают развиваться в направлении создания единого пространства: географического – без

промежуточных границ и таможен, с единой визовой зоной; политического – с единой конституцией; экономического – с едиными критериями и едиными нормативами. Не могла остаться в стороне от этих процессов и система образования. Сегодня процессы глобализации уже проникли в образовательную сферу, способствуя интеграции национальных образовательных систем. Политический и прагматический аспект создания европейскими странами единого пространства системы высшего образования состоит в повышении конкурентоспособности европейского высшего образования, в стремлении вернуть Европе главенствующие позиции в области развития науки и образования, которые сейчас занимают США. Основным критерием реализации положений Болонской декларации является принцип учета многообразия культур, языков, национальных об-

* © Пещеров В.Г.

разовательных систем, а также принцип университетской автономии.

Процессы развития новой Европы ставят перед образованием задачу подготовки людей, которые будут жить в расширенной системе общеевропейского сотрудничества, интенсивного обмена информацией и продуктами человеческого труда, сотрудничать посредством создания различных совместных сетей, проектов, союзов, объединений и т.д. Появился даже термин «европейское измерение в образовании» [1, 26].

Официально сформулированный курс на «стратегическое партнерство» между Россией и ЕС также оставляет пространство для выбора форм и масштабов будущего образовательного сотрудничества. Оставаясь в рамках «стратегического партнерства» в конкретной области – высшем образовании, предлагаются различные сценарии развития отношений, отражающих уровень интеграции российской системы высшего профессионального образования в ОЕПВО, а также характеристик самого ОЕПВО после 2010 г. по ряду конкретных показателей [2, 31]. Важно отметить, что сценарии не являются взаимоисключающими, но могут дополнять друг друга. Возможно также последовательное развитие от наименее сложных форматов к полномасштабному комплексному формату развития образовательного сотрудничества России и ЕС в рамках реализации «дорожной карты».

Ключевые задачи, решение которых основано на гражданском воспитании и формировании гражданской идентичности, включают обеспечение безопасности российского государства и общества, сохранение государственной независимости России; преодоление мировоззренческого кризиса, преодоление кризиса доверия к государственной власти и возрождение уважения к государству, обществу, семье; отечественному историческому и культурному наследию. Важнейшей составляющей духовной культуры человека является гражданская культура личности, образующая основу современного демократического гражданского общества, опирающегося на культурно-исторические традиции и интегрированного в диалектически взаимосвязанные процессы глобализации, регионализации и локализации социальных сообществ и социальных сетей, которые могут быть образованы как по инициативе институтов государственных управления, так и в результате самоорганизации. Ключевым моментом, «ядром» формирования гражданской культуры является освоение ценностей гражданского общества.

В конце 1993 г. главы государств и правительств Европейского Союза приняли «Белую Книгу: вызовы и пути вхождения в XXI век». В ней дается глубокий анализ существующего положения и

выдвигаются предложения по стратегии решения социально-экономических проблем с помощью образования. Анализ экономической ситуации в Европе показал, что она теряет свои преимущества по сравнению с мировыми конкурентами, что связано с недостатком квалифицированной рабочей силы и несоответствием между предложением и спросом в квалификации. В «Белой Книге» говорится о необходимости глубокой адаптации системы образования и профессиональной подготовки, подтверждается необходимость обеспечения базовой подготовки для молодежи. Глобальная цель – предложить образование и подготовку, которые развиваются на протяжении всей жизни.

В 1999 году 29 государств приняли подготовленную правительствами Британии, Германии, Италии и Франции Болонскую Декларацию, ознаменовавшую вступление Европы в эпоху глубоких и всеобщих преобразований систем образования. Однако политическая составляющая данного процесса преследует далеко идущие цели, включающие в себя, прежде всего, политическую самостоятельность Европы от США и НАТО. В политическом отношении вхождение России в данный процесс может позволить, в перспективе, как упрочить позиции России на мировой арене, так и ослабить стратегические позиции США в Европе, в чем не меньше заинтересованы европейские страны, которые в эпоху холодной войны служили неким «буфером» между двумя великими державами. Этот процесс вполне уместно оценить в историческом плане как беспрецедентно масштабный и глубокий [3, 12].

Существуют предложения по организации подготовки учителей на основе рекомендаций Конференции министров образования о европейском измерении. Они сделаны на основе многочисленных семинаров для учителей и организованных в рамках проекта «Среднее образование для Европы». В этих документах европейское измерение рассматривается не как отдельный или дополнительный элемент учебной программы, предложенный учащимся, а как совокупность модификаций содержания подготовки в целях отражения европейской специфики тенденции развития. При этом речь идет больше о новом способе преподавания, чем о новом содержании. Тип программ, методология и дидактика дисциплин в разных странах требует различного подхода к включению европейского измерения в содержание. Программы становятся менее директивными. Они, в общем, включают список обязательных знаний и акцентируют внимание на целях и компетентностях. В среднем образовании предусматривается возможность относительного выбора дисциплин или той либо иной их части. Отсюда – возможность свободы и творчества для преподавателей, которые могут включать европейские

аспекты в содержание образования. Наиболее легко это сделать в истории, географии, экономике и литературе, то есть рассматривать эпохи, национальные или региональные сообщества, явления, соответствующие европейским реальностям. В первоначальной педагогической подготовке важно научить будущих учителей понимать, какие возможности для творчества они имеют. Многочисленная практика свидетельствует о том, что успех европейских проектов связан с инициативой и самостоятельностью педагогов.

Сложность современного мира, создание информационного общества, быстрота изменений, их непредсказуемость, расширение знаний влияют на развитие европейской концепции общей культуры молодых людей. Согласно этой концепции, современная общая культура характеризуется открытостью и широтой, интегрирует гуманистическую, научную и технологические составляющие. Она является базой для развития индивидуальной идентичности, понимания мира и участия в нем. Современная общая культура – это не просто совокупность знаний, она влияет на поведение, отношение, образ существования в этом мире и включает критические и этические аспекты. В передаче молодому поколению такой ценности, как общая культура, содержание образования, а особенно – способ присвоения знаний, развитие желания учиться играют определяющую роль. Современные знания быстро устаревают в обществе, которое характеризуется мобильностью, обмена, поликультурностью, полилингвизмом. Особенно важными считаются критические и этические составляющие общей культуры для научно-технологического развития. «Просвещенный пользователь» должен иметь базовые естественнонаучные знания, которые помогут видеть положительные и отрицательные стороны научного прогресса. Функциональная научная грамотность необходима для всех. Концепция общей культуры влияет на формулировку целей и задач образования. Приоритетные задачи образования, по мнению европейских педагогов, состоят в следующем: повышение мотивации учащихся и развитие желания учиться в течение всей жизни; научить думать и учиться самостоятельно; научиться жить в постоянно меняющемся мире [4, 9].

Фундаментальная миссия образования согласно принципам Совета Европы – помочь каждому развивать свой потенциал и стать полноправным гражданином европейского сообщества. Образование является для государства и общества национальным приоритетом, что зафиксировано в соответствующих законодательных актах, политических решениях, социальной и экономической поддержке системы образования, повышении статуса учителей и преподавателей и других работников образования. Образование стало не де-

кларируемым, а реальным фактором развития общества и достижения благополучия людей. В этих странах складываются условия для скорейшего развития образовательного общества, которое характеризуется наличием таких ценностей как развитие способностей до максимально возможных пределов с раннего детства и на протяжении всей жизни; ключевой идеей становится то, что образование важно не только как средство индивидуального развития, но как фактор качественного изменения общественной жизни. Сущность современного образования заключается в том, что оно не может ограничиваться рамками традиционных образовательных институтов. Самообразование, неформальное образование, информационные технологии становятся неотъемлемой частью современного образования и образовательного общества. Включить доказанные компоненты в систему образовательного воздействия на население и прежде всего молодое поколение – и есть главная задача государства и общества.

Базовые цели и направления образовательной реформы предусматривают максимально возможное развитие всех способностей и талантов человека. Человек – самоценность образования. Индивидуальное творчество должно стать основой деятельности учащегося. Получение знаний должно уравниваться внутренними целями морального совершенства и гуманного отношения к окружающему миру. Идеальный профиль образованного человека включает такие черты, как совесть, творчество, нравственность и понимание происходящих процессов. По мнению специалистов, образование формирует человека, который имеет самомотивацию наследовать, развивать и передавать культурное национальное наследие следующим поколениям. Именно через образование могут быть сбалансированы три ключевых компонента жизнедеятельности человека: знания, общение и физическое здоровье. Образовательная реформа поможет индивидуализировать образование, которое будет готовить людей, способных развивать государство в международном контексте. От образования в первую очередь ожидается, что оно будет развивать способность адаптироваться в постоянно меняющемся мире, даст людям различного возраста и социального статуса возможность достигать поставленные цели, а в государственном масштабе – придание России способности в перспективе к интеграции в общеевропейское экономическое и социальное пространство.

Основные положения новой экономической политики в отношении образования, сформулированные в последние два десятилетия прошлого столетия, содержат следующие аспекты [5, 26]:

– отказ от принципа остаточного бюджетного финансирования, защищенность статей бюджет-

та на образование, многоканальность финансирования и финансовая самостоятельность учебных заведений;

– переход к децентрализованному управлению расходами, введение налоговых льгот для системы образования и ее инвесторов, введение специального налога на образование и создание целевых фондов.

Образовательная система как основа дальнейших экономических, политических и социальных изменений общества должна претерпеть качественные изменения. Для этого требуются высококвалифицированные преподаватели, разнообразные вариативные программы и методики работы, которые будут отвечать индивидуальным потребностям, а также создана схема получения обратной связи, без чего невозможно улучшить эффективность образования. Образовательная система должна заключать в себе изменчивость, разнообразие, гибкость, и это должно найти отражение в школьной системе управления. Необходимо предоставить максимально возможную степень автономии не только регионам и районам, но и образовательным учреждениям. Местная автономия должна быть институционализирована. Каждая школа, как первейшая ячейка государства по формированию новой политической культуры его граждан, должна поощряться в своем стремлении использовать разнообразные внутренние ресурсы и привлечении различных современных инновационных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Афанасьев Ю. Болонский аршин: русский университет и европейский. О российских перспективах в Болонском процессе. 2006.
2. Вестник представительства ЕС в Российской Федерации № 1. 2007.
3. Жуков В.И. Модернизация высшей школы России в эпоху глобальных перемен. В его кн.: Университетское образование: история, социология, политика. М., 2003. Гл. IV.
4. Интернет: Сайт "Федеральное агентство по образованию" (<http://www.edu.ru>).
5. Ларионова М.В., Мешкова Т.А. Аналитический доклад по высшему образованию / Под ред. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

V. Pesharov

POLITICAL COMPONENT OF OCCURRENCE OF THE RUSSIAN SYSTEM FORMATIONS IN THE ALL-EUROPEAN EDUCATIONAL SPACE

Abstract. Article is devoted research of a political component of occurrence of the Russian education system in the All-European educational space. The analysis of various variants of transformation and revealing of the basic tendencies of rapprochement with the All-European educational space against democratisation and market economy development in the country.

Key words: creation of uniform space, the European measurement in formation, the concept of the European measurement, an education system, the European community.

УДК 327.32

Егоров И.С.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИХ ОТНОШЕНИЙ*

Аннотация. Статья посвящена анализу политико-правовых аспектов межгосударственных отношений России и Беларуси, где основными факторами являются не только интеграция двух славянских народов, военная и экономическая целесообразность, а также силы, которые оказывают противостояние интеграционным процессам. Решение существующих проблем в отношениях двух стран обусловлены как законодательными нормами, так и влиянием современных политических течений в обществе. В то же время перспективы развития российско-белорусских отношений имеют далеко идущие цели, предусматривающие обоюдовыгодное сотрудничество.

Ключевые слова: конституционные основы, российско-белорусские отношения, референдум, политические партии, перспективы развития.

После развала СССР взаимоотношения между Россией и Беларусью неоднократно менялись от позитивного до негативного в силу смены политических настроений как в России, так и в Беларуси. Причины столь частой смены настроений с российской стороны неоднозначны. Очевидно, что это было вызвано как политическими процессами, связанными с разносторонними взаимоотношениями России не только с Беларусью, но и с экономически наиболее развитыми странами мира, так и юридическими проблемами интеграции по предложенным вариантам. Иными

* © Егоров И.С.

словами, политические и юридические причины оказались сплетенными воедино при очевидном верховенстве политических. При этом политическая ориентация к интеграции не менялась, а наоборот, требовала подхода к данной проблеме с точки зрения международного права. Процесс интеграции в любом случае требует существенно-го изменения законодательных баз стран, а, поскольку затрагиваются важнейшие вопросы государственной жизни, то их разрешение возможно только через механизмы, установленные Конституцией [1].

Однако ст. 8, ст. 74 и ст. 112 Конституции Беларуси [6] устанавливают, что проблему объединения в союз двух стран может решить только референдум, а единственным субъектом, который может не только инициировать, но и назначить референдум, является Президент. При этом подавляющее большинство белорусов отрицательно относятся к перспективе присоединения Беларуси к России, если при этом Беларусь потеряет свою независимость (74%) [4]. В этих условиях вероятность выполнения «государственного заказа» на получение на референдуме «нужного» результата достаточно низка, что и является еще одним дополнительным поводом столь резко отрицательного отношения к подобному варианту интеграции.

В России для инициирования процедуры проведения референдума необходимо собрать голоса граждан как минимум в 11 субъектах Федерации, а референдум назначает Президент [2]. Вопросы включения в состав России нового субъекта весьма полно отражены в законодательстве. Так, в соответствии со ст. 65 Конституции, принятие нового субъекта в состав Федерации осуществляется на основе федерального конституционного закона [7]. При этом, в соответствии с договором, иностранному государству может предоставляться статус республики, края или области [3]. Таким образом, принятие в состав России нового субъекта требует только подтверждения Конституционным судом соответствия международного договора Конституции Российской Федерации и рутинного процесса его ратификации. Внесение изменений в статью 65 Конституции (включение в список субъектов Федерации нового субъекта) не требует никаких дополнительных процедур, они включаются в Конституцию при новом издании ее текста.

Вариант надгосударственного образования по типу Евросоюза представляется наиболее простым и приемлемым для обеих договаривающихся сторон. Необходимо отметить особую популярность данного варианта среди белорусов: более 48,5% поддерживают именно этот вариант объединения. Соответствующие конституции (ст.

8 Конституции Беларуси и ст. 79 Конституции России) разрешают участие в межгосударственных образованиях, причем Конституция России прямо говорит о возможности передачи межгосударственному образованию части полномочий, если эта передача не влечет ограничения прав и свобод человека и не противоречит основам Конституционного строя [5].

Однако понятие «объединение по типу Евросоюза» [8] весьма расплывчато и неконкретно. Представляется, что при таком типе объединения потребуются далеко идущая унификация законодательства, которая предшествует вступлению государств в единую Европу.

Намерение создать новое государство по типу СССР, в котором Россия и Беларусь сохраняют лишь ограниченные права, чревато серьезными международными последствиями, связанными с признанием (или непризнанием) государств-учредителей в качестве самостоятельных членов мирового сообщества. Очевидно также, что руководители государств-учредителей, создав Союзное Государство, существенно понизят свой статус. Соответственно, при окончательной редакции Конституционного акта со всей остротой встанет уже предлагаемое в ряде вариантов введение поста Президента Союзного Государства. Более реальным представляется получение практически того же результата при использовании принципов формирования Евросоюза. Хотя представляется, что иного пути сближения государств, чем на апробированных международных (европейских) принципах, не существует.

Сегодня существует много различных точек зрения на то, как должен проходить процесс интеграции и к какому результату он должен привести. Одна из наиболее популярных позиций в Беларуси включает возможность полного сохранения суверенитета как России, так и Беларуси при создании Союза. Но весь ход развития интеграционных процессов в мире утверждает, что такая идеалистическая картина совершенно непродуктивна. На сегодняшний день невозможно привести ни одного примера такого государственного союза или, точнее, «союза государств», который отличался бы достаточно длительным и эффективным существованием. Более распространенные и уже получившие в политико-правовой сфере относительно точное научное определение *конфедерации* всегда отличались крайней неустойчивостью. Само их создание было подчинено решению конкретных проблем, и по мере разрешения сложных ситуаций необходимость конфедерации исчезала. Таким образом, можно отметить узкопрагматический характер такого государственного образования. Напротив, в основных документах Союзного Государства подчеркивается необходимость со-

здания и всестороннего укрепления единого государства.

Обоим государствам придется поступиться частью своего суверенитета – в противном случае глубокая интеграция просто невозможна. Конечно, независимость Беларуси как меньшего партнера пострадает в большей степени, но определенные уступки придется сделать и России. На данном этапе переговорного процесса необходимо понимание того, что создание Союзного Государства не должно превратиться в торг: какая сторона получит больше преимуществ или больше потеряет. Нужно определить степень взаимозависимости, которая необходима для создания устойчивой модели, и выработать превентивную систему (правовую, экономическую), способную защитить достигнутые договоренности от конъюнктурных, сиюминутных решений отдельных политических сил. Политический проект такого масштаба должен быть рассчитан на длительную перспективу, а основным участникам необходимо проявить политическую волю и отказаться от ориентации на одни лишь текущие проблемы [5].

В данной ситуации, прежде всего, необходимо правильное понимание суверенности в условиях начавшегося процесса формирования Союзного Государства. Очевидно, что для создания любого жизнеспособного долгосрочного объединения необходима передача части национальных полномочий союзным наднациональным органам. В этом нет никакого ущемления суверенитета, так как процесс является сугубо добровольным, принятие решений происходит без внешнего давления на основе договоренности и в общих интересах. Противопоставление идеи объединения, интеграции двух стран их суверенитету, независимости не способствует продуктивному строительству Союзного Государства, а превращает сам процесс в неприглядный торг привилегиями и полномочиями между правящими элитами двух стран, что, в свою очередь, дискредитирует саму идею объединения и ставит под сомнение необходимость ее реализации.

И сторонники, и противники интеграции активно используют все возможные методы как для стимулирования интеграции, так и для противодействия ей. Основная сфера, на примере которой в данной работе исследуется отношение различных политических группировок России к интеграции, – информационная. Субъекты политики действуют на этом поле в том же направлении, что и на других – экономическом, культурном, военном и т.д. При этом отношение к интеграции, как уже отмечалось выше, во многом зависит от приближения времени выборов.

Наряду с объективными трудностями на пути интеграции, существует комплекс проти-

воречий, отражающих несовпадение интересов правящих элит. Внешним проявлением такого несовпадения было, в частности, неоднократное изменение внешнеполитических приоритетов России. Результаты таких колебаний для нее оказались весьма невыгодны (потеря прежних позиций в некоторых регионах мира, прежде всего, ослабление позиции на постсоветском пространстве). В российском обществе и в научной среде существует понимание этого. Однако невыгодность для России как государства и для политических кланов – далеко не одно и то же.

Оценивая современный этап российско-белорусского интеграционного процесса, есть все основания характеризовать его как кризисный, при котором вследствие ряда ошибок, допущенных как российской, так и белорусской сторонами, экономическая и политическая целесообразность объединения подвергается все большему сомнению. Тем не менее, несмотря на все просчеты и сложности при реализации Договора о создании Союзного Государства, дальнейшее движение в сторону интеграции обеих государств не исключено. Определенную положительную роль в этом может сыграть уже сложившаяся структура органов Союза, особенно в области обороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Протьюко Т.С. Пути и перспективы образования Союза России и Белоруссии // Советская Белоруссия. 23 апреля 2002.
2. Рябчук Ю. В евразийском контексте белорусская элита не готова к более тесному союзу, опасаясь утраты собственного статуса // Независимая газета. 24 июня 2003.
3. Шишков Ю. В. Интеграция и дезинтеграция: корректировка концепции // МЭиМО. №10. 1993.
4. Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. – М.: НП тысячелетие, 2001.
5. Шлындиков В.М. Беларусь: хроника экономического кризиса. – М., 1999.
6. Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.
7. Конституция РФ принятая 12.12.1993 г.
8. Маастрихтский договор от 7.02.1992 г.
9. Закон Республики Беларусь "О политических партиях" от 24.09 2004 г.

I. Egorov

POLITIKO-LEGAL ASPECTS OF THE RUSSIAN-BELARUS RELATIONS

Abstract. Article is devoted the analysis of politico-legal aspects of interstate relations of Russia and Belarus where major factors are not only integration of two slavic people, military and economic feasibility, and also forces which render opposition to integration processes. The decision of existing problems in

relations of two countries are caused, both legislative norms, and influence of modern political trends in a society. At the same time prospects of development of the Russian-Belarus relations have the far-reaching

purposes providing mutually beneficial cooperation.

Key words: the Constitutional bases, the Russian-Belarus relations, a referendum, political parties, development prospects.

УДК 342.9.07:32

Абрамов А.В.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТА ОБЩЕСТВА: ДИСКУССИИ И ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с определением роли государственных служащих в политике и выявлением их места в политической структуре общества. По мнению автора, государственные служащие (чиновники, бюрократы) оказывают существенное влияние на процесс принятия властно-управленческих решений и потому могут считаться политической стратой общества.

Ключевые слова: государственные служащие, бюрократия, политическая стратификация.

Объем властно-управленческих полномочий является основанием для дифференциации личностей и социальных групп в политике. Если, вслед за Т. Парсонсом, представить, что власть подобна деньгам (9, с.31-32), становится очевидно, что в любом социуме есть весьма «богатые» индивиды, имеются люди со «средним достатком» и, наконец, нищие, в кармане которых позвякивает всего несколько монет, да и то не всегда. Таким образом, в обществе можно выделить несколько иерархически расположенных социальных слоев (страт), состоящих из индивидов, имеющих разный доступ к власти и управлению. Процесс и результат такого расслоения можно определить как политическую стратификацию.

Высшей стратой общества является политическая элита. Ступенью ниже расположены государственные служащие, играющие важную роль во властно-управленческом процессе. Однако изучение госслужащих как политической страты вызывает определенные сложности в силу ряда нерешенных проблем.

Прежде всего, возникает сложность с разграничением понятий. Обычно в качестве синонимов исследователи используют такие категории «госслужащие», «чиновники» и «бюрократия».

По нашему мнению, синонимичными понятиями являются «государственные служащие», или «чиновники», – это профессионалы-госуп-

равленцы или, как выразился американский социолог П. Мотт, «специалисты, организованные в иерархически в границах, – чем выше ступень, тем больше власть» (5, с.42). Госслужащие занимают особым видом деятельности – исполнением государственных функций или «государственной службой». Проще говоря, госслужащие – это люди, а государственная служба – их род деятельности.

Третье из вышеназванных понятий – «бюрократия» – является наиболее широким. Это слово представляет собой лексическую конструкцию, искусственно составленную из двух разноязычных понятий «бюро» (от франц. bureau – конторка, служебный стол) и «кратия» (от греч. kratos – власть) и имеет множество трактовок: а) рациональная, деперсонализированная и эффективная система государственного управления, б) госслужащие как социальный слой, в) канцелярская волокита. Если отбросить последнее определение, являющееся простонародной «фигурой речи», то понятие «бюрократия» используют, и для обозначения государственной службы, и для обозначения госслужащих. Чтобы избежать смешения людей с их деятельностью, правильнее было бы для обозначения чиновников использовать слово «бюрократы», а термин «бюрократия» применять для характеристики государственной службы.

Принципиально важным вопросом, связанным с характеристикой госслужащих как особой страты общества, является определение их роли в публичной политике. Следует отметить, что имеются разные точки зрения на эту проблему.

Первая точка зрения восходит к работам американского юриста Вудро Вильсона и немецкого социолога Макса Вебера и заключается в том, что функции у политиков и чиновников различны: первые – принимают решения, вторые – их реализовывают. Таким образом, государственные служащие являются лишь инструментом в руках политической элиты, исполнителями решений, принимаемых руководством страны.

Эту позицию В. Вильсон изложил в статье

* © Абрамов А.В.

«Исследование администрирования» (1887), где обосновывал тезис о различии в государственном управлении двух видов деятельности: политической и административной. Соответственно, предлагалось различать политиков-лидеров и администраторов-бюрократов (19).

Сходными были и воззрения М. Вебера. «Превращение политики в «предприятие», которому требуются навыки в борьбе за власть и знание ее методов, созданных современной партийной системой, – писал ученый, – обусловило разделение общественных функционеров на две категории, разделенные отнюдь не жестко, но достаточно четко: с одной стороны, чиновники-специалисты, с другой – «политические» чиновники» (2, с.661). «Политические чиновники» тесно связаны с судьбой парламентского большинства и могут быть смещены после выборов; «чиновники-специалисты» как необходимый элемент процесса управления подвержены политической конъюнктуре в гораздо меньшей степени.

Позиция М. Вебера становится более понятной, если рассмотреть ее в более широком контексте, в связи с веберовской моделью «рациональной бюрократии». Считая современность эпохой торжества рациональности, М. Вебер характеризовал современное государственное управление, прежде всего, как организованное на разумных началах. В отличие от патримониальной госслужбы традиционного социума, для современного управления (в качестве синонима современного управления М. Вебер использовал термин «бюрократия») характерны:

- строгое разделение обязанностей между членами организации, что дает возможность использовать высококвалифицированных специалистов на руководящих должностях;
- строгая иерархизация власти, позволяющая вышестоящему должностному лицу осуществлять контроль за выполнением задания нижестоящими сотрудниками и т. д.;
- формальноустановленная и четко зафиксированная система правил, обеспечивающих единообразие управленческой деятельности;
- безличность административной деятельности и эмоциональная нейтральность отношений, складывающихся между функционерами организации, где каждый из них выступает не как индивид, а как носитель социальной власти, представитель определенной должности
- денежное вознаграждение чиновников за службу и пр. (4, с.47).

Таким образом, современные государственные служащие видятся М. Веберу компонентами сложного механизма рационального управления обществом, и потому не имеют права на функциональную самостоятельность вне тех рамок, кото-

рые заданы системой управления в целом. Иначе говоря, чиновники являются всего лишь исполнителями решений политической элиты в силу рационального разделения труда в обществе, где руководителям предписано только определять направления политического курса, а госслужащим – только их реализовывать.

У концепции Вильсона-Вебера немело противников и сегодня. Современная версия такого подхода содержится, например, в книге Джефри Прессмана и Аарона Вильдавски «Реализация», описывающей выполнение программы занятости в Окленде (12). Считает чиновников послушным орудием в руках политической элиты и французский исследователь Р. Драго. «Цели администрации никогда не бывают первичны, – отмечает, ученый, – они всегда вторичны и состоят в выполнении заданий, порученных ей основополагающими государственными органами. Таким образом, администрация всегда предстает как совокупность средств, позволяющих осуществлять решения политической власти» (6, с.5).

Но на рубеже 1970-1980-х гг. взгляд на чиновников как на послушных исполнителей воли элиты был подвергнут резкой критике как весьма упрощенный. Критики (Ч. Линдблом, М. Липски, Б. Хьерн, Р. Элмор и др.) отмечали, что бюрократы являются активными участниками политического процесса: они часто привлекаются к процессу выработки решений в качестве экспертов, а также могут «корректировать» принятые решения в процессе их осуществления. Нежелание аппаратчиков реализовывать какие-либо начинания могут погубить политическую карьеру даже весьма популярного лидера.

Таким образом, делал, например, вывод Чарльз Линдблом, «бюрократы выступают в качестве активных участников процесса принятия решений, поскольку административные органы обычно модифицируют и даже устанавливают ту или иную политику в ходе попыток ее внедрения в жизнь, причем нередко бывает, что сами же выборные политики поручают исполнительным органам вырабатывать политический курс». В результате «принятие политических решений в значительной степени находится в руках чиновников, за исключением лишь нескольких сфер, когда решения вырабатываются другими людьми» (17, р.59).

Еще решительнее высказался американский политолог Майкл Липски. По его мнению, политический курс эффективно «вырабатывается» теми людьми, которые его осуществляют в реальности, то есть судьба решения зависит, прежде всего, от его внедрения в жизнь со стороны чиновников – «низовой» или «уличной» бюрократии» (7, с.527-529).

По мнению современных исследователей,

участие госслужащих в принятии политических решений в частности выражается:

- в выработке административными учреждениями собственных ведомственных норм;
- в информационно-аналитическом обеспечении процесса принятия политических решений;
- в использовании профессиональных знаний как ресурса власти;
- в использовании власти, делегируемой аппарату «политическими назначенцами»;
- в прямом участии госслужащего высшего эшелона в принятии решений;
- в самостоятельной интерпретации госслужащим законодательных актов и политических решений и др. (13, с.18).

Определение чиновников как политических акторов может быть понято в контексте критики веберианской теории «рациональной бюрократии», развернувшейся в середине XX столетия.

Особая заслуга в утверждении новой «реалистической модели» принадлежит американскому социологу Роберту Мертону, применившему к изучению бюрократии понятие дисфункции (негативной функции). По мнению Р. Мертона, чиновники стремятся превратить средства организации (иерархия власти, строгая дисциплина, следование правилам) в цель (8).

Эта мысль нашла дальнейшее выражение в работах леворадикального социолога Алвина Гоулднера, пришедшего к выводу о существовании двух типов бюрократии: представительной, власть которой опирается на знание и умение, а сам аппарат служит обществу; и авторитарной – действующей в собственных интересах, стремящейся подчинить себе общество, применяя наказания для упрочения своей власти. Современное западное общество А. Гоулднер характеризовал как авторитарное (4, с.47).

Удивительно, но к сходным выводам пришли и сторонники прямо противоположных, чем А. Гоулднер, политических взглядов – «новые правые». Результатом их изысканий стало применение к бюрократии основных положений теории «рационального выбора». Центральной мыслью книги «Политика бюрократии» Гордона Таллока стала мысль о том, что бюрократы стремятся к максимизации своей выгоды, поэтому их деятельность направлена не на благо общества, а на повышение собственных зарплат и привилегий, на удовлетворение личных амбиций. К сходным выводам пришел и Уильяма Нисканен в работе «Бюрократия и представительное правление». К сходным выводам пришел в своей работе «Бюрократия изнутри» Энтони Даунс. Проповедуя либеральные принципы, сторонники теории «рационального выбора» выступили за уменьшение роли государства, а

значит и за радикальное сокращение чиновничества (10, с.141-142).

Противоречие между сторонниками «рациональной» и «реалистичной» моделями бюрократии некоторые исследователи попытались снять в рамках интегральных концепций.

С такой теорией бюрократии выступил, например, израильский социолог Шмуэль Эйзенштадт. Ученый, как и М. Вебер, связал типы бюрократии и типы обществ. Впрочем, наряду с традиционным и современным (модерным) обществом, ученый выделил еще один тип общества: переходное или транзитное. Для каждого из этих типов обществ, по мнению Ш. Эйзенштадта, характерны различные типы бюрократии.

Традиционная («бюрократия, ориентированная на правительство») характеризуется бесправием чиновника перед политической властью (часто компенсируется его же произволом в отношении общества); отсутствием какой бы то ни было корпоративности, внутренней автономии, гарантий карьеры; чиновник выступает в качестве личного слуги правителей и государства, ими персонифицируемого.

Модернизационная («бюрократия, ориентированная на общество») характеризуется правовой и социальной защищенностью госслужащих, их организационной автономией (что гарантирует своевременное продвижение по службе), развитостью корпоративного духа; относительная независимость от политики сочетается с подчиненностью правительству (в том числе посредством контроля за бюджетом государственных учреждений), демократическим контролем «снизу».

Транзиторная («бюрократия, ориентированная на саму себя») характеризуется политико-правовой бесконтрольностью чиновника, уже вышедшего из-под надзора авторитарного государства, но еще не контролируемого сильным гражданским обществом и демократическим государством; высшие должностные лица действуют в своих личных интересах; рекрутирование носит семейственный характер, государственная служба рассматривается как синекура (необременительная работа); в управлении доминируют формализм и чиновничий ритуал (15, р.130-131).

Как видно, концепция Ш. Эйзенштадта представляет собой синтез теории М. Вебера и взглядов его противников.

Как своеобразный компромисс в споре сторонников и противников идеи о госслужащих как политических акторах выглядит концепция американского политолога Фреда Риггса. Исследователь даже составил типологию чиновников в зависимости от их политизации и партийной ориентации. Под политизацией ученый понимал ориентацию бюрократов на самостоятельное ре-

**Типы чиновников в зависимости от степени
их партийности и политизированности**

		Степень политизированности	
		высокая	низкая
Степень партийности	высокая	Партийные и политизированные (Гана при К. Нкруме)	Партийные и неполитизированные (Израиль)
	низкая	Непартийные и политизированные (Таиланд)	Непартийные и неполитизированные (Великобритания)

шение политических проблем, их независимость от решений высших органов государственной власти; под партийной ориентацией – взаимосвязь чиновника с политической партией, которая рекрутировала его в государственный аппарат, и мнение которой бюрократ вынужден учитывать при принятии решений.

Комбинация уровней партийной ориентации и политизации позволила Ф. Риггсу выделить четыре типа чиновников (см.: таблицу) (18, р.260).

Как видно из таблицы, степень участия чиновников в выработке политического курса может варьироваться от неучастия в принятии политических решений до наивысшей точки политической активности.

Другую попытку обобщить результаты дискуссии и сформулировать интегративную теорию взаимоотношения политиков и бюрократов предприняли в 1981 г. политологи Дж. Эбербах, Р. Патнем и Б. Роккман. По их мнению, возможны следующие варианты такого соотношения:

1) политики принимают решения, а чиновники их выполняют. Это веберовская модель, которая идеальна и идеалистична;

2) политики и чиновники совместно разрабатывают и принимают решения, выполняя различные функции: политики придают решениям четкую идеологическую направленность, а бюрократы выступают нейтральными экспертами. Такая модель реальна для большинства демократических стран, но политика постепенно профессионализируется, а бюрократы часто выступают как выразители определенных групповых интересов;

3) политики и чиновники участвуют в принятии решений: политики агрегируют разрозненные общественные интересы, а бюрократы – интересы организованных клиентов. Это «конвергирующая» (сближающая) модель;

4) в будущем возможно разница между роля-

ми политика и бюрократа исчезнет. Это приведет к формированию новой «гибридной» модели (14).

Как видно, дискуссия далека от своего разрешения. Очевидно одно, характеризуя современное общество с позиции иерархии социальных слоев, выделенных по властно-управленческому принципу, мы не можем игнорировать страту государственных служащих.

Вне зависимости от своего отношения к государственным служащим (бюрократам), исследователи сходятся в том, что без них невозможно осуществление политической власти и функционирование политической системы. Как пишет Я. Коханович, «подобно флагу, национальному гимну, военной униформе или Президентской резиденции, она (бюрократия. – А.А.) является символом, через который государство - и вся нация - воспринимаются. Граждане, которые должны общаться с неэффективными или коррумпированными чиновниками, не будут уважать государство, и тогда связи, соединяющие общество воедино, ослабнут» (16, р. 202).

Сказанное выше как нельзя лучше подходит к России, современное состояние которой можно охарактеризовать как демократический транзит (переход). В этой связи замечания Ш. Эйзенштадта о транзитной бюрократии, уже неподконтрольной правителю, но еще неподконтрольной гражданскому обществу, и потому действующей самостоятельно, – звучат весьма актуально.

Выйдя из-под опеки советских партийных лидеров российские государственные служащие так и не стали настоящими слугами народа. Неконтролируемые ни политической элитой, ни гражданским обществом отечественные бюрократы превратились в корпорацию, живущую для самих себя.

Полученный вывод подтверждают и данные состоявшегося в 2002 г. социологического опроса

государственных служащих. Отвечая на вопрос о выполняемой роли на работе в органах власти, 38,2 % бюрократов назвали себя «слугами государства», 30,6% – «слугами» руководителей органов власти или подразделений, 14,4 % – «слугами народа» и 11 % отметили, что служат самим себе (3).

Заметим, что российские чиновники не ставят знак равенства между народом и государством, очевидно, подразумевая под последним не совокупность граждан, а установившийся комфортный для чиновничества порядок существования. Таким образом, почти половина госслужащих (38,2 % «служителей государства» и 11 % «служителей самих себе») склонна отстаивать не интересы общества, а собственные корпоративные интересы.

При этом, социологи отмечают следующую тенденцию: к типу чиновников, «служащих самим себе» относятся служащие не только низших, но и средних и верхних этажей власти. При этом, чем моложе государственные служащие, чем меньше стаж их работы в госорганах, тем чаще они склонны игнорировать обязательные для госслужащего нормы нравственности (1).

На то, что государственные служащие отстаивают не интересы государства, а свои собственные обратил внимание и Президент страны Д.А. Медведев. «...Государственная бюрократия по-прежнему, как и 20 лет назад - руководствуется все тем же недоверием к свободному человеку, к свободной деятельности. Эта логика подталкивает её к опасным выводам и опасным действиям. – заявил Президент в своем Послании Федеральному Собранию. – Бюрократия периодически «кошмарит» бизнес - чтобы не сделал чего-то не так. Берет под контроль средства массовой информации - чтобы не сказали чего-то не так. Вмешивается в избирательный процесс - чтобы не избрали кого-нибудь не того. Давит на суды - чтобы не приговорили к чему-нибудь не тому. И так далее.

В результате, государственный аппарат у нас в стране - это и самый большой работодатель, самый активный издатель, самый лучший продюсер, сам себе суд, сам себе партия и сам себе в конечном счете народ. Такая система - абсолютно неэффективна и создаёт только одно - коррупцию. Она порождает массовый правовой нигилизм, она вступает в противоречие с Конституцией, тормозит развитие институтов инновационной экономики и демократии.

Сильное государство и всесильная бюрократия - это не одно и то же. Первое нужно гражданскому обществу как инструмент развития и поддержания порядка. Для защиты и укрепления демократических институтов. Вторая - смертельно опасна для него» (11).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бойков В., Малышев М. Этика и культура государственных служащих. – URL: <http://www.ptmuc.ru/jornal/number2/bojkov.htm> (дата обращения: 20.12.2009)
2. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С.661.
3. Государственная служба: взгляд изнутри и извне (Социологический анализ). – http://www.rags.ru/s_center/opros/01.2003/01_2003.shtm
4. Давыдов Ю.Н., Фомина В.Н. Бюрократии теории // Современная западная социология. Словарь. – М., 1990.
5. Дмитриев А. Политическая социология США. Очерки. – Л., 1971.
6. Драго Р. Административная наука / Пер. с фр. – М., 1982.
7. Липски М. «Уличный» уровень бюрократической системы управления: важнейшая роль чиновников данного уровня // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Д. Шафритца и А. Хайда. – м., 2003.
8. Мертон Р. Бюрократическая структура и индивидуальность // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Д. Шафритца и А. Хайда. – м., 2003.
9. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1998.
10. Политология / Отв. Ред. В.С. Комаровский. – М., 2002.
11. Послание Президента Российской Федерации Д.А. Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. – URL: <http://www.rg.ru/2008/11/05/poslanie-kremlin.html> (дата обращения: 15.01.2010)
12. Прессман Дж. Л., Вильдавский А. Реализация программы // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Д. Шафритца и А. Хайда. – м., 2003.
13. Чернявская Ю.В. Модификация политической роли государственной бюрократии в современном обществе: сравнительно-политологический анализ / Автореферат дисс... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2003.
14. Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. – Harvard, 1981.
15. Eisenstadt S. Les problemes du bureaucratie naissante dans les regions en developpement // Hoselitz B.F., Moore W.E. Industrialisatijn et societe. – Mouton, 1963.
16. Kochanowicz J. Reforming Weak States and Deficient Bureaucracies. In: Intricate Links: Democratization and Market Reforms in Latin America and Eastern Europe. – Washington DC, ODC, 1994.
17. Lindblom Ch., Woodhouse E. The Policy-Making Process. Upper Sadle River, 1993.
18. Riggs W.F. The structure of government and administrative reform // Political and administrative developpement / Braibanti R (ed.). – L., 1969.
19. Wilson W. The Study of Administration // Political Science Quarterly. – 1987. – № 2.

A. Abramov

THE CIVIL OFFICERS AS POLITICAL group of the SOCIETY: CONTROVERSIES And PROBLEMS

Abstract. In the article the problems, bound with definition of a role of the civil officers in policy and detection of their place in a political structure of society are reviewed. In opinion of the writer, civil of-

ficers (officials, the bureaucrats) render essential influencing on process of acceptance of the imperious - administrative solutions and consequently can be considered political group of the society.

Key words: the civil officers, bureaucracy, political stratification.

УДК 374.32

Ахвледуани Н.Р.

ПРОГРАММЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Аннотация. На сегодняшний день, понимая актуальность обеспечения молодежи социальными гарантиями и возможностями для реализации своего потенциала, большинство субъектов Российской Федерации, не дожидаясь принятия федерального закона, уже приняли свои законы о поддержке молодых людей. Из всех субъектов Российской Федерации только в девяти отсутствуют законы о молодежной политике. При этом следует отметить, что, данные программы призваны способствовать эффективному вовлечению молодежи в общий процесс социально-экономического, политического и культурного развития, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества и к другим народам проживающих на территории России.

Ключевые слова: молодежь, регион, государственная политика, молодежная политика, закон, программа патриотического воспитания.

Молодежь России – это социальный слой общества, который, с одной стороны, является самой активной частью общества, способной реально содействовать социально-экономическому и духовному развитию страны, а, с другой стороны, наиболее уязвимой социальной группой населения. Наследуя уже достигнутый уровень развития общества и государства, молодежь формирует и образ его будущего. Однако, не имея реальных возможностей реализовать свою социальную активность, молодежь зачастую оказывается на периферии социально-политических процессов, что создает у молодых людей чувство ущемленности. Это во многом связано с тем, что в настоящее время практически отсутствует законодательная база для участия молодежи в общественно-политической жизни страны.

Понимая актуальность обеспечения молодежи социальными гарантиями и возможностями для реализации своего потенциала, большинство субъектов Российской Федерации, не дожидаясь принятия федерального закона, уже приняли свои законы о поддержке молодых людей. Из всех субъектов Российской Федерации только в девяти отсутствуют законы о молодежной политике [9]. При этом следует отметить, что в четырех субъектах Российской Федерации из этих девяти действуют точечные законы, касающиеся, молодых граждан или приняты региональные программы, направленные на поддержку молодежи.

Перечислим несколько субъектов Российской Федерации, которые активно занимаются реализацией молодежной политики. Например, в **Кировской области**, в 2007 году была принята Концепция развития молодежного самоуправления в городе Кирове. Молодежное самоуправление это процесс участия молодых граждан в вопросах организации и реализации мероприятий общественной молодежной политики. Концепция ставит целью создание дополнительных общественных и административных условий для развития молодежного самоуправления в городе.

При этом, задачами Концепции являются: развитие взаимодействия между муниципальными органами по работе с молодежью и общественными объединениями; формирование условий для конструктивного диалога между муниципальными органами по работе с молодежью и общественными молодежными организациями и объединениями; развитие условий для синтеза государственных заказов и общественных потребностей в сфере молодежной политики в городе Кирове [10].

Администрация города **Южно-Сахалинска** разработала Комплексную целевую программу «Воспитание гражданина и патриота» до 2010

* © Ахвледуани Н.Р.

года. Цель программы: создание организационных, информационных, экономических, кадровых условий для патриотического воспитания учащихся школ и воспитанников дошкольных образовательных учреждений.

Задачи данной программы:

- создание системы патриотического воспитания детей;
- обновление и углубление форм и методов гражданско-патриотического воспитания подрастающего поколения;
- обеспечение высокого уровня профессиональной подготовки педагогических кадров;
- формирование уважения к традициям и символам государства, области, города;
- поддержка деятельности детских общественных организаций и объединений.

Закон **Воронежской области** «О молодежи и молодежной политике в Воронежской области» отражает отношение общества Воронежской области к молодежи. Призвана способствовать развитию, эффективному вовлечению данной группы в общий процесс социально-экономического развития, обеспечить социально-экономическое, политическое и культурное развитие Воронежской области, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека [11].

Цель проекта: создания условий и гарантий для самореализации личности и повышения качества жизни молодежи на территории Воронежской области. **Задачи следующие:**

- создание условий для интеллектуального развития молодежи и творческой самореализации ее инновационного потенциала;
- формирование культуры здорового образа жизни, в том числе содействие экологическому воспитанию;
- содействие гражданскому, в том числе патриотическому воспитанию, формирование активной жизненной позиции и вовлечение молодежи в общественно-политическую деятельность;
- развитие самоорганизации детей и молодежи, поддержка детских и молодежных объединений, детского и молодежного общественно-го движения;
- формирование трудовой культуры молодежи, содействие социальной адаптации и повышению конкурентоспособности молодежи на рынке труда, занятости и профориентации, поддержка молодежного предпринимательства;
- социальная поддержка, укрепление института молодой семьи, содействие в решении жилищных проблем молодых граждан.

Для достижения максимальных результатов органы государственной власти Воронежской

области осуществляют региональные и межмуниципальные программы и мероприятия по работе с детьми и молодежью, участвуют в реализации международных и федеральных программ, проектов и мероприятий в сфере молодежной политики; разрабатывают и реализуют механизмы социализации, поддержки молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации на территории Воронежской области, а также, осуществляют меры по нравственному, патриотическому и гражданскому воспитанию; оказывают поддержку талантливой молодежи их доступа к системе профессионального образования; пропагандируют здоровый образ жизни, развитие молодежного туризма, детских оздоровительных лагерей, баз отдыха, спортивных лагерей, гражданско-патриотических клубов и кружков, экстремальных видов спорта и так далее.

Эффективная государственная молодежная политика в **Самарской области** - один из важнейших инструментов развития губернии, роста благосостояния ее граждан и совершенствования общественных отношений. Стратегия государственной молодежной политики в Самарской области на 2006 – 2015 годы разработана в развитие Концепции молодежной политики в Самарской области на 2002 – 2005 годы. **Цель молодежной политики** это обеспечить решение важнейших задач социально-экономического развития области, целенаправленное воспитание самостоятельной, идейной, ответственной молодежи и ее подготовка к жизни в демократическом обществе [12].

Программа призвана реализовывать следующие **приоритеты:**

- ❖ информирование молодежи о потенциальных возможностях развития молодежи Самарской области и вовлечение её в социальную практику;
- ❖ развитие инновационной активности молодежи;
- ❖ интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества.

Программа патриотического воспитания молодежи в Самарской области предполагает: развитие систем информирования и программ социального просвещения по всему спектру вопросов жизни молодежи в обществе (здоровье, образование, жилье, досуг, труд, карьера, общественная и личная жизнь, семья, международные отношения и жизнь молодежи в других странах и т.д.); реализацию молодежных информационных проектов и программ; пропаганду ценностей российского общества средствами социальной рекламы; создание равных условий для получения информации молодежью, проживающей в сельских и удаленных районах; поддержку молодежных инициатив,

направленных на улучшение качества жизни в российском обществе; поддержку проектов, направленных на обеспечение жильем молодых семей, а также, развитие сети молодежных клубов, центров, иных доступных для молодежи мест проведения досуга; вовлечение молодежи в деятельность трудовых отрядов, объединений; развитие взаимодействия субъектов рынка труда в решении вопросов трудоустройства молодых людей.

В **Астраханской области** реализация молодежной политики осуществляется в соответствии положением об агентстве по делам молодежи Астраханской области, федеральными законами «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», отраслевой целевой программой «Молодежь Астраханской области» на 2006-2009 годы, включающей в себя подпрограммы «Государственная поддержка молодежи Астраханской области в 2006-2009 годах», и «Обеспечение жильем молодых семей в Астраханской области в 2006-2009 годах», а также областной целевой программой «Организация отдыха и оздоровления детей, подростков и молодежи Астраханской области на 2004-2006 годы».

Цель деятельности агентства по делам молодежи Астраханской области - укрепление статуса молодежи посредством создания правовых, экономических, политических, социальных условий для социального становления, самореализации и участия молодых граждан в общественной деятельности, ресурсное обеспечение этих условий, создание гарантий для социальной защищенности, реализация общественно значимых инициатив молодежи. Декламируются следующие задачи [13]:

- ✓ информационное обеспечение молодежной политики, молодежное развитие информационных проектов и программ;

- ✓ развитие студенческого самоуправления, выявление и продвижение талантливой молодежи и продуктов ее инновационной деятельности;

- ✓ поддержка самореализации молодежи в экономической деятельности, оказание содействия в повышении конкурентоспособности молодежи на рынке труда, занятости и профориентации молодежи, вовлечение молодежи в деятельность трудовых отрядов и объединений;

- ✓ поддержка групп молодежи, испытывающих трудности, включение молодежи с ограниченными возможностями в единое социально-экономическое пространство, общественно-политическую и культурную жизнь. Развитие в обществе толерантного отношения и готовности молодежи помочь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

- ✓ пропаганда ценностей российского общества (здоровье, труд, семья);

- ✓ развитие молодежных клубов и доступных мест проведения досуга;

- ✓ формирование в молодежной среде гражданско-патриотического отношения к Родине, уважение к ее истории, культуре, традициям, повышения духовно - нравственного потенциала;

- ✓ содействие в решении жилищных проблем молодых семей.

12 сентября 2008 года Законодательное собрание **Свердловской области** презентовала Программу «Молодежь Свердловской области» рассчитанную на 3 года и с объемом финансирования порядка 230 млн. рублей [14]. В программе определены основные мероприятия, которые соответствуют приоритетам развития молодежной политики:

1. обеспечение широкого информирования молодых граждан о потенциальных возможностях их развития и применения потенциала;

2. создание благоприятных условий для достижения молодой семьей уровня благополучия;

3. создание условий для привлечения молодежи к участию в общественной и общественно-политической жизни, в деятельность органов самоуправления в различных сферах жизни общества для формирования правового сознания и гражданской культуры;

4. создание системы, обеспечивающей интеграцию талантливых молодых граждан в экономическую сферу жизни области, инновационную и научную деятельность;

5. вовлечение молодежи в мероприятия по патриотическому воспитанию и формированию здорового образа жизни.

Основные задачи программы:

- формирование и продвижение образа успешного молодого гражданина;

- повышение уровня информированности, пропаганда семейных ценностей среди молодежи и пропаганду мероприятий формирующих здоровый образ жизни;

- реализация программ и мероприятий, направленных на активизацию участия молодежи в общественной и общественно-политической деятельности, поддержка форм молодежного самоуправления;

- создание системы выявления и развития талантливых молодых людей;

- создание и распространение эффективных моделей и форм участия молодежи в мероприятиях по патриотическому воспитанию и подготовке к службе в Вооруженных Силах Российской Федерации;

- реализация программ и мероприятий, направленных на профилактику правонарушений,

проявлений экстремизма в молодежной среде.

29 августа 2007 года Законодательное Собрание **Владимирской области** приняло областную целевую программу "Молодежь Владимирской области", рассчитанную на 2008-2010 годы. За время действия программы на реализацию молодежной политики во Владимирской области будет направлено более 23 миллионов рублей [15]. В программе указаны мероприятия по 10 направлениям – в том числе «Здоровый образ жизни», «Гражданин России», «Молодежная инициатива», «Карьера» и «Молодая семья». В рамках реализации программы во Владимирской области должен появиться молодежный Интернет-портал и газета, будут организованы всевозможные конкурсы от антинаркотического «Наркоз-стоп» до соревнований среди инвалидов. В рамках направления «Доброволец», например, планируется провести трудовые десанты и экологические экспедиции. В свою очередь, губернатор Владимирской области Н.В. Виноградов утвердил постановление о проведении года молодежи во Владимирской области и мероприятия направления на патриотическое воспитание молодого поколения [16]. Мероприятия включают:

- проведение информационных семинаров, совещаний, круглых столов с работниками молодежной сферы по основным направлениям реализации молодежной политики в регионе;
- участие во всероссийском молодежном форуме "Жить и политике работать в России";
- участие во всероссийской патриотической акции "Во славу Великой Победы";
- участие в слете военно-патриотических клубов Центрального федерального округа;
- участие во всероссийском молодежном форуме "Селигер - 2009";
- проведение областной социально-патриотической акции "День призывника" и др.

По мнению автора, в век глобализации, развития единого информационного пространства возрастает роль молодежи в принятии решений на местном, региональном, федеральном и мировом уровнях. Участие в жизни общества и активная гражданская позиция молодежи предполагает участие ее в любых формах деятельности с целью построения гражданского общества. Социальная интеграция молодежи помогает ей не только справиться со своими проблемами и трудностями, но и с вызовами современного общества. Пересмотренная Европейская хартия об участии молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровнях определяет, что любые стратегии, призванные активизировать участие молодежи в жизни общества, следует претворять в жизнь в атмосфере уважения к молодежи и с учетом разнообразных потребностей, обстоятельств и чаяний

молодых людей. При этом молодежь становится ресурсом социально-экономического развития государства.

Как мы видим, в субъектах Российской Федерации наметилась тенденция создания и разработки Программ патриотического воспитания. Особо радует тот факт, что местные администрации выступают заказчиками Программ и создают все условия для их реализации. Местные администрации организуют встречи молодежи с ветеранами, конференции и круглые столы, по вопросам патриотического воспитания, поддерживают создание гражданско-патриотических клубов, содействуют развитию медиа-инфраструктуры региональной молодежной политики (молодежные печатные и электронные СМИ, региональные молодежные Интернет-порталы, другие способы информирования молодежи - стенды, реклама в транспорте), содействует формированию трудовых молодежных и студенческих отрядов. Самое главное как считает автор, не останавливаться на достигнутом и продолжать активно работать по направлению реализации молодежной политики и патриотического воспитания. А также необходимо местным, уполномоченным органам государственной власти публиковать ежегодные отчеты о положении молодежи на вверенной им территории, и отчеты о проделанной работе и конкретных мероприятиях проведенных для улучшения жизнедеятельности данного социального слоя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Закон Владимирской области от 07.05.2007 № 50-ОЗ «О молодежной политике во Владимирской области». См.: Проект закона Владимирской области «Об областной целевой программе «Молодежь Владимирской области» на 2008-2010 годы». –С.4.
2. Концепция развития молодежного самоуправления в городе Кирове. Из материалов деятельности молодежных парламентов и молодежных правительств в субъектах Российской Федерации. –Киров.2007. С.4.
3. Постановление губернатора Владимирской области Н.В. Виноградова № 20 о проведении года молодежи во Владимирской области от 13 января 2009 года.
4. Постановление Правительства Астраханской области от 21.09.2005 N 337-П "О концепции отраслевой целевой программы "Молодежь Астраханской области" на 2006-2009 годы". –С.10.
5. Постановление Правительства Самарской области от 21 декабря 2005 г. N 155 "О Стратегии государственной молодежной политики в Самарской области на 2006 - 2015 годы". С.2.
6. Проект ведомственной целевой программы "Молодежь Свердловской области" на 2009-2011 годы от 12 сентября 2008. Из материалов деятельности общественной молодежной палаты при Областной Думе Законодательного Собрания Свердловской области.-С.3.
7. Проект закона о молодежи и молодежной политике Воронежской области от 21.01.2009 г. –Воро-

- неж.2009. С.6.
8. Проект федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». –М.2009. С.1.
 9. Проект федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации». –М.2009. С.1.
 10. Концепция развития молодежного самоуправления в городе Кирове. Из материалов деятельности молодежных парламентов и молодежных правительств в субъектах Российской Федерации. –Киров.2007. С.4.
 11. Проект закона о молодежи и молодежной политике Воронежской области от 21.01.2009 г. –Воронеж.2009. С.6.
 12. См.: Постановление Правительства Самарской области от 21 декабря 2005 г. N 155 «О Стратегии государственной молодежной политики в Самарской области на 2006 - 2015 годы». С.2.
 13. См.: Постановление Правительства Астраханской области от 21.09.2005 N 337-П «О концепции отраслевой целевой программы «Молодежь Астраханской области» на 2006-2009 годы». –С.10.
 14. См.: Проект ведомственной целевой программы «Молодежь Свердловской области» на 2009-2011 годы от 12 сентября 2008. Из материалов деятельности общественной молодежной палаты при Областной Думе Законодательного Собрания Свердловской области. –С.3.
 15. Закон Владимирской области от 07.05.2007 № 50-ОЗ «О молодежной политике во Владимирской области». См.: Проект закона Владимирской области «Об областной целевой программе «Молодежь Владимирской области» на 2008-2010 годы». –С.4.
 16. Постановление губернатора Владимирской области Н.В. Виноградова № 20 о проведении года молодежи во Владимирской области от 13 января 2009 года.

N. Akhvlediani

PROGRAMS OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. Today, majority of Russian Federation subjects have understood the urgency of supporting youth of social guarantees and opportunities for realization of their potential. Therefore, without waiting for federal law acceptances, they have already passed their own laws on young people support. Of all the Russian Federation subjects only nine do not have laws on youth policy. Thus, it should be noted that these programs are urged to promote effective involving of youth in the overall process of socio-economic, political and cultural development, on formation of patriotism in young generation and respect for the history and culture of fatherland and for other people living in Russia.

Key words: youth, region, public policy, youth policy, law, program of patriotic education.

УДК 323 (44)

Мигунов Е.В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОБЛЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ ФРАНЦИИ*

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные научные концепции французских исследователей по проблемам сепаратизма и образования новых государств. Проводится анализ основных работ французских политологов, социологов, юристов по данной проблематике. Значительное внимание уделяется правовым аспектам сепаратизма, анализируются политические, экономические и этнокультурные причины образования новых государств. В данной статье проводится анализ роли центрального правительства в урегулировании проблем сепаратизма на территории государства, а также исследуется политика региональных властей. В заключении делаются

выводы относительно влияния различных факторов на развитие сепаратистских движений внутри государства и приводятся правовые способы предотвращения попыток отделения территорий.

Ключевые слова: Франция, политика, признание независимости, территориальная целостность, этический конфликт, новые государства, сепаратизм.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть и проанализировать существующие подходы в научном, экспертном сообществе Франции по проблемам сепаратизма и образования новых государств. В настоящее время различные формы сепаратизма активно проявляют себя

* © Мигунов Е.В.

во многих странах мира, в том числе и во Франции, где присутствуют сепаратистские движения на острове Корсика, а также сецессионистские настроения среди населения Бретани, Наварры и ряда других французских провинций. Признание Францией независимости края Косово, территории, являвшейся частью Сербии, и осуждение французским правительством решения признать независимость Абхазии и Южной Осетии от Грузии, заставляют нас по-новому подойти к проблеме образования новых государств в современных реалиях международных отношений. Представляется необходимым изучить различные точки зрения французских экспертов по проблеме сепаратизма и попытаться на основании проведенного анализа дать ответы на следующие вопросы: в чем заключаются основные причины сепаратизма? Когда и при каких условиях часть территории государства отделяется, образуя новое государство? Какова роль центральных властей в решении проблемы сепаратизма? Можно ли выработать эффективный механизм урегулирования данной проблемы в рамках правовых норм? Ответы на эти и другие вопросы позволят нам получить представление о современном состоянии дискуссий в научном сообществе Франции касательно сепаратизма и образования новых государств и, таким образом, понять логику действий правительства Франции в отношении соответствующих стран и регионов.

Переходя к анализу современных научных концепций французских исследователей, посвященных сепаратизму, можно выделить несколько подходов к пониманию данного явления в международных отношениях, лежащего в различных научных плоскостях. Так, например, политика государств в отношении отдельных сепаратистских движений, являющихся активными субъектами мировой политической системы, изучается в рамках политических наук и социологии. В данном случае при анализе сепаратистских движений французские эксперты используют различные теории национализма, этноцентризма, межэтнической конфликтологии. Для анализа экономических факторов, способствующих появлению сецессионистских движений и попыток регионов выйти из состава государства, используется ряд положений экономической теории. В рамках истории, культурологии и межкультурной коммуникации французскими экспертами был выработан ряд подходов, затрагивающих проблемы этнокультурного взаимодействия в рамках одного или нескольких государств. Политико-правовой подход позволяет исследовать проблему образования и признания новых государств сквозь призму правовых норм.

Представителем социально-политического подхода к пониманию проблемы сепаратизма является известный французский социолог, Ми-

шель Виевиорка [4]. Он считает, что источником сепаратизма является национализм, реализуемый посредством радикальных политических идеологий и различных общественных течений. Одной из таких общественных идеологий применительно к Франции, по его мнению, являлся национал-популизм правых радикалов, возникший в конце 80-х годов двадцатого столетия, результатом которого стало создание Национального Фронта во Франции, а также индипенданнизм, политическое течение, нашедшее свое выражение в появлении национально-освободительных движений 60-70-х годов прошлого века. Другими радикальными движениями, лежащими в основе сепаратизма, являются:

1. расизм, получивший в последнее время широкое распространение в различных странах мира среди радикально настроенной молодежи. Он выливается, как правило, в насилие, осуществляемое с целью «очищения» профильной нации от представителей других национальностей;

2. национализм на государственном уровне, оперирующий принципами расовой или этнической чистоты. В качестве примера автор приводит события в бывшей Югославии.

Пожалуй, очевидным недостатком данной концепции является отсутствие упоминания о территориальном вопросе. Автор рассматривает сепаратизм с точки зрения его общественных истоков, не принимая во внимание экономический и правовой аспект проблемы. Со всей очевидностью можно утверждать, что предпосылками для возникновения сепаратистского движения может являться наличие у этноса определенных территориальных претензий к центральным властям. Другой вопрос, – является ли в конечном итоге отделение части территории страны и создание нового государства приемлемым вариантом решения межэтнических разногласий?

На этот счет интересно мнение известного французского ученого, специалиста в области международных отношений, Пьера Асснера [2]. В своих трудах он затрагивает проблему национально-этнического сепаратизма в странах бывшей Югославии. В частности, анализируя характер боевых действий, он пытается ответить на вопрос о том, являлась ли война в Югославии межгосударственной, гражданской войной в рамках одного государства, или же конфликтом между отдельными этническими группами, которые в результате сепаратистских движений образовали собственные государства.

По мнению Асснера, одной из главных причин территориального отделения регионов с однородным составом населения является диверсификация в их экономическом развитии, в результате которой одни регионы занимают цен-

тральное положение в экономической системе государства, а другие оказываются на периферии экономического развития страны. Таким образом, возникает ситуация, при которой наиболее развитые в экономическом отношении регионы, посредством расширения полномочий местных властей стремятся избавиться от необходимости нести на себе финансовую нагрузку отсталых регионов страны. Данное обстоятельство ставит также под вопрос и взаимовыгодное сосуществование различных этносов в рамках одного государства.

С другой стороны, анализируя дальнейшие положения теории Асснера, можно сделать вывод о том, что постановка определенных ограничений на проведение внутренней и внешней политики регионов с однородным составом населения способствует укреплению монополии центральных властей на установление торгово-экономических отношений с другими государствами. Но главным является то, что данные меры одновременно содействуют развитию трансграничного, сетевого сотрудничества с регионами других стран. Данное обстоятельство представляется особенно важным в ситуации, когда необходимо учитывать специфические условия развития соответствующих регионов, стремящихся расширить свои торгово-финансовые связи с другими акторами мировой экономической системы.

Упоминая непосредственно сепаратизм как способ решения между отдельными этническими группами разногласий, возникших на основе экономических проблем, Асснер считает справедливыми одновременно два утверждения. Первое из них заключается в том, что отторжение части территории государства в пользу определенной этнической группы, постоянно испытывающей на себе давление и ущемление своих прав со стороны центральных властей, в некоторых случаях может стать эффективным решением этнических разногласий. Второе положение противоречит первому, указывая на тот факт, что отторжение у государства части его собственной территории в результате сепаратистских тенденций может вылиться в будущем в попытки центральных властей вернуть утраченные владения, что, в свою очередь, только усугубит решение национального вопроса.

Вышеизложенная концепция представляет собой попытку рассмотреть проблему сепаратизма с точки зрения ее экономических аспектов. Территория в данном случае не играет определяющей роли в процессе принятия этносом решения об отделении. Асснер сосредоточивается именно на экономической составляющей, не давая однозначного ответа на вопрос о том, является ли в конечном итоге приемлемым отторгнуть часть территории государства в пользу какой-либо одной этнической группы.

Несколько более углубленный и комплексный анализ причин сепаратизма пытается в своих работах провести французский геополитолог, Франсуа Тюаль [3]. Помимо чисто экономических причин, он считает, что в настоящее время национально-этнический сепаратизм является следствием и ряда других факторов).

1. Негативная социально-экономическая обстановка в государстве.

2. Децентрализация государственной власти, кризис государственных структур, неспособных в полной мере удовлетворить нужды и потребности определенных групп населения.

3. Этнокультурная разнородность населения.

Тюаль считает, что в основе сепаратизма лежат причины социально-экономического характера, вызванные «избыточным демографическим давлением» внутри государства, влекущим за собой экономический кризис и социальную дезинтеграцию. Перед лицом экономических бедствий облегчение повседневной жизни видится в мощном объединении индивидуумов, например, на основе их этнической принадлежности. Это происходит с целью отделения от общего социально-экономического пространства, расширения своей автономии или создания нового государства, причем последнее представляется соответствующим этносом как единственно правильное решение для повышения своего экономического благосостояния.

По мнению Тюаля, экономический упадок во многом обусловлен и кризисом государственных структур, что также способствует появлению сепаратистских движений внутри государства. Говоря о кризисе государства, Тюаль имеет в виду ситуацию, при которой центральная власть оказывается не в состоянии в полной мере удовлетворить нужды и потребности всех народностей, проживающих на территории страны, а государственные структуры не могут эффективно выполнять свои функции в регионах. В результате последние начинают проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, требовать от центральных властей предоставления автономии и получать, таким образом, расширенные полномочия. Если к власти в таких регионах приходят радикально настроенные националисты, то, как правило, имеют место попытки отделения и сепаратизм на основе этнокультурной принадлежности индивидов.

И наконец, Тюаль подчеркивает, что на возникновение сепаратистских движений внутри государства, помимо социально-экономического и государственного кризиса, существенное влияние оказывает этнокультурная разнородность общества. Тюаль объясняет это «замкнутостью жизненного пространства», когда несколько этно-

сов вынуждены сосуществовать в рамках одного политического поля, в пределах общих границ. Разнородность общества предполагает наличие национальных или религиозных меньшинств, находящихся в тесном контакте друг с другом. В условиях социально-экономического кризиса, по словам Тюаля, подобное «соседство» может быть воспринято враждебно этносами, поскольку наличие разнородности рассматривается ими как препятствие на пути выхода из экономического упадка. В результате возникает либо взаимная вражда и, как следствие, попытки одного этноса утвердиться в рамках уже существующего политического пространства, за счет уничтожения других этносов, либо сепаратизм, – с целью выхода из состава государства и создания собственного, с моноэтническим составом населения.

Данная концепция действительно дает исчерпывающий ответ на вопрос об основных причинах сепаратизма с учетом экономического, политического и этнокультурного факторов. Но здесь возникает ряд других вопросов. Принимая во внимание все вышеперечисленные обстоятельства, являются ли с правовой точки зрения оправданными действия сепаратистов? Можно ли выработать политическими методами механизм, который позволил бы избежать появления сепаратистских движений.

Пожалуй, наибольший интерес для нас в этой связи представляет анализ проблемы сепаратизма и образования новых государств с точки зрения права. Представителем данного подхода является известный французский ученый, юрист, Гий Коттеро [1]. В своих работах он проводит анализ структуры современного государства, которая рассматривается через призму трех основных составляющих – территории, населения и правительства. Каждый из этих элементов сопровождается некими особыми качествами и характеристиками, присущими государству в целом.

Территория является неотъемлемой частью государства и отражает его сущность. По мнению Коттеро, недопустимо утверждать, что государство «обладает» территорией, государство – это и есть сама территория. С юридической точки зрения, невозможно создать государство без наличия географической территории.

Для создания государства необходима определенная группа людей, поскольку не может быть государства без населения. Но в то же время часть государства может оставаться вовсе незаселенной. То есть внутри него возможно наличие некоего территориального периметра, где население полностью отсутствует. При этом население, проживающее на территории какого-либо государства, может быть разнородным. Анализируя данное положение теории Коттеро, можно сде-

лать вывод о том, что государственная территория соответствует территориальному пространству разнородного населения, в рамках которого демографическое присутствие может распределяться неравномерно.

И, наконец, последним звеном, образующим государство, является правительство. С точки зрения системного анализа государства, правительство представляет собой власть, которая имеет возможность устанавливать правила поведения в социуме, создавать различные регулятивные механизмы общественной жизни в рамках рассматриваемого политического пространства.

Сущность концепции Коттеро заключается в поиске такого способа регулирования общественных отношений, который, находясь в рамках единой правовой системы государства, позволил бы учитывать интересы различных этнических групп на основе специально выработанных правовых режимов. Данная проблема является чрезвычайно важной, поскольку практически во всех случаях целью сепаратистов является создание собственного правового пространства на определенной территории, которое, как правило, отличается от уже существующей правовой системы соответствующего государства. Так, Коттеро утверждает, что вместо юридического права, действующего на всей территории Франции, Америки, России или Китая, можно представить себе отдельный свод законов и правил, который применим лишь для определенных групп индивидов, разделенных, например, по этнокультурному принципу. В этом случае возникло бы что-то вроде политико-правового пространства, периметр которого распространялся бы только там, где были бы люди, добровольно относящие себя к данному особому пространству. Данное положение Коттеро означает, что можно создать такую правовую систему, при которой отделение и сепаратизм теряли бы всякий смысл, поскольку нет необходимости создавать собственную правовую систему, если интересы представителей этнической группы, проживающей на определенной территории, реализованы в виде особого правового режима в рамках правовой системы всего государства. По мнению Коттеро, представляемый механизм, на первый взгляд, мог бы быть вполне приемлем и эффективен с точки зрения предотвращения различных этнокультурных конфликтов и, как следствие, сепаратистских движений на территории государства. Но в то же время на практике вряд ли представится возможным создать подобные политико-правовые пространства, поскольку это может привести к возникновению конфликтов правового характера, которые, по мнению Коттеро, гораздо тяжелее поддаются урегулированию, чем конфликты, возникшие на территории государс-

тва с единым политико-правовым пространством, одинаковым для всех этнокультурных общностей.

Анализируя последующие положения теории Коттеро, можно прийти к заключению, что в современных государствах индивиды могут выражать свою идентичность несколькими способами: а) исходя из собственной принадлежности к определенной территории; б) исходя из своей принадлежности к определенному политико-правовому пространству; в) исходя из своей принадлежности к определенному этнокультурному пространству. В этой связи конфликты, не связанные с изменением существующего периметра государства, где правовая система чаще всего едина для всех этнокультурных общностей, как правило, не ведут к серьезным последствиям для государства в процессе пересмотра тех или иных законов и правил в пользу определенных этнических групп. Напротив, конфликты, напрямую затрагивающие периметр государства, когда определенная этнокультурная общность изъявляет желание отделиться и создать собственное территориальное и политико-правовое пространство, могут привести к самым негативным последствиям, вплоть до распада государства в результате сепаратистских движений.

Главный вывод, который может быть сделан в процессе изучения взглядов Гия Коттеро на проблему сепаратизма, заключается в том, что в современном государстве должна быть разработана новая политико-правовая система, которая могла бы, с одной стороны, являться единой для всех индивидов, проживающих на территории данного государства (исходя из их территориальной принадлежности) и, с другой стороны, отражать интересы отдельных этнокультурных общностей (исходя из этнокультурной принадлежности индивидов). Это позволит изначально ликвидировать одну из главных причин сепаратизма, помимо территориального отделения, – создание определенной этнической группой собственного политико-правового пространства.

Подводя итог проведенному анализу вышеизложенных концепций, можно ответить на вопросы, которые были поставлены в начале данной статьи. Основными причинами сепаратизма, с точки зрения французских экспертов, являются проблемы экономического характера внутри государства, усугубляемые кризисом государственных структур и напряженностью в отношениях между различными этническими группами. Территориальное отделение в результате сепаратистских движений и образование нового государства

возможно в случае наличия давления со стороны центральных властей и ущемления прав этносов, проживающих на соответствующей территории. В условиях политического и экономического кризиса государства сепаратизм подкрепляется развитием национализма, расизма и других радикальных общественных идеологий. В современных условиях возможным представляется выработка механизма урегулирования проблемы сепаратизма в рамках правовых норм при сохранении территориальной целостности государства. Он заключается в установлении в рамках общей правовой системы государства некоего особого правового режима, который учитывает интересы конкретной этнической группы, исходя, прежде всего, из этнокультурной идентичности ее представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Cottureau G. Qu'est-ce qu'un Etat?//Les Regions en revolte contre les Etats. Paris: Complexe, 2002.
2. Hassner P. (avec Marchal R.). Guerre et Sociétés. Etats et violence après la guerre froide. Paris: Karthala, 2003.
3. Thual F. Le désir de territoire. Morphogenèses territoriales et identities. Paris: Ellipses, 1999.
4. Wieviorka M. Quatre figures du nationalisme: la question de la violence// Sociologie des nationalismes. Paris, 1998.

E. Migunov

THEORETICAL VIEWS AT THE PROBLEM OF FORMATION OF NEW STATES IN THE MODERN SCIENTIFIC COMMUNITY OF FRANCE

Abstract. In the given article the author considers modern scientific concepts of the French researchers on the problems of separatism and formation of the new states. The analysis of the basic theoretical works of the French politologists, sociologists and lawyers on the given problematic is carried out. The considerable attention is paid to the legal aspects of separatism, the political, economic and ethnocultural reasons of formation of the new states are analyzed. In the given article the author conducts the analysis of the role of the central government in the solution of problems of separatism on the territory of state; also the policy of the regional authorities is investigated. At the end, the author makes conclusions concerning the influence of various factors on the development of separatist movements inside the country and legal ways of prevention of the attempts of the territorial separation.

Key words: France, policy, recognition of independence, territorial integrity, ethical conflict, new states, separatism.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Андрей Вячеславович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: abram-off@mail.ru

Азерникова Ирина Павловна – аспирант кафедры истории России нового времени Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: mindliny@mail.ru

Ахвледиани Нино Резмановна – кафедра политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: Ninoakhvlediani@gmail.com

Беспалов В.В. – кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук общевоинской академии ВС РФ, ветеран – участник Великой Отечественной войны; e-mail: V.Bespalov@yandex.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук ВШ; e-mail: volobuev@yandex.ru

Воронин Сергей Анатольевич – кандидат исторических наук, докторант отдела комплексных проблем международных отношений Института востоковедения РАН; e-mail: 6771443@mail.ru

Галкин Павел Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой муниципального управления и социального сервиса Коломенского государственного педагогического института; e-mail: pvgalkin@nm.ru

Галкин Павел Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой муниципального управления и социального сервиса Коломенского государственного педагогического института; e-mail: pvgalkin@nm.ru

Горобий Алексей Викторович – аспирант кафедры историографии и источниковедения Тверского государственного университета; e-mail: alexogor@mail.ru

Джескупов Эренцен Сергеевич – адъюнкт кафедры истории Военного университета; e-mail: clio1@yandex.ru

Егоров Игорь Степанович – аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; тел. (499) 780-09-43 (1529)

Захаров Виталий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Московского государственного университета приборостроения и информатики; e-mail: vz1974@yandex.ru

Крысов Александр Георгиевич – священник Римско-Католической Церкви, приор оратория св. Пия V прихода св. Людовика в г. Москве, соискатель при кафедре Новой и Новейшей истории стран Запада и Востока Московского Государственного Педагогического Университета; e-mail: ludas@zmail.ru

Каширина Татьяна Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного университета; e-mail: Kashirinatv@mail.ru

Каюмова Альфира Фарвазовна – аспирант кафедры истории Башкирского государственного университета; e-mail: alfkayumova@yandex.ru

Макутчев Александр Валерьевич – аспирант кафедры истории России Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; e-mail: amaviska@rambler.ru

Малышев Олег Сергеевич – аспирант кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова; e-mail: delusion7@rambler.ru

Мамедов Искендер Биньямин оглы – кафедра Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: iskander.mamedov@mostravel.com

Мезит Людмила Этгаровна – доцент кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева; тел. (391) 229-78-47

Мигунов Евгений Валерьевич – аспирант Дипломатической Академии МИД России; e-mail: mindliny@mail.ru

Мошев Алексей Владимирович – аспирант кафедры новой и новейшей истории России Московского государственного областного университета; e-mail: allekks85@mail.ru

Парамонова Екатерина Ивановна – аспирант кафедры отечественной истории Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара; e-mail: angelkt2@rambler.ru

Печищева Людмила Александровна – аспирант кафедры теории и истории международных отношений МГЛУ; e-mail: lisy-a85@inbox.ru

Пещеров Вадим Георгиевич – аспирант кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета; тел. (499) 780-09-43 (1529)

Рогачева Любовь Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории отечества Российского государственного социального университета (г. Москва); e-mail: secrdisser@yandex.ru

Самедова Севда Тофик кызы – научный сотрудник Института Археологии и Этнографии Национальной Академии Наук Азербайджана, соискатель научной степени кандидата исторических наук; e-mail: mindliny@mail.ru

Сейранян Феликс Гайкович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета, академик РАВН; тел.: 8(499) 152-17-66

Сидорова Ирина Тимофеевна – соискатель Пермского государственного технического университета (Березниковский филиал); e-mail: mindliny@mail.ru

Сухова Наталия Юрьевна – кандидат исторических наук, магистр богословия, доцент кафедры истории Русской Православной Церкви, заведующая учебно-методическим отделом Богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета; e-mail: suhova_n@mail.ru

Тетерин Павел Викторович – аспирант кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail:

Федотов Андрей Викторович – аспирант кафедры истории России Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого; e-mail: adress777@mail.ru

Фурцев Роман Витальевич – старший преподаватель кафедры истории мировых цивилизаций Московского городского педагогического университета; e-mail: secrdisser@yandex.ru

Цыкина Юлия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры и искусств Марийского государственного университета; e-mail: suleimani@mail.ru

Якушев Павел Александрович – аспирант кафедры истории и права Смоленского государственного университета; e-mail: yakusheff.pavel@yandex.ru

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году.

Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России.

В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК.

Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу **vest_mgou@mail.ru** прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- ❖ фамилия, имя, отчество (полностью);
- ❖ ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
- ❖ адрес (с указанием почтового индекса);
- ❖ номера контактных телефонов;
- ❖ адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- ❖ желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**; с указанием места работы на английском языке

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Список Литературы**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК

Фамилия И.О.

Университет или организация

с указанием в скобках города, если он не следует из названия

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

И. Фамилия (английский язык)

Наименование учебного заведения на английском языке с указанием в скобках города, если он не следует из названия.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Abstract.....

Key words:.....

Текст статьи.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в приставленном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затековые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать»

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ» в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (495) 723-56-31 (Ефремова Елена Сергеевна, Потапова Ирина Александровна)

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«История и политические науки»

№ 2

Подписано в печать: 05.05.2010.
Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBookC». Уч.-изд. л. 17. Усл. п. л. 10.
Тираж 355 экз. Заказ № 271.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.
Тел. (495) 723-56-31

Bulletin
Of Moscow State Regional University

SERIES
“HISTORY AND POLITICAL
SCIENCES”

№ 2

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Chemistry, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Doctor of Philosophy, Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor

Editorial Board. Series «History and political sciences»:

Smolensky N.I., Doctor of History, Professor (editor-in-chief)
Abramov A.V., Candidate of Political Science (executive secretary)
Zhuravlev V.V., Doctor of History, Professor
Zakharov V.N., Doctor of History, Associate Professor
Seyranyan F.G., Doctor of History, Professor
Yarovoy E.V., Doctor of History, Professor
Fuks A.N., Candidate of History, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «HISTORY AND POLITICAL SCIENCES». – № 2. 2010. – M.: MSRU Press. – 152 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors are periodically updated with making necessary changes.

© MSRU, 2010

© MSRU Press, 2010